

СОВЕТСКИЙ
ХУДОЖНИК

МОСКВА

Юрий Халаминский

Дорогами

легенд

Твоя дорога

Город Александра Македонского

Тайна замка Муг

Благородная Бухара

Столица Тамерлана

Судьба Шахриябзского блюда

Во дворце Худояр-хана

Минареты Хивы

Гель — цветок пустыни

ОТ АВТОРА

В своей работе я постоянно пользовался материалами исследований многих путешественников и ученых. Однако жанр книги, стремление не обременить ее научным аппаратом заставили названия этих трудов отнести в список использованной литературы, который может служить и библиографическим справочником.

Здесь основополагающие труды В. В. Бартольда, сочинения В. Массона, В. Шишкина, А. Якубовского, М. Дьяконова, А. Беленицкого, В. Вяткина, Г. Пугаченковой, Б. Веймарна, Л. Ремпеля, К. Тревера, С. Толстова, Б. Денике, Е. Пещеревой, О. Сухаревой, В. Чепелева, Я. Гулямова, Н. Черкасовой, И. Ноткина и ряд других фундаментальных работ.

Мне хочется сердечно поблагодарить всех тех сотрудников музеев и научных экспедиций, мастеров и вообще знающих людей, которые так щедро делились со мной своим бесценным опытом.

Особенную радость доставили мне совместные путешествия и долгие беседы с народным художником СССР Уралом Тансыкбаевым и народным художником Узбекистана Мухитдином Рахимовым. Они помогли мне понять людей и искусство своей замечательной земли.

Ты видишь: время старит все, что нам казалось

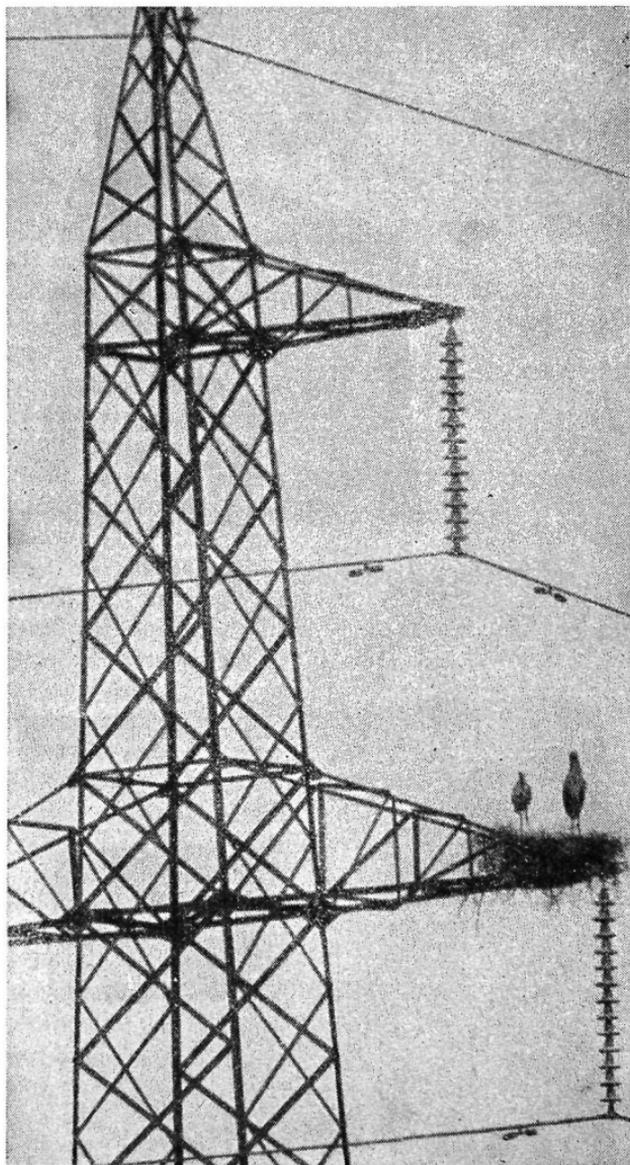
новым,

Но время также молодит деяния былые.

Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,

Но и пустыни расцвели, как цветники густые.

Рудаки

Начало. — Море в пустыне. — Древняя земля. — Гордость художника. — Диалектика века.

Путешествие началось по расписанию.

Счастливы тот, кто хоть раз испытал звенящее чувство начала пути. И пусть путешествие намечается не столь уж далеким и не ждуются в конце его великие открытия, все равно любая дорога, распростершаяся перед тобой, сулит новизну и радость. Эта радость в тебе самом, в желании движения, смены впечатлений, в ожидании за поворотом проселочной дороги, за каменистым склоном или холмом, выгоревшим и бурым, совершенно неожиданной встречи. Эта готовность к встрече с новым и есть то самое прекрасное чувство, которое отличает путешественника от всех прочих смертных.

Еще прошлой глубокой осенью, когда мерзли лужи и Москва готовилась встретить зиму, мы были в гостях у Урала Тансыкбаева в сером доме Узбекского постпредства на Большой Полянке.

С Уралом Тансыкбаевичем мы знали друг друга давно. Мне нравились его картины, в которых чувствовались размах сильной природы, понимание мужественной красоты просторной и цветущей страны. Он читал мои статьи и книги.

Тансыкбаев часто заманивал меня попутешествовать вместе. Теперь разговор зашел всерьез, пора было решать точно. Мы условились съехаться ранней весной, когда зацветут персики, и двинуть по Ферганской долине, к Самарканду и дальше, к Бухаре и Хиве...

Я встретился с Азией в суровые годы. Тогда, в сорок втором, обгоревшего и плохо понимающего, что происходит, меня среди таких же зеленых юнцов привезли на переформировку. Было не до памятников старины: реальность войны забирала все душевные силы. Но я хорошо запомнил выцветшее от жары азиатское небо, желтовато-белесые глинобитные стены, воздух, дымящийся над раскаленным, тонким песком, молчание древних стен, ослепительную многоцветность изразцов, сверкающим покрывалом брошенных на глыбы камня.

С тех пор меня часто манила Азия, хотелось ближе прикоснуться к ней, узнать обычаи ее народов, понять их искусство, разгадать его волнующую и притягательную силу. Потому я так волновался, когда, спустя годы после войны, впервые летел из Баку в Ашхабад, поперек пересекая Каспийское море. И когда за полосой мелкой воды и словно загустевшей пены прибоя, за правильными коробками городских строений Красноводска, возле квадрата аэродрома, поднялись первые песчаные дюны, я почувствовал, что начинает сбываться то, о чем давно мечталось.

Потом было много городов, много встреч. Самолеты, поезда, автомобили. Книжки, зимнее сидение над картами и планами, когда название неизвестного города, реки или перевала подталкивает фантазию и неудержимо манит. Тогда хорошо взять в руки шероховатое и круглое блюдо из Шахрисябза — города, где родился Тимур, и всмотреться в теплую глубину его коричневатой глазури, в слоях и наплывах которой пробегают золотистые искры, почувствовать темперамент мастера, совсем недавно вынудившего этот тонкий черепок из пышущей жаром глиняной печи, точно так, как делали его дед и прадед его прадеда.

И вот теперь путешествие по долинам гремящих на перекатах рек, по заснеженным горным кручам, по древним городам давно манившей земли приблизилось вплотную. Скоро можно будет заглянуть в самые глубины народной культуры, угадать истоки красоты, вечно живущей в творениях народных мастеров и художников, прикоснуться к тому, что нетленно идет сквозь века, составляя славу и гордость народа. Необычайно увлекательным было еще и то, что странствовать я должен был плечом к плечу с сыном этой замечательной земли, любящим и понимающим ее, гордым своей страной и умеющим рассказать о ней людям.

Тансыкбаев живет в старой части Ташкента. В зелененьком дворике все ему дорого, здесь он выращивает совершенно особенные сорта роз.

Летом в старых азиатских домах прохладно, они не отделены от цветов и зелени лестничной клеткой.

Мастерская Тансыкбаева невелика. Ему, очевидно, неудобно в ней разворачивать свои, как правило, большие холсты. Мало места для отхода, слабоват свет, падающий из узкого окна. Но художник мирится со всем этим. Более того, нигде в другом месте ему, как кажется, не было бы так удобно и привычно. Это очень важное дело — рабочее место художника. Как сразу узнается по нему человек, как неуютно бывает в иной чисто прибранной и щеголеватой мастерской. И как, наоборот, сразу завораживает тебя кажущийся беспорядок там, где кипит истинное творчество и где хозяин не заботится о показной стороне дела. Тансыкбаев всегда в плену своих замыслов и планов, он приходит к себе в мастерскую так же, как другой присаживается к столу, чтобы записать хорошо выношенную и созревшую мысль. Поэтому неважно, какова она сама по себе, эта мастерская, лишь бы она была всегда рядом и ничто в ней не мешало сосредоточиться.

Мы условились не выезжать с «первыми лучами солнца», а хорошенько выспаться и тронуться, не торопясь. Однако поднялись все рано. Я сидел на еще сырых от рассветной росы ступеньках и в черном мешке заряжал кассеты для кинокамеры (это удивительно нудное занятие — ощупью наматывать тридцатиметровую пленку на выскальзывающую из пальцев катушку), когда по кирпичной дорожке в свою мастерскую прошел Тансыкбаев.

И вот путешествие началось. «Волга», переехав довольно широкий Чирчик, темный от черной воды, сбегавшей с рисовых полей, помчалась по прямой дороге, прорезающей пологие холмы, уже подернутые зеленью поднимающейся пшеницы. Мы обгоняли вереницы велосипедистов, едущих с корзинами за степными тюльпанами. Весной, когда солнце еще не успевает сжечь открытые вершины холмов, азиатские равнины выглядят необыкновенно весело и празднично: зеленый ковер щедро украшен живым алым узором. Навстречу шли толпы ребятишек, протягивая в окна машины снопы огненных цветов.

Мы мчались по древней земле, недалеко за Сыр-Дарьей начиналась легендарная Согдиана. При минимальном усилии воображения можно было различить бронзовый гром боевых фаланг Александра Македонского, увидеть полыхание походных костров Спитамена, смелого согдийского воителя, дерзнувшего поднять восстание про-

тив власти божественного Александра. Здесь все измерялось не годами, не десятилетиями, и даже века были малой мерой. Мелькали столетние царства. Полтора тысячелетия спустя после отважных походов Македонского через города и оазисы Маверанахра пронеслась монгольская конница, и люди услышали устрашающий свист стрел, снаряженных костяными наконечниками, завывавшими во время полета. Почти не меняются приемы захватчиков — стоит вспомнить воюющие бомбы фашистов и сирены под крыльями пикирующих бомбардировщиков!

Потом походы Тамерлана — Железного хромца, этого неграмотного покровителя наук, чьи глаза были «похожи на свечи, но без блеска». Это его прах покоится в Самарканде, под расколотым надвое темным и прозрачным камнем.

Александр Македонский, Чингис-хан, Тимур... Восстание Спитамена; спустя тысячу лет — восстание Муканы, предводителя «людей в белых одеждах»; еще через пятьсот лет — восстание в Бухаре Махмуда Тараби — сколько силы духа и человеческой гордости! Слава ученых, мыслителей, поэтов, художников, предания старины отступают каждого прикоснувшегося к древней, азиатской земле.

Так и казалось, что Тансыкбаев, прекрасно знающий историю своей родины, увлеченно начнет разговор о прошлом, и мы, зачарованные ритмом пологих холмов, все бегущих и бегущих назад вдоль дороги, с нетерпением ждали этих рассказов.

И вдруг:

— Наконец! Наконец-то она задымила, — раздалось с переднего сидения.

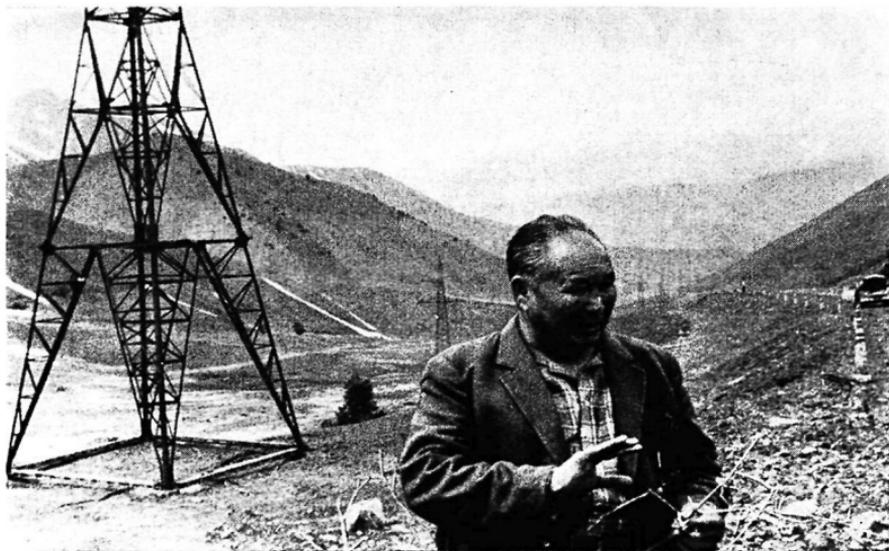
— Кто задымил?

— Да вон труба. Вытянули две трубы: одна давно дымит, а вторая — словно неживая. Я все жду и жду. Наконец-то! — и в голосе художника послышалось облегчение.

Признаюсь, я был несколько озадачен: вместо Александра Македонского вдруг какая-то кирпичная труба, которых тут целый лес, — подумаешь!..

Действительно, целый лес! И только тут я обратил внимание на то, что за первой линией зеленых бугров, близко подступивших к дороге, во все стороны расстилается равнина, плавно, как неглубокая чаша, поднимающаяся вверх отрогами гор. Наша машина находилась словно на дне этой огромной чаши, края которой были поэтому легко обозримы.

И всюду, сколько хватало глаз, поднимались заводы. Они тянулись сплошной лентой, дым фабричных труб был замешан круче, чем сизая дымка предгорий. Потому что грандиозная панорама Ал-

Урал Тансыкбаев.

На новых дорогах Ферганы.

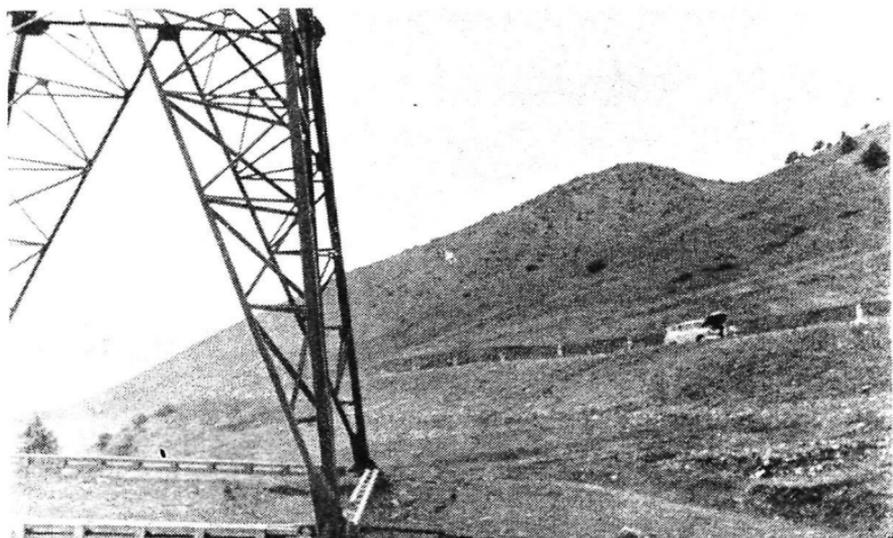
Высоко. Мотор не тянет.

Нурепечот

К перевалу.

Утром.

малыкского промышленного района открылась неожиданно и сразу, зрелище поражало.

Пятьдесят лет назад в Узбекистане насчитывалось всего лишь восемнадцать тысяч рабочих. А сейчас здесь трудится почти полмиллиона рабочих и служащих. Наши отцы привыкли считать каждую новую стройку победой. А тут, в некогда отсталой Азии, она была еще и предметом национальной гордости. Добрая привычка хозяйского отношения к своей земле осталась в людях старшего поколения. И потому так ревниво ждал Тансыкбаев, когда же, наконец, задымит, начнет работать, встанет в строй новенькая и стройная труба Ахангаранского цементного комбината.

Когда машина остановилась над котлованом Ангренского угольного бассейна, он сначала показался не таким уж большим. И только потом, приглядевшись, можно было различить на ступенях карьера железнодорожные составы, похожие с высоты на длинные карандаши, спичечные коробочки шагающих экскаваторов, которые, попыхивая серыми струйками дыма, как заведенные, вертелись на своих шарнирах. Мы смотрели на гигантский угольный карьер с высоты птичьего полета.

Дорога медленно пошла вверх, словно борясь с течением разлившегося по каменистым отелям Ангрена. Петля за петлей, поворот за поворотом. Все обрывистей склоны, меньше весенней зелени и, наконец, снег толстые, слежавшиеся пласты, высовывающие языки на асфальтовое полотнище. Машина тянула все трудней и трудней, и шофер пожаловался, что слышит мотор, как сквозь вату. Давала себя знать высота.

Мы подбирались к перевалу. Где-то внизу, так далеко, что даже не ощущалась реальность высоты, была долина реки, а здесь с хребта неровным краем по расщелинам и отрогам низко спускались снежные языки. А на границе бурой земли и снега росла арча, казавшаяся отсюда мелким кустарником.

По склонам гор, добираясь до самых заснеженных вершин, друг за другом шагали решетчатые мачты электролиний. До этого они гигантскими шагами спешили за нами по равнине, и просто невозможно было представить пейзаж без их ритмичной череды. Мачты, как живые, то протягивали в стороны руки, держа в каждой по проводу, то поднимали их вверх, складывая вместе, чтобы перекинуть провод через встретившийся холм. Линии электропередач ветвились и пересекались, как артерии сильного, пульсирующего организма. Решетчатые башни легко взбежали за нами в гору, обгоняя дорогу, поднялись на самую кручу и шагнули дальше за перевал.

Под обрывом, как рухнувший воин, лежал, сорвавшись, стальной

великан. Словно у него не хватило сил взобраться на кручу, и, цепляясь за камни, он бессильно скатился вниз. Так и было: надрывный рев тракторов, звенящая мощь стальных канатов, дикое упрямство скал, напряжение и упорство идущих вперед людей. Пробивались наверх, как в бою. Каждая мачта, а их сотни и сотни, — новый рубеж.

Сильно грелся мотор, мы часто останавливались и, пока машина отдыхала, играли в снежки. Снег после цветущих садов и алых тюльпанов казался чудом. Мимо шустро проскочило битком набитое такси с привычными шашечками на дверце. Местные жители приноровились доезжать на такси до самого Камчика — 2268 метров! — а оттуда под горку пешочком спускаться вниз.

Перевал остался позади и горы начали отступать. Они снова маячили вдали непрерывной снеговой цепью. Мы с наслаждением дышали сухим воздухом равнины. Было заметно, что Тансыкбаев любит и размахом долины, и громадой гор, и серыми, словно припорошенными прахом, кустиками полыни.

— Есть у нас справедливая поговорка, — совсем неожиданно сказал он. — Не тот больше знает, кто больше прожил, а тот, кто больше видел. Я применил ее к своей профессии художника.

День кончался. От зажженной фары возвращавшегося с поля трактора как-то сразу наступил вечер. Скоро потянулись бурые прибрежные плавни Сыр-Дарьи. На плечах высоковольтных линий ансты свили свои, похожие на вязанки хвороста гнезда, вероятно, спугав высокие башни с минаретами. Птицы еще не вывели птенцов и потому бездельничали, охотно позируя в одиночку или парами перед телеобъективом.

Уже смеркалось, когда мы подъехали к Коканду и устроились ночевать в колхозной гостинице.

Нашим компаньоном был доктор Игорь Алексеевич Жуков, которого боготворит весь поселок художников в Хосте. Игорь Алексеевич оказался гипнотизером. Именно гипнотизером. Поначалу я отнесся к этой его профессии несколько иронически, но, говорят, у себя в клинике он делает буквально чудеса и пробиться к нему на прием просто невозможно. Сочинская телестудия затеяла снимать о нем фильм, и он, чувствуя себя, по крайней мере, Дугласом Фербенксом, «непринужденно» попадал в кадр моих аппаратов.

Мы много говорили о всемогущей силе душевного подъема, который обеспечивает успех в любой области человеческого творчества. В этот вечер Жуков рассказал нам о профессоре Д. из Харькова. Сеансы излечения от заикания Д. проводит публично. Ему нужна наэлектризованность аудитории, в которой находятся родственники

и близкие больных. Профессор отбирает самых трудных, берется за тех, от лечения которых все давно отказались, считая случай безнадежным. Он никого не усыпляет, только пробуждает в людях абсолютную веру в могущество целителя, в обязательность хорошего результата.

От подобных разговоров было легко перейти к завораживающей силе древних проповедников, умевших покорить собственной убежденностью и верой целые толпы взбудораженных слушателей. А отсюда было недалеко до ритуальных празднеств и особенностей дворцовой и культовой архитектуры, призванной внушать совершенно определенные чувства прихожанам. Это ли не акты массового гипноза!

Утром, когда солнце уже отражалось в пучках только что вымытой и словно отлакированной редиски, заполонившей прилавки кокандского базара, мы снова двинулись в путь, гадая, что же сегодня покажет нам Тансыкбаев. В разработанном маршруте уже начал угадываться определенный замысел.

Ферганская долина протянулась на триста километров с востока на запад и на сто пятьдесят с севера на юг. Арабский географ Мукадаси некогда так описывал этот край оазисов: «Не видишь деревни, прежде чем не войдешь в нее: ее заслоняют деревья. Это прелестнейшая страна на божьей земле, богатая деревьями, изобилующая реками, оглашаемая пением птиц... Весь Согд, словно плащ из зеленой парчи с вышитыми голубыми лентами проточной воды и украшенный белыми замками и домами». Жемчужиной Средней Азии называют Ферганскую долину.

Плодоносны земли Ферганы. В Узбекистане производится хлопка в два раза больше, чем в Бирме, Пакистане, Турции, Иране, Афганистане и Японии вместе взятых.

Аккуратные поля со всех сторон обступили нашу машину, подходя к самой дороге. Причудливое зрелище представляют собою тутовые деревья. Их высаживают обычно вдоль арыков, и они стоят шеренгами среди квадратных полей. Молодые побеги тутовника обрезают на корм шелкопрядам, поэтому весной, когда еще мало зелени, черные деревья фантастически растопыривают короткие ветки. В силуэтах «многоулачников», как их здесь называют, можно легко найти сходство с каким-нибудь зверьком или профилем плохо побритого знакомого.

Скоро за полосой зеленых адыров холмы стали каменистой и выше. Тансыкбаев примолк, а это было верным признаком, что сейчас появится что-то необычное, чем он собирался нас поразить. И действительно, машина со всего разгона выскочила из-за поворота и

нашим глазам открылась широченная впадина земли, где-то вдали ограниченная грядой гор.

Все желто-серое углубление было уставлено, как игрушками, буровыми вышками и автоматически работающими насосами. На огромном, легко обозримом пространстве не было видно ни одного человека, но, несмотря на это, оно наполнилось движением и жизнью. Ритмично кивали насосы, и по длинным трубам, не роняя ни капли на жадную землю, кровь земли сбегала в нефтехранилища. А где-то в одном из беленьких домиков инженер, глядя на пульт, следил за работой армии послушных машин.

Мы не смогли добраться до Шураба — места удивительно красивого. Бывалые местные шоферы предостерегли нас: за Исфарой дорога несколько раз перекрыта весенними потоками, несущими камни и лёссовую грязь. Пришлось повернуть обратно и возле Канибадама снова вернуться на автостраду, бегущую уже по территории Таджикистана.

Административная карта среднеазиатских республик выглядит затейливо. Территориальные границы, конечно, условны. Демонстрацией национального единства было строительство огромного Кайрак-Кумского моря, предпринятое совместными усилиями узбекского и таджикского народов.

Шутка сказать — «построить море». И где — в пустыне. Мы привыкли уже к тому, что создаются новые реки, водохранилища — озера, целые моря. И все-таки это сказочно: вокруг серо-желтая, поросшая колючками пустыня, и вдруг заголубеет у горизонта и разбегутся на просторе ровными рядами белые барашки.

Дорога долго бежала вдоль самого берега. Странно было видеть вытасенные на берег рыбацьи лодки и чувствовать на щеках свежий ветер, долго летевший над водной ширью.

Строительство Кайрак-Кумской ГЭС «Дружба» и водохранилища положило начало регулированию стока вод крупнейшей среднеазиатской реки Сыр-Дарьи. Человек исправлял недодуманности природы.

Когда мы ехали по бетонной эстакаде ГЭС, было видно, как вправо за низкой песчаной косой простирались серебристые дали, а слева за кубом словно содрогающегося от напряжения здания электростанции крутыми обрывами поднимались склоны каменистых утесов. Показав на один из них, Тансыкбаев сказал, что именно отсюда писал этюды для своей картины «Утро Кайрак-Кумской ГЭС». Я отчетливо вспомнил и эту картину и все те полотна, что висели в залах Академии художеств среди произведений, выдвинутых на соискание Ленинской премии 1964 года.

«Утро Кайрак-Кумской ГЭС» — первый план — срезанные вершины песчаных увалов, напряженных и горячих по цвету; тени — чуть фиолетовые, словно помнящие о потоках знойного, испепеляющего жара, льющегося на горячую и сухую землю. Кажется, дальше за рядом холмов должна бы потянуться унылая и безжизненная пустыня, а вместо этого взгляд тонет в голубой дымке светло-бирюзового моря. А между желтым песком и водной гладью, врезаясь в пространство прямизной инженерных сооружений, высится несокрушимый хребет плотины. В него заложена мощь человеческой энергии. Глядя на море и на эту плотину, начинаешь как-то по-новому понимать значение слова «преобразовывать». Преобразовывать природу!

В нем звучит новая романтика и поэзия наших дней. Несомненным выразителем современной романтики является Урал Тансыкбаев. Вспоминая залы его выставки, я мысленно видел блестящие от горных туманов петли шоссейной дороги Ангрэн — Коканд, эпическое спокойствие высокогорных пастбищ, вереницы решетчатых башен высоковольтных электропередач, разбежавшихся по зеленой, холмистой степи, пароходы на Сыр-Дарье, электрический свет в глухих кишлаках.

Ландшафт новой страны предстал перед нами. И это не были фантастические пейзажи будущего, это была реальность свершенного, того, что уже достигнуто, прочно вошло в жизнь, стало привычным и на что мы постепенно начинаем обращать мало внимания, отвыкнув поражаться грандиозностью свершений и перемен. А между тем, именно по этой, некогда пустынной и дикой, а теперь разумно упорядоченной и прекрасной в своей молодости земле вез нас умный и проницательный художник, не говоря громких слов, но каждый час наталкивая на чудеса, которые заставляли меркнуть чуда древности.

День за днем мы ехали мимо оазисов, созданных волей человека. Нас поражала опромность заводов. Асфальтовые автомагистрали пересекали по летучим мостам ровные нити каналов, а в них сверкала и бурлила свежая вода — самая большая драгоценность. Над нами гудели реактивные самолеты — и это были не спасательные экспедиции, прорвавшиеся в дикий край, а рейсовые машины, сделавшие окраины страны совсем близкими и доступными.

Шоссе еще порой пересекало пустыни, в которых молчаливо маячили руины древних караван-сараяв и крытых кирпичными куполами колодцев, из которых тянули некогда мутную, горьковатую воду темные губы верблюдов. Но о пустынях говорили теперь безо всякого почтения, как о чем-то надоедливом, мешающем, еще суще-

ствующем по недосмотру, потому что за грудой дел не доходят руки.

Урал Тансыкбаев гордится своей новой, преобразованной, свободной и красивой страной. И эту гордость легко почувствовать, взглядевшись в его просторные, эпические полотна, от которых веет романтикой преодолений, разумностью человеческих действий, чувством гармонии прекрасного мира.

Приехав в другой, незнакомый край, мы часто бываем падки на всяческую экзотику. У нас подчас не хватает элементарного такта. Мы умиляемся, глядя на облезлого ишака, любимемся глухими средневековыми стенами кишлаков, еще оставшимися по захолустьям, домишками, в которых неудобно жить. Словом, нагнетаем в душе своей этакое сентиментальное умиление прошлым, уходящим, вынужденным. И при этом подчас бесцеремонно не замечаем тех огромных сдвигов, которые меняют лицо земли, входят в быт, становятся естественными и привычными.

Ну разве не обидно, если приехавший в Подмоскowie человек начал бы вдруг любоваться и причмокивать при виде бревенчатых хибарок, еще сохранившихся кое-где от прошлого, а то, может, и позапрошлого века. Конечно, почерневшие бревна и съехавшие набок крытые щепой крыши выглядят куда как романтично. Однако разве позволительно начинать знакомство со страной с этих памятников былой нищеты и неустроенности? Разве не правильной повернуться лицом к тому новому и гордому, что высится вокруг нас, властно покоряя чистотой и романтикой разумных построений?

Художник и представил нам свою страну, которой он отдал и жизнь и любовь, с этой новой, гордой стороны. Он лицом к лицу поставил нас со своей современной, могучей и сильной Родиной, с тем, что вдохновляет его творчество.

Именно поэтому, когда мы, почти не останавливаясь, проехали Ленинабад и свернули на ура-тюбинскую дорогу, он не удержался и, несмотря на вечер и начавшийся дождь, сделал крюк, чтобы захватить в Беговат.

Мы пересекли помутневшую от дождя Сыр-Дарью, набирающую здесь силы, чтобы ринуться на лопасти турбин Фархадской ГЭС, и скоро поехали по мокрому асфальту Беговата. Здесь восемнадцать лет назад был пущен первый в Средней Азии металлургический завод. По тому времени это был гигант, а сейчас он лишь частично удовлетворяет потребности республики в металле. Тансыкбаев смотрел сквозь зарябившееся каплями стекла на пышущие паром огромные трубы, на вздымающиеся серые заводские стены, и чувствовалось, что он смотрит на старый завод, как на соратника в борьбе, как на товарища по общему походу.

То, что было сделано свободным народом — все эти дороги, моря, заводы, просторы полей, — было чудом. Всем этим можно было гордиться. Но чудом был и сам народный художник страны — Урал Тансыкбаев. Мыслимо ли, что казахский мальчонка, родившийся в семье рабочего, выучился, стал известным художником, академиком, что ему недавно, когда подошло шестидесятилетие, в столице республики в торжественной обстановке был вручен орден Ленина за его высокий творческий труд! Можно, конечно, понастроить заводы, даже налить моря на месте песчаных пустынь, но куда трудней вырастить в глухом краю свою национальную культуру, пробудить творческие силы народа.

Старинный городок Ура-Тюбе напомнил нам о юности Тансыкбаева. Здесь, на винном заводе, в первые годы Советской власти он работал главным виноделом. Знатоки ценили его вкус и способности. Интересно было смотреть, как ходил художник по «своему» разросшемуся заводу, как он, пробуя, прислушивался к букету вина и как настороженно, почуяв мастера, следили за ним опытные работники.

От глухого Ура-Тюбе и полукустарного заводики — до мощнейших гидроэлектростанций; от дерзких юношеских надежд — до звания академика и депутатского мандата — таков масштаб нашего века, такова диалектика революционных преобразований.

Река Санзар пробивает гряды гор, образуя теснину «Ворот Тамерлана». Мы долго стояли над обрывом, притулив к обочине нашу «Волгу», спасая ее от тяжелых авторефрижераторов, надрывно гудящих на тяжелом подъеме. Из-за темного выступа скалы, заворачивая по блестящей полоске рельс, вывернулся пассажирский поезд.

Сразу за Воротами Тимура началась древность. Мы въехали в плодородную долину Зеравшана, что в переводе значит «Рассыпающий золото». Вдали уже грезилась лазурная купола Самарканда и минареты старой Бухары.

Художник старательно возил нас от одного древнего памятника к другому и к стати вспоминал особенности каждого, но чувствовалось — интересы его не здесь. Он иронически посматривал на меня, когда я приволакивал с базара какой-нибудь прокопченный кумган. Действительно, как посмотрели бы мы на того, кто, как с реликвией, носился бы с выдавшим виды медным чайником?

Случилось так, что мне срочно пришлось улететь из Бухары, и через немного часов я был уже в Москве с целым снопом завернутых в афишу, упругих тюльпанов в руках.

Проводив меня, Урал Тансыкбаевич выехал дальше. Он собирался

писать серию картин о бурильщиках Газли и строителях нового Аму-Бухарского канала. Ему нужно было только кое-что уточнить и добрать этюдный материал.

Здесь сегодня проходил передний край семилетки, и художник спешил занять свое место в строю. Здесь среди побеждающего и нового он черпал свое вдохновение.

ГОРОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Александрия Эсхата.— Старый Ходжент.— Драгоценный цветной рельеф.— В доме усто из кишлака Шайхбурхон.— Существо спора.— На земле древней Усрушаны.— Завет.

Александр Македонский, предпринявший поход на территорию Средней Азии, застал здесь высокую, весьма развитую древнюю культуру. Население страны было подготовлено к принятию эллинистического начала, и в то же время местная культура и искусство не могли не оказать воздействия на пришельцев. Сам Александр, как свидетельствует Курций Руф, говорил, что у многих народов Азии он «находит такое, чему не стыдно было бы подражать: нельзя управлять таким государством, если не передавать другим свое и не поучаться у них самим».

Когда великий грек начал свой поход на Восток, он еще верил в незыблемость утверждения своего наставника Аристотеля, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные». Но то, с чем встретился Александр в далеких и неизвестных землях, перевернуло его представление о «варварах». Здесь нашел он не рабскую покорность и безволие, не варварство и невежество, а высокое человеческое достоинство, мужество, умение творить красоту и восхищаться ею.

В свой азиатский поход двадцатидвухлетний македонский царь выступил в 334 году до нашей эры с тридцатью тысячами пехотинцев и пятью тысячами всадников. Вдоль побережья его сопровождало сто пятьдесят кораблей. С этой армией Александр в течение пяти лет завоевал Малую Азию, Сирию, Египет, Финикию и остальные части громадной ахеменидской державы. Затем, перейдя через Гиндукуш, Александр Македонский подчинил себе одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий — Бактрию.

До сих пор ничто серьезно не препятствовало усилиям полководца, но впереди между двумя величайшими реками простиралась загадочная Согдиана, которую только предстояло покорить.

Трудна и опасна была переправа через Аму-Дарью (древний Окс). Когда войска подошли к берегу и с ходу попытались переплыть реку, говорит Арриан, «то это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около шести стадий, а глубина непропорциональна ширине. Река была очень глубока и песчана, течение ее столь быстро, что она легко одним течением выворачивала из земли все, что укрепляли в ней, кроме того, в песке нельзя было ничего прочно утвердить. Тогда, набив кожаные мешки соломой, воины Македонского вплавь переправились на другой берег своенравной реки».

Население Согдианы * вначале видело в Александре Македон-

* Согдиана — одно из трех (еще Бактрия и Хорезм) древнейших государственных образований, сложившихся в VII—VI веках до нашей эры на территории Средней Азии. История классового общества среднеазиатских народов насчитывает примерно двадцать пять веков. В середине VI века до н. э. большая часть Средней Азии была завоевана царем Киром, включена в состав огромной Ахеменидской державы и разделена на четыре сатрапии.

Владычество Ахеменидов в Средней Азии продолжалось до разгрома их державы Александром Македонским в IV веке до н. э. В 329—328 годах Александр завоевал Бактрию и Согдиану. Хорезму удалось сохранить свою независимость.

После распада империи Александра Македонского Бактрия, Согдиана и Маргиана вошли (312—250 гг. до н. э.) в состав государства Селевкидов. Примерно в 250 году до н. э. власть Селевкидов была свергнута и образовалось могущественное Парфянское царство Аршакидов с главным городом Ниса, расположенным недалеко от современного Ашхабада. Одновременно с Парфянским царством на территории Бактрии, Согдианы и Маргианы возникло Греко-Бактрийское царство.

В начале I века до н. э. в южных областях Средней Азии образовалось Кушанское царство.

В конце IV века нашей эры в результате нового завоевания власть великих Кушан в Средней Азии была окончательно сверг-

ском освободителя от персидского ига. Древняя Мараканда открыла перед ним свои крепостные ворота. Но постепенно жестокость завоевателей, все еще считавших местное население варварами, восстановила согдийцев против них. Уже в горах Усрушаны происходят кровавые схватки, в одной из которых был тяжело ранен сам Александр.

Огонь и меч принесла западная цивилизация на непокорные земли. Горели поселки и города, умирщвлено было более 120 тысяч

нута, и на месте их владычества в Бактрии и Согдиане возникло государство эфталитов. В середине VI века оно пало под натиском тюркских племен, образовавших Тюркский каганат.

Это был период сложения феодального общества, развития городов, представленный таким замечательным комплексным памятником культуры, как Пянджикент.

В конце VII — начале VIII века Средняя Азия была завоевана арабами.

Ослабление в начале IX века могущества Арабского халифата создало некоторые условия для возрождения самостоятельной государственности коренных среднеазиатских народов. Так, в конце IX века было образовано Саманидское государство, сохранившее самостоятельность до 999 года.

Период IX—XII веков весьма важен в развитии культуры Средней Азии. С достижением независимости от Арабского халифата начинается новый подъем в развитии местной культуры. Именно это время выдвинуло таких ученых, мыслителей и поэтов, как Али Ибн-Сина (Авиценна), Бируни, Фирдоуси, Рудаки. К этому времени относится замечательный памятник архитектуры — мавзолей Исмоила Самани в Бухаре.

Подъем национальной культуры был прерван монгольским нашествием, начавшимся в 1219 году. В течение 1219—1221 годов были захвачены и разгромлены Бухара, Самарканд, Ургенч, Балх, Мерв. Вся Средняя Азия оказалась под жестокой властью монголов.

Ослабление монголов привело к тому, что во второй половине XIV века земли Средней Азии были объединены под рукой Тимура.

После смерти Тимура (1405) его огромная империя распалась на две части: одна с центром в Герате находилась под властью Шахруха, другая с центром в Самарканде была отдана Улугбеку.

В начале XVI века кочевые узбекские племена под предводительством Шейбани-хана свергли власть тимуридов. Образовалось централизованное государство Шейбанидов.

Однако централизованная власть была слабой, и государство фактически делилось на несколько крупных княжеств: Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства.

В XVI веке между ханствами и Россией начинают налаживаться торговля и устанавливаться культурные связи.

Эта справка необходима для того, чтобы читатель мог лучше ориентироваться в запутанных и сложных по месту и времени событиях многовековой истории народов Средней Азии.

жителей. Цветущие долины обращались в дымящиеся развалины. Но не слабело сопротивление отважных и свободолюбивых согдийцев. Один из согдийских военачальников, поддерживавших первое время Македонского, отпал от него и возглавил восстание. По отрывочным свидетельствам древних авторов можно восстановить образ этого мужественного человека, боровшегося против иноземных завоевателей за независимость и свободу своей земли. Спитамен — так звали его.

Александр Македонский вышел к берегам Сыр-Дарьи, по всей видимости, в районе древнего Ходжента, в 1936 году переименованного в Ленинабад. Здесь могучая река, делая крутой изгиб, вырывается из горной теснины на равнинный простор. За рекой начинались владения воинственных и неуловимых скифов. Стремясь закрепиться на захваченных землях, Александр строил на них города, в которых ставил сильные гарнизоны. Так, он выстроил оборонительную крепость на Сыр-Дарье. Он велел своим воинам обнести глинобитной стеной лагерь на берегу реки и построить дома. Каждый получил свой урок. На семнадцатый день дома были подведены под крышу. Это укрепление было заселено греческими наемниками, плененными местными жителями и не пригодными больше к войне македонянами. Полководец дал городу свое имя. Александрию прозвали Эсхатой, что значит «Дальняя». Александрия Эсхата — самый дальний форпост Александра Македонского на северо-востоке Азии.

Пятилетнее пребывание македонян на землях Согдианы коренным образом изменило отношение полководца к азиатским «варварам». Он понял, что нашел здесь людей, достойных уважения, свободолюбивых и мужественных, готовых к самоотверженной борьбе. В умном, сильном и смелом Александре непокорность Согда не могла не найти понимания и отклика. Здесь, на этой далекой и цветущей земле, не оказалось ни рабов, ни варваров.

И завоеватель, вопреки обычаям и нравам времени, ищет близости с покоренными. Александр вводит ряд местных обычаев при своем дворе, включает согдийцев в армию, приближает их ко двору и к себе, начинает усваивать местные восточные нравы.

Плутарх отмечает, что Александр все более старался прироваться к образу жизни местного населения, а также познакомить согдийцев с обычаями македонян. Он полагал, что такое дружественное общение будет лучше способствовать достижению мира и согласия, чем насилие. Сам Александр дал пример своим воинам, женившись на Роксане, дочери Оксиарта, одного из местных властителей. Воины Александра говорили о Роксане (что по-гречески

значит «сияющая»), будто она была «самой красивой после жены Дария женщиной в Азии».

Вместе с войсками Александра на завоеванные земли проникала высокая греческая культура. В новые города завозилось большое количество памятников античного искусства. Как известно, в лагерь Александра из Греции срочно были доставлены тексты трагедий Эхила, Софокла и Еврипида, ставившихся во время похода. Александр Македонский сам никогда не расставался с небольшой статуей, изображавшей сидящего Геракла. Статуя была изваяна Лисиппом, придворным портретистом Александра, мастерство которого оказало заметное воздействие на дальнейшее развитие искусства Бактрии и Согда.

Походы Александра Македонского имели для развития культуры несомненно двустороннее значение. Они, как указывает профессор К. В. Тревер, привели к своего рода синтезу цивилизаций Востока и Запада.

Знакомство с культурой Азии, в частности Средней Азии, дало западному миру то новое, что нашло себе столь яркое выражение в своеобразном и мощном явлении, которое мы называем эллинизмом, мало еще изученные среднеазиатские корни которого столь же сильны и широко раскинуты, как и изученные в гораздо большей степени корни переднеазиатские.

Ничего, кроме разрозненных монет, не осталось от этого времени, но все так же громоздятся в отдалении горы древней Усрушаны и так же несет свои светло-зеленые воды Яксарт (древнее название Сыр-Дарья), на излучине которого, там, где позже расположился город Ходжент, можно угадать место Александрии Эсхаты.

В дальнем конце Ленинабада, среди глинобитных кибиток и стен, как живой памятник древности, высится гигантский тутовник. Его ствол, весь в глубоких морщинах и трещинах, не обнимут и несколько человек. Это полная струящихся соков колонна, несущая на могучих ветвях крону свежей листвы. Местное предание гласит, что гиганту больше тысячи лет, что некогда здесь, у его корней протекала Сыр-Дарья и к стволу Туту-Колона крепил целью свое судно сам Тимур Малик.

Когда после взятия Бухары и Самарканда войска Чингис-хана осадили древний город таджиков, отряд его защитников под водительством Тимура Малика укрепился на одном из больших речных островов. На заре они подкрадывались к захваченным монголами берегам, нападали на укрепления, разрушали дамбы. Суда отважных для защиты от стрел были покрыты шатрами из толстого вой-

лока и обмазаны сырой глиной, спасавшей их от зажигательных снарядов.

Предание гласит, что, стараясь преградить путь Тимуру Малику, монголы протянули от берега до берега реки кованую цепь. Но могучий воин, поднявшись во весь рост на носу своего мчащегося по течению корабля, одним ударом рассек цепь, открывая путь своим сподвижникам.

Об этой красивой легенде напоминает могучее дерево, шумящее листвою на одной из улиц старого Ходжента.

Ходжент — один из древнейших городов мира. Под именем «Гюйчжанги» он упоминается в китайских источниках первой половины VIII века.

В девятом и десятом веках Ходжент был крупным торговым городом: через него шел путь с Дальнего Востока на Запад, в Иран и Переднюю Азию, и на юг, в Индию. Торговый путь этот назывался «Путем шелка». Шелк шел с Востока.

Древний Ходжент утопал в садах, его украшала быстротекущая река, над знойными равнинами, оглашенными благозвучным журчанием каналов, поднимались стеной горы, вершины которых тонули в снегах и туманах. Воздух был свеж и душист. Это великолепие вдохновляло восточных авторов, и они прославляли цветущий край, называя его «Тирози Джухон», что значит «Невеста мира».

Сам город состоял, как и многие азиатские поселения, из «шахристана» — укрепленной части и «рабата» — торгово-ремесленного предместья. Слово «рабат», по определению авторов XIII века, обозначает место, где привязывали лошадей. В годы арабского проникновения здесь поселялись «газии» — борцы за веру и «жили лицом к лицу с врагами, отражая их козни и их нападения на мусульман».

Из древних памятников в городе почти ничего не осталось. Только если пройдешь вдоль подножия старой крепости глинистыми откосами и спустишься к набережной Сыр-Дарьи и к аллеям разбитого внизу парка, то сможешь увидеть выступающие то тут, то там остатки древней кладки, угол башни, закругление боевого уступа. Возраст сохранившихся памятников всего лишь примерно полтора столетия. И тем интересней вдуматься в план старого Ходжента, составленный в 1909 году.

Шахристан окружали кварталы, в которых селились ремесленники по цеховому признаку. Вот квартал Хоса-бофон, где живут ткачи тонкой пряжи. А здесь Пахтакаш, в котором обитают теребилышники ваты, в квартале Чокарчагон живут маленькие подмастерья, а в

Санджарон — мастера щитов. В квартале Кунгур-аксазон на десятках наковален ковали молотками с длинными ручками большие колокольцы для верблюжьих караванов.

Названия сохранили нам картину жизни старого города. За рекой, куда нужно было переправляться на глубоко сидящих лодках, возвышается Серебряная гора — Кара-Мазар. Для тех, кто называл ее «Серебряной», она являлась источником богатства, но это название звучало и как «Черная могила» для тех бедняков, кто ценой жизни добывал драгоценную руду в глубине длинных и темных нор, прорытых к сердцу горы. Тридцать лет назад археологи обнаружили остатки печи, в которой здесь выплавляли металл.

О глубоком социальном неравенстве, о беспросветной нищете красноречиво говорят иные названия. Чего стоит хотя бы Гухигу-хурон — место, где ютились самые бедные, те, кого презрительно называли «пожирателями коровьего помета». А вот район Дари Шикоф, что значит «Дырявая дверь». Дверь в восточных городах играет особую роль. Она призвана представить, рекомендовать хозяина, засвидетельствовать его зажиточность и благонадежность. Дома и усадьбы, составляющие старый азиатский город, обращены внутрь, снаружи вдоль улиц тянется стена, слепленная из сероватой лёссовой глины. И на этой однообразной стене видна лишь дверь, ведущая в запретный для чужого внутренний двор и дом.

Дверь принадлежит определенному человеку, она его собственность, часть его владения. Она сама по себе драгоценна, так как сделана из дорогого здесь дерева, украшена резным узором и часто блестящим медным кольцом. Это хорошо начищенное кольцо далеко блестит в серой безлюдности узкой улицы. Дверь — это гордость.

И если район называется «Дырявая дверь», то сразу представляешь себе нищенские земляные норы, в которые уползали жалкие обитатели городской окраины.

Многие ученые раздумывали над тем, почему так узки улицы среднеазиатского города. Одни считают, что улицы делались крайне узкими для защиты от палящего солнца. Но это едва ли. Того, кому приходилось бродить по узким ущельям старого Ходжента или Бухары в летний полдень, вряд ли спасала кромка тени, жмущейся у каждого выступа. Мала тень, да и сама она, вся пронизанная отраженными оранжевыми бликами, представляет ничтожную защиту от беспощадного зноя.

Другое объяснение — экономия места в феодальном, ограниченном стеной городе — кажется более вероятным. Городу, стиснутому военными укреплениями, некуда было разрастаться. Поэтому дорожили

каждой пядью свободной земли, вот и стискивались кварталы. А улицы были просто не нужны. Их боялись, отгораживались от них, поворачивали к ним задние глухие стены жилищ. Если были окна, то лишь на втором этаже, узкие, как щели, бойницы, обязательно над входом.

В таких условиях и речи не было об украшении улиц. Даже деревья сажали здесь лишь для укрепления берегов арыков и хаузов.

Мы прилетели в Ленинабад (так в настоящее время называется древний Ходжент, выросший на месте Александрии Эсхаты) из Душанбе, столицы Таджикистана. Мы должны были переехать горы на машине, но рано наступившая осень метелями закрыла перевалы. По прямой лететь было всего ничего, но самолет долго кружил почти на одном месте, спиралью набирая высоту. На душанбинском аэродроме мы оставили жару и пыль, здесь же, на страшной высоте, в ущельях лежала нетронутая голубизна снега, а через несколько десятков минут на взлетном поле ленинабадского аэровокзала ледяной ветер рвал с нас легкомысленные плащи и бил в лицо колючим холодом.

Современный Ленинабад очень разросся. Рядом с ним появился, собственно, целый новый город с самой современной промышленностью. Недаром здесь в древности разрабатывались рудники. Оказалось, что горы хранят нечто поценнее серебра.

Вдоль главной улицы непрерывной ниткой, через которую было трудно перебраться, тянулась труба бухарского нефтепровода. На главной площади, недалеко от огромного, похожего на вокзал бетонного базара, воздвигнутого в минувшие дни гигантомании, недавно выстроено двухэтажное здание Ленинабадского отделения Союза художников.

Почти всю ночь шел разговор о картинах, собранных на очередной художественной выставке. Было приятно, что здесь, в далеком городе, нашу художническую братию волнуют широкие проблемы искусства.

Утром на выставку пришел усто Гафур Мансуров — один из старейших мастеров народной росписи. Старик был красив и строен. Его рост подчеркивал крытый сине-зеленым бекасабом чапон, свободно падавший с плеч до самых тонких опойковых сапог, обутых в мелкие остроносые калошки. Небольшая бородка удлиняла овальное лицо, сохранившее, несмотря на годы, живость и привлекательность.

Усто Гафур был неразговорчив и торжествен. Как оказалось позже, он просто присматривался к нам, еще малознакомым людям. Старик привел с собой черноглазого внука, притащившего неизвест-

но зачем расписную табуреточку. Эта довольно безвкусная табуретка, как и те панно, что были развешаны на стенах и вошли в экспозицию выставки, признаю, меня очень насторожили. Грубо сколоченная из фанеры табуреточка, покрытая примитивным узором, пестрящая краской, напоминала дешевую базарную поделку.

Панно представляли собой прямоугольные фанерные щиты, покрытые по краям традиционным узором. В центре, на свободном поле обычно помещался либо чей-нибудь портрет, либо схематичное изображение Спасской башни, либо еще какой-нибудь символический рисунок. Все это, как правило, исполнялось примитивно. Между центральной частью и орнаментальным узором не было никакой композиционной связи. И самое главное — было совершенно непонятно, для чего делаются подобные панно. Любое, даже самое возвышенное произведение искусства всегда имеет практическое назначение: статуя должна стоять там-то, картина предназначена для того-то, ваза сделана затем-то. А для чего делаются эти раскрашенные фанерки? Ведь они — жалкая пародия на те блистательные росписи, произведения народного искусства, что входят в монументальные комплексы и принадлежат строго определенному месту. Зачем вырывать их искусственно из органической среды, переносить на чуждый им материал? Не для того ли, чтобы заполнить пустоты в выставочных залах и отдать внешнюю дань признания народному искусству?

Нужен ли этот самообман? Нужно ли тратить силы мастеров и унижать их искусство до никому не нужных, некрасивых и пошлых поделок? Не лучше ли тратить силы и средства на создание настоящих, подлинных произведений?

Еще полбеда, что это не всегда понимают отдельные незадачливые руководители, призванные «направлять» искусство. Но что же сами мастера? Удивительно обидно было смотреть на Мансурова, в ком определенно чувствовались значительность и артистичность натуры, который, не понимая эклектизма расписных панно или смирясь с ним, так охотно фотографировался на их фоне.

Мы приехали в Ленинабад, чтобы помимо обсуждения выставки посетить знаменитый колхоз «Москва», преуспевающий под управлением своего не менее знаменитого председателя, дважды Героя Социалистического Труда Саидходжа Урунходжаева. В богатейшем колхозе построено новое здание Дворца культуры, щедро расписанное народными мастерами.

Эти росписи в свое время наделали достаточно шума. О них печатались статьи, окруженные сероватыми газетными клише. Цвет-

ные фотографии казались ярким ковром. И хотя создатели росписей в колхозе «Москва» были выдвинуты на соискание Ленинской премии, я относился к их работе с осторожностью. Эта настороженность еще больше возросла после непосредственной встречи с раскрашенной табуреткой и фанерными панно.

Погода не способствовала бодрому настроению: сыпал мелкий и надоедливый дождик, от которого быстро сыреешь и дрогнешь. Под дождем еще нелепей показался бетонный фонтан, брызгавший в разные стороны перед фасадом большого, но весьма обычного здания.

Прежде чем попасть к дворику, мы долго ехали урюковыми садами, пожалуй, это были даже не сады, а целый лес из редко стоящих деревьев. Легко представить их летом, когда ветви гнутся от золотистых и сочных плодов. Ленинабадский район славится своим душистым и сладким урюком.

Дворец культуры колхоза «Москва» — практически административный и культурный центр всего колхоза. Здесь находятся и правление, и кабинет председателя (недавно он переехал в более скромное помещение, а свой прежний кабинет — зал отдал под библиотеку), и многочисленные комнаты колхозного музея, и гостиница, и просторная чайхана, и вместительный концертный зал, и многие другие служебные и парадные помещения.

Строитель дворца архитектор Хикмат Юлдашев не затруднился особенными творческими поисками. Его создание — простейший сколок с образчика русской классической архитектуры конца XVIII — начала XIX века: тот же центральный объем, те же крылья с флигелями. Неуместны два фасада: один — парадный, а другой — парковый. Сады сплошной стеной обступили здание, и пришлось прорубить в них сквозную аллею, чтобы подчеркнуть парадный ход.

Это эклектичное сооружение тем нелепей, что в него вкраплены местные архитектурные и декоративные элементы: окна второго этажа завершаются стрелкой, на фасаде есть вставки из мозаики и резного ганча. Честно говоря, дворец при первом знакомстве с ним выглядел весьма чужеродно среди своеобразного местного ландшафта.

Трудности, стоящие перед архитектурным искусством в национальных республиках, очевидно, сказались и на работе архитектора Юлдашева. Сочетание национальных традиционных форм с современными строительными конструкциями чаще всего бывают неубедительны и искусственны. Признаться, ни в Ташкенте, ни в Душанбе мне не пришлось видеть ни одного здания, отмеченного органичностью и цельностью стиля. Чаще всего вкрапление национальных

элементов сводится к чистой декорировке, иногда сделанной с тактом и вкусом, но чаще — и без того, и без другого.

В работах некоторых архитекторов (в Душанбе архитектор Афанасьев) черты общеевропейского стиля напрочь вытесняют местные национальные особенности, не оставляя абсолютно никакой возможности для применения творчества народных мастеров. Кто сомневается в этом, пусть пройдет по улицам новых кварталов Душанбе. Спору нет, они удобны и благоустроены, даже по возможности приспособлены к местному климату, но эти дома могли бы с одинаковым успехом стоять на улицах и русского Владимира, и чешского Брно.

Внешний вид дворца в колхозе «Москва» не обнадеживал, и я поднимался по его ступеням и маршам, боясь разочарования. Успокаивали только воспоминания о рассказах Владимира Кантора, большого знатока прикладного искусства, одним из первых побывавшего здесь и написавшего о внутреннем убранстве дворца хорошую статью.

Первое впечатление было разительным. По стеклам бил дождь, в окна сочился мутноватый свет непогоды, с мокрых плащей капало на пол, а мы ходили, до отказа задрав головы кверху, захваченные совершенно фантастическим зрелищем. Напрочь отступили все сомнения: над нами драгоценным сводом простиралось нечто узорчатое, красочное, удивительно гармоничное, звучное и в то же время нежное, нечто подлинное, к чему не подберешь обыкновенных слов.

Да простится мне избитейшее сравнение, но перед нами блистало всеми красками и переливами сказочно прекрасное крыло Жарптицы. Росписи простирались над коридорами, они покрывали потолки залов и кабинетов, они наполняли серебристым, розово-синим, фишашково-зеленым, золотистым сиянием даже по-будничному плохо освещенные комнаты. Их было очень много, но их было ровно столько, сколько нужно по пропорциям и объемам здания.

Они не были разбросаны беспорядочно, в последовательности их расположения чувствовались продуманность и стройность гармонического целого. Длинный коридор разбивался на несколько отрезков, так что роспись каждого из них легко охватывалась взглядом, в общем решении не было ни монотонности, ни повторов. Сам узор был тщателен и мелок, но он объединялся крупными плоскостями и объемами, так что не было пестроты, а наоборот, крупные элементы составляли свой узор, в более значительном масштабе повторявший начальную композицию.

Первоначально цветистая вязь узора захватывала тебя целиком, и только позже ты начинал различать в ней строгую закономер-

ность, логическую обусловленность, взаимосвязь всех звеньев. Все это делало роспись похожей на стройную и абсолютно точную во всех частях музыкальную пьесу.

Несмотря на то что росписи покрывали дворец с невиданной щедростью, в их расположении виделась обдуманная предназначенность. Сугубо утилитарные помещения гостиницы и правления колхоза почти не имеют декора, он очень скромно обрамляет лишь дверные проемы.

С истинным чувством меры решено оформление зрительного зала. Центральная часть потолка почти свободна и заполнена лишь крупными элементарными звеньями. Там, где над ложами потолок опускается ниже, продольные панели разделены на восемь наборных расписных панно. Узор здесь довольно прост и легко воспринимается даже при беглом взгляде. Зато боковые фойе, их потолки расписаны удивительно богато и разнообразно.

В продуманности распределения декоративного убранства по дворцу виден общий режиссерский замысел, учитывающий психологию и восприимчивость зрителя. Росписи не просто заполняют стены, а строятся как целостное зрелище. Они требуют внимания и определенных усилий со стороны тех, для кого предназначены. В зрительном зале росписи держатся скромно, не претендуя на первую роль и не соперничая с главным зрелищем, для которого предназначается зал, и тем самым не мешая ему. А в фойе они стараются полностью захватить зрителя, позволить ему насладиться и цветом, и хитросплетением разнообразного узора. Мастера относятся к своему искусству с уважением, не позволяя рассматривать произведения рук своих мимоходом, а требуя полной отдачи.

Оформление интерьера во многом синтетично: росписи здесь сочетаются с резьбой по дереву, со вставками из резного ганча. Таджикские росписи покрывают не только гладкие поверхности потолка, но и наложенный на его плоскость сложный резной узор — и это определяет неповторимое своеобразие всего декоративного убранства. В том-то и дело, что роспись лежит не на ровной плоскости, а на деревянном рельефе, то выпуклом, то углубленном, имеющем самую причудливую конфигурацию. Такое построение присоединяет к игре красок игру формы, легкую светотень, заставляющую краски переливаться: то гореть обнаженно и ярко, то рдеть из затененной глубины.

Не понимая объемный, рельефный характер росписи, именно эту ее своеобразную прелесть, строители самой парадной столичной чайханы в Душанбе покрыли ее потолки крашеными плафонами,

написанными просто на гладкой фанере. И хотя исполняли эти росписи довольно опытные художники, строго следовавшие канону, они получились невыразительными, вялыми и плоскими. Если добавить к этому, что ретивые администраторы велели ради пышности выкрасить алюминиевой краской (ею красят фонари и урны) резьбу по белоснежному ганчу, то можно себе представить аховость зрелища. А между прочим, в эту чайхану ради экзотики возят всевозможных туристов, уродуя их представление о национальном искусстве.

Своеобразие таджикских народных росписей, то, что они не плоскостны, а представляют собой сложный многоцветный резной рельеф, привело к разделению художнического труда. Над созданием внутреннего убранства трудятся, как правило, мастера двух специальностей: «наккош» — мастер росписи и «наджер» — мастер по резьбе. Сочетание труда наккоша и наджера и дает в результате таджикский народный цветной рельеф.

Приступая к работе, народные мастера обычно совместно обсуждают общий характер композиции. Как правило, не делается никаких предварительных зарисовок и эскизов. После этого резчик приступает к созданию деревянной наборной конструкции.

Потолок таджикского дома состоит из пересекающихся толстых балок, промежутки между которыми заполнены тонкими палочками — бревнышками — «васса». Вдоль дорог и арыков можно встретить целые рощи тонких и стройных тополей, гладкие стволы которых идут на изготовление васса. Сочетание прямоугольников из выступающих балок и набора васса, своеобразные кессоны и составляют основу конструкции потолка таджикского дома. К ней принаправляют резной и цветовой декор.

Наджер в зависимости от характера потолка и самого помещения создает рельефную конструкцию, в которой прямолинейные выступающие полуобъемы, напоминающие несущие балки, чередуются с углубленными квадратами и многоугольниками. Композиции — «каузи» — традиционны, но позволяют создавать все новые и новые вариации. Каузи, воспроизводящая основополагающую композицию потолка таджикского жилого дома, называется «каузи вассаджуфт». Шестикратный ритм называется «каузи шаш». Есть «каузи нимшаш» — неполные шесть. Резчик набирает из традиционных элементов самые вольные композиции, ничем не ограничивая свою творческую фантазию. Когда резной рельеф создан и собран на потолке, его разбирают и по частям отдают наккошу — мастеру росписи.

В жилых таджикских домах потолки часто расписывают. В за-

высшимости от достатка и вкуса хозяина роспись бывает проще или изысканней. Самое простое, когда балки красятся в один цвет, а заполняющий промежутки между ними набор из полукруглых васса — в другой. Если роспись усложняется, нижние и боковые плоскости балок покрывают сложным рисунком, а промежуточные наборные плоскости — более простым. Этот принцип сохраняется и в наиболее парадных художественных росписях. Для среднеазиатского народного искусства характерны два типа орнаментов: герих и ислими. Герих (иногда произносится гирех) — геометрический орнамент, состоящий из прямолинейных элементов, образующих сложную сетку, пересечение строящих линий которой создает узлы — ритмически повторяющиеся центры орнаментальной композиции. Герих воспринимается как точно организованная система многоконечных звезд, многоугольников и других сложных геометрических фигур. Сочинение герихов требует исключительного искусства, знания традиций и композиционного дара.

Второй основной тип орнамента — ислими в противоположность геометрически прямолинейному гериху основывается на плавно изогнутых переплетающихся линиях, напоминающих вязь арабского письма, в усложненный узор которых органически вплетаются цветы, листья, травы.

В герихе цвет не имеет большого значения, здесь важны графическая четкость узора, логическое развитие темы, новизна вариаций. Герих чаще всего набирается из тонких планок, которые затем золотятся или окрашиваются в определенные цвета. Ислими, наоборот, весь построен на цвете, в нем не так важна строгость узора, как красота общей тональности.

Не следует думать, однако, что герих в силу своей строгой геометричности производит суховатое впечатление. Отнюдь нет! Сочетание многоугольного узора с различными медальонами на ярком цветном фоне обладает в высшей степени своеобразной прелестью. В четкой сетке орнамента цветут розы, наливаются лиловые виноградные гроздья, круглятся красные гранаты, нежно светится «пахта гюль» — тонкий цветок хлопка. Излюблен мотив «чинегюль» — китайская роза, цветок, вырастающий из стилизованной вазы. Я помню, как радовался усто Гафур Мансуров, в изобилии встретив этот мотив в росписях Кремлевских теремов и Грановитой палаты. Ему особенно нравилось сочетание растительного орнамента с головами зверей и птиц, искусно вплетенными в него русскими мастерами, не связанными требованием ислама — не изображать ничего живого.

Получив от наджера разобранный на отдельные щиты резной

рельеф, наккош при помощи припороха наносит на дерево контуры узора и начинает роспись. Цвет кладется локально, без всяких полутонов, в пределах заданного контура. Однако локальные цвета умело сгармонизованы. В каждой композиции всегда есть преобладающий цвет, диктующий ее тональность.

Благородной тональностью поражают прежде всего старые росписи. В бывшей соборной мечети Шайх-Маслихатдина (там теперь краеведческий музей) чудом сохранилось несколько старых кессонов, которые не успели реставрировать. Коричневатые, золотисто-красные, серебряные старые росписи, пусть потускневшие и тронутые временем, были насыщены цветом, проходящим через всю композицию. Большинство кессонов в музее реставрировано, вернее, поновлено. Прежний рисунок не восстанавливался, поверх него просто делался новый. Нельзя сказать, что плохой. Нисколько. Но совершенно другой. Драгоценная старая роспись погибла, к счастью, у музея не хватило средств на «реставрацию», и сохранившиеся участки потолка позволяют судить о былом великолепии.

Расписанные наккошем и его подмастерьями щиты снова возвращают к наджеру, и тот собирает их на потолке. После этого заделываются швы, и цветной резной рельеф потолка предстает перед восхищенным зрителем в своем целостном и законченном виде.

Роспись потолка сопрягается с вертикалями стен путем довольно сложных профилировок и карнизов, также покрытых расписанной резьбой. Переходы усложняются в углах, где сооружаются примечательные сталактитовые куполки и полусферы, называемые «хаузак». Целые гроздья таких причудливых сталактитовых образований поразили нас в главном фойе нового ленинабадского городского театра. Их автор усто Ахунджан Якубов продемонстрировал бездну вкуса и изобретательности, покрывая углубленный купол зала изысканной и красивой резной конструкцией.

Мастера привыкли к тому, что их творческий труд пользуется в народе огромным уважением. Усто — мастер — окружен почетом, его искусство ценится наравне с поэзией. Поэтому история сохранила имена многих народных мастеров, окруженных ореолом восхищения, рассказы об их жизни и о созданном ими. Часто на таджикских росписях можно встретить имена их авторов, они вплетены в орнаментальную вязь общей композиции. Так и в одном из залов музея колхоза «Москва», в зале Героев по-таджикски и арабски написаны имена создателей знаменитых теперь ленинабадских росписей: «Работа наккоша усто Максуда Солева из кишлака Шайхбурхон», «Работа наджера усто Рахимшеха

Раджабова из кишлака Шайхбурхон», «Работа наджера усто Очила Фаезова из кишлака Унджи». Имена усто включены в роспись именно зала Героев и стоят в ряду самых почетных имен.

Хорошо бы перенять этот обычай и всегда подписывать именем художника созданные им творения: здания, монументальные росписи, памятники. Нужно уметь гордиться своими мастерами искусства, так же, как издревле гордился ими и уважал их труд простой народ. А то, скажем, витрина обувного магазина в Праге на особой табличке подписана художником-декоратором (и превосходно!), а статуя Маяковского в Москве — работа, за которую Александр Кибальников получил Ленинскую премию, для многих безымянна, на ней нет и следа авторской подписи. Нужно знать имена художников так же, как помнят имена писателей. Ведь стыдно и безграмотно не знать имени автора книги, а только ее название, а не знать имя зодчего или ваятеля — можно и не стыдно. Почему?

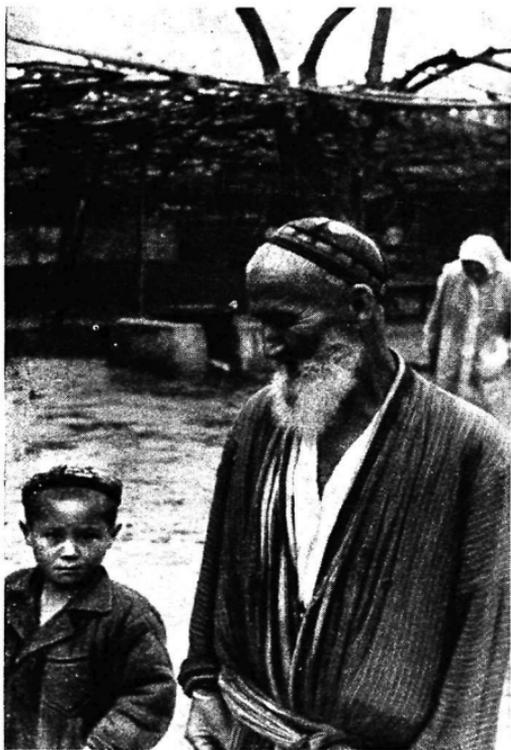
Восхищенные, но продрогшие и порядком уставшие после обхода по-будничному пустого и по-осеннему уже холодного дворца, мы снова, закутавшись в отсыревшие плащи, забрались под дождевиком в нашу открытую машину и без особой симпатии вспомнили удивительно неуютную ленинабадскую гостиницу. Но тут сопровождавший нас молодой скульптор Арвид Кравинский предложил заехать в гости к усто Максуду Солиеву. Это получилось здорово!

Кишлак Шайхурхон весь раскис от дождя, почернели стволы толстых урючин, глиняные стены кибиток и дувалы словно ослыли. Узкие улицы были непролазны. Дом усто Максуда, как и все остальные дома, был повернут в сторону улицы глухой стеной. Но какой поднялся оживленный и приветливый переполох, когда наша продрогшая компания постучалась у ворот.

За стеной оказался просторный и чистый сад, в котором без строгого плана стояли одноэтажные глиняные домики: дом старшего сына, дом младшего сына и дом самого усто. Дома были совсем небольшие. Практически, если вольно сравнивать, это были отдельные однокомнатные квартирки, только собранные не на одном этаже, а расставленные в саду. Нас привели по ровной кирпичной дорожке к дому старшего, недавно женившегося сына, комната которого, видимо, была самой парадной. Неловко сняв заляпанную глиной, отяжелевшие ботинки и калоши, мы вошли в дом. Непогода и распутица забылись тут же!

Странный и непривычный для нас обычай снимать обувь за порогом дома — на Востоке очень оправдан. Ведь здесь весь пол за-

Усто Максуд с внуком.

Тугу-колони.

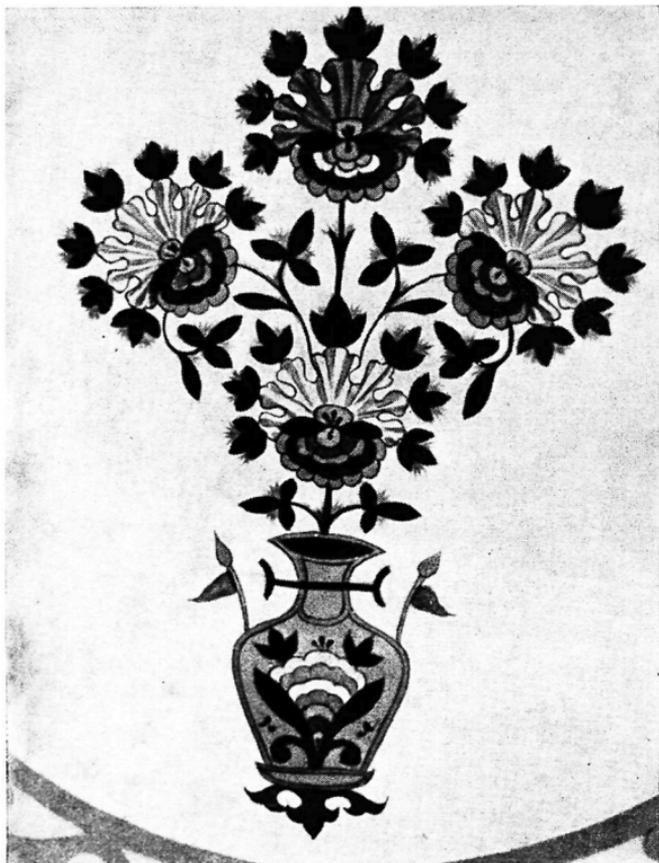

Переправа по дороге в Ура-Тюбе.

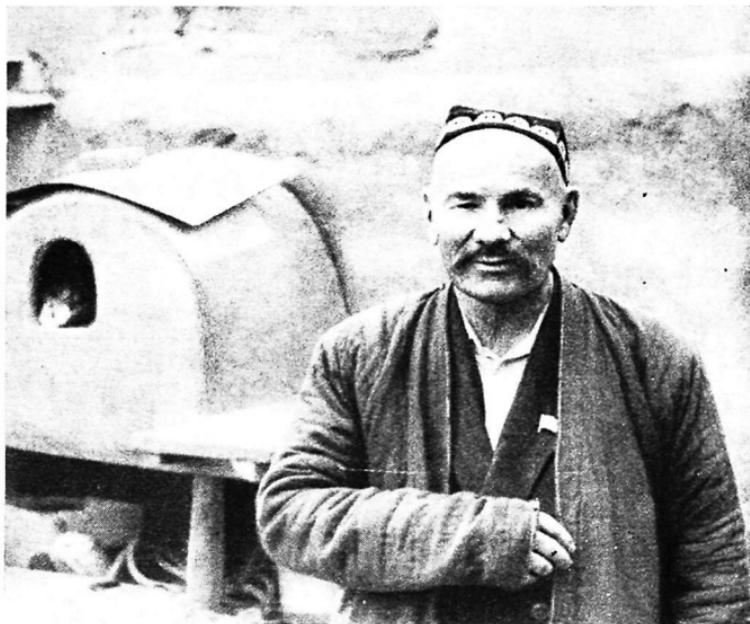
В гостях у усто Максуда Солнева.

В начале ноября было довольно холодно, по утрам на землю ложилась паутинка изморози. Стало еще холодней, когда мы миновали равнину с маячившими у горизонта огромными карагачами и подобрались к горам, к той самой горной стране Усрушана, где некогда был тяжело ранен Александр Македонский.

Кишлак Шайхбурхон весь раскис от дождя, почернели стволы толстых урючин, глиняные стены кибиток и дувалы словно оплыли. Узкие улицы были непролазны. Дом усто Максуда Солиева, как и все остальные дома, был повернут в сторону улицы глухой стеной. Но какой поднялся оживленный и приветливый переполох, когда наша продрогшая компания постучалась у ворот.

Усто Юлдашбек Баратбеков.

Ворота Тамерлана

Роспись усто Гафура.

Здесь принимают законы.

В Кремле. →

Первое, что сказал усто Гафур Мансуров о Москве, в которой он никогда раньше не был, когда мы ехали с Внуковского аэродрома по Ленинскому проспекту: «Как много здесь цветов!».

Но когда я его спрашивал, что ему особенно нравится, быстро следовал ответ: «Все нравится! Если я скажу, это лучше, ты обязательно спросишь, а почему то хуже. Все нравится, все!».

Все подлинное, настоящее искренно увлекало и восхищало народных умельцев. Они неожиданно захлопали в ладоши от удовольствия, войдя в один из кремлевских теремов, изысканно расписанных травами. Они пальцами прощупывали наборную мозаику полов в Георгиевском зале и долго спорили между собой, поглаживая ладонями расписные стены Грановитой палаты.

В Георгиевском зале.

Было о чем поговорить.

стелен чем-то мягким и сверху покрыт ковром. На ковре сидят и спят — он и стол и кровать. Как же можно ступать на него в той же нечистой обуви, в которой ты ходишь по двору! Поэтому, а не почему-то другому, и в мечеть входят, снимая туфли, ведь мусульманская мечеть — это просто дом пророка.

На полу в азиатском доме почти ничего не стоит. Утварь убрана в стенные ниши, здесь держат и посуду, и украшенные сундучки, крышки которых открываются не вверх, а вбок. В особой стеной нише аккуратно сложены свернутые одеяла. Их обычно много, они такой же признак достатка и тайной гордости, каким были бесчисленные пышные перины и взбитые подушки в зажиточных русских домах.

Печей в старом деревенском доме нет — они излишни при короткой южной зиме. Однако в ненастье в доме бывает довольно прохладно, и тогда дело исправляет сандал. Сандал — это замечательная штука! В глинобитном полу делается углубление, которое ниже уровня пола перекрывается деревянной решеткой. Над этим зарешеченным углублением ставится невысокий столик, широко накрытый толстым, иногда даже стеганым покрывалом. И ты сидишь на полу, подсунув ноги под стол, поставив их на решетку прямо над жаром (для того-то она деревянная, железо раскалилось бы) и укрыв колени лежащим на столе покрывалом, чтоб не выходил теплый дух.

Это восхитительно — сунуть озябшие ноги в горячую глубину, подоткнуть под спину подушку и укутаться теплым одеялом! Так можно просидеть вечность, чувствуя, как от ног поднимается блаженная волна. И если добавить еще, что на столике перед тобой в пиале дымится прозрачный зеленый чай, на широком плоском блюде в любое время года распластана сладкая дыня, горькой насыпаны кишмиш, чищенные орехи и конфеты в пестрых бумажках, то легко себе представить, как долго можно не двигаться с места, особенно когда за дверью подстерегают осенняя непогода и сырой ветер.

Нам радушный хозяин усто Максуд Солиев весь светился нам навстречу, ломая быстрыми руками свежие лепешки и выкладывая их перед каждым гостем. Было интересно познакомиться с мастером, чьей работой ты только что восторгался. Росписи Солиева отличаются особенной нежностью. Он любит пригашенные сиреневые, фисташковые, палевые тона. Позже, будучи в Москве, он придирчиво выбирал тонкие кисти, позволяющие ему прорисовывать изощренный, ювелирно точный узор. Наккош усто Максуд Солиев — член Союза художников, заслуженный деятель искусств

Таджикистана, за росписи в колхозе «Москва» его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Ему близилось восемьдесят лет. Но старый художник сохранил живость, и было заметно, что он с пристрастием заботится о своей легкой седой бороде, расправляя и укладывая ее на груди. Маленький, сухонький и очень подвижный, он все время хлопотал, давая каждому из гостей вымыть руки над глиняным тазом, точными взмахами ножа нарезая дыню, с легким поклоном подавая пиалу с дымящимся чаем. Он успокоился, только когда внесли плоское блюдо с горой жареной баранины.

Угощение было готово удивительно быстро. Нам, с нашими сковородками, поджаривая такую грудку мяса, пришлось бы повертеться возле плиты куда дольше. А тут приготовления начались после нашего неожиданного приезда. И не успели мы согреться и выпить чай, как все уже на столе. Оказывается, баранину жарили не по частям на сковородках, а разом в котле. В большой котел наливают много растительного масла, хорошо прожаривают его с луком, а потом бросают в кипящий жир заранее подготовленное мясо. Баранье сало, смешавшись с растительным маслом, дает тот самый «фритюр», о котором с таким упоением писала достопочтенная Молоховец в своей библии для молодых хозяек. Раскаленный фритюр сразу охватывает кусочки мяса, покрывая их золотистым румянцем и сохраняя внутри всю душистую сочность. Что и говорить!

Передо мной сидел, зорко следя за тем, чтобы каждый гость усердно прикладывался к блюду, одновременно сам неторопливо и с пониманием дела смакуя янтарные, сочные шкварки, потомственный народный мастер. Когда ему было лет шесть, то есть семьдесят с лишним лет назад, его дядя, усто Мирхалим расписывал потолок той самой мечети, где теперь городской музей. Отец — усто Мирсалим был наккошем. Дед — усто Мирнигмат был наккошем. Прадед — усто Мирхайдар тоже был наккошем. Наккошем был и отец прадеда, имени которого усто Максуд уже не знает, и его дед, и его прадед. И так из поколения в поколение, на сотни лет в толщу, в самую глубину времени.

Передаваясь из поколения в поколение, приобретая новые, иные качества, искусство народных художников не дряхло, не утрачивало живую связь с народной жизнью. Росписи усто Максуда сильно отличаются от тех, что еще сохранились в старой мечети, но, отличаясь, они ничуть не уступают им в художественном уровне. Они по-своему прекрасны. Народное искусство отнюдь не консервативно, оно чутко улавливает изменения вкусов и потреб-

ностей времени, приравнивается к ним. В искусстве народных мастеров удивительна, с одной стороны, нерушимая приверженность традиционным канонам, а с другой — внутренняя динамичность и органическая приспособляемость к запросам дня. Стоит проследить развитие вятской или богородской игрушки за несколько десятилетий. Поразительна восприимчивость мастеров к переменам общего художественного стиля, их умение решать новые задачи, опираясь на проверенные временем приемы и формы.

Обо всем этом приятно было размышлять, пригревшись возле уютного очага и неторопливо разглядывая росписи, покрывавшие потолок дома старшего сына усто Максуда Солиева.

Роспись была действительно очень хороша. Ее цвет и площадь, простота и спокойный характер рисунка были уместны в жилище. Отец расписывал дом сына с любовью и пониманием. Было в высшей степени интересно, каково же убранство дома самого усто, если даже здесь все выглядело так превосходно.

Проходя по двору, я невзначай заглянул в окно солиевского дома и, о ужас! — увидел, что стены до половины выкрашены серо-зеленой масляной краской «под мрамор» и разделаны белыми полосками на квадратные панели, точно так, как сделано это в недавно отремонтированных коридорах ленинабадской гостиницы, в городском ресторане и приемной горсовета. Это был казенный стиль официальных учреждений, выкрашенных под мрамор в угоду вкусам просвещенных завхозов. Это был стиль бронзовых плевательниц, изваянных в виде лотоса, стиль цементных статуй, с поднятыми руками, стиль назидательных сюжетцев в золоченых багетных рамах. Но это был стиль! Слушай после всего этого расуждения о косности и невосприимчивости традиционного искусства!

Солиев украсил свой дом так, как украшались самые парадные здания в городе. Он искренне старался сделать хорошо и не отстать от века. И разве виноват восьмидесятилетний мастер, что чаще всего в далеком областном городе, в учреждениях, к которым он привык относиться с почтением и доверием, еще встречаются проявления казенщины и безвкусицы. Тяга к новому и современному здесь подвела старого мастера, и мне, признаюсь, стало нестерпимо стыдно за нас, за то, что, толкуя о высоких материях в искусстве, мы часто терпим рядом с собой пошлейшее безобразие.

Я часто вспоминал «мраморные» панели в доме знаменитого наккоша позже в Москве, когда почтенные усто, среди которых был и Солиев, тщетно искали в магазинах фаянсовые блюда для

плова и покупали цветастые чайники дулевской фабрики. Я был порядком сконфужен, когда молодой художник из Исфары Бобоходжа Мухамедов, разливая шурпу, которой мы угощали старых мастеров у нас в доме, отверг мою гордость — глиняные расписные косы из Шахриябза и подал старикам суп в обычных белых тарелках. Я понял в те дни, что наше представление о применении в быту народного искусства — а оно всегда было и остается утилитарным — нуждается в очень серьезном уточнении.

Отыскав где-нибудь на гиждуванском базаре глиняное блюдо, сделанное настоящим мастером, мы видим только чудесную сизо-зеленоватую роспись, совершенно не замечая и толстый, грубый черепок, и то, что красочный слой шелушится и отстает. Наоборот, мы часто идеализируем эту грубость и примитивность, видя в ней выражение непосредственности, от которой нас постепенно отучают равнодушные фабричные изделия. Но мы совершенно забываем о том, что сам мастер с удовольствием избавился бы от технического несовершенства своих изделий, что примитивность их вынужденная. Я уверен, что имей Хамро Рахимова какую-либо другую краску, кроме черной и красной, когда она начала раскрашивать свои глиняные фигурки, то теперь мы располагали бы несколько иными образчиками прославленной рахимовской мелкой пластики. Не случайно два знаменитых гиждуванских керамиста, попав в Прибалтику и получив в руки совершенную современную производственную технику, начали предельно тоньшить черепок, добиваться равномерности, прочности и блеска поливы. И нужно было видеть, с какой гордостью раздаривали они всем свои новые косы, между нами говоря, ставшие похожими на обычные фаянсовые тарелки.

Мы, просвещенные ценители, часто и непростительно путаем примитив с примитивностью. Мы подчас ищем осознанную примитивность там, где попросту сказывается вынужденное техническое несовершенство. Сознвая это несовершенство и будучи людьми практического склада ума, народные умельцы стремятся постигнуть современные приемы работы и ценят, наперекор гурманам от искусства, вещи хорошо сделанные, утилитарные. Мы уверены, что если дать в руки мастеров настоящую, добротную технику и материалы, научить их обоснованной технологии, то из изделий исчезнет грубость и ложная примитивность, и на новой, более совершенной технической основе расцветут промыслы, соединяющие кованные временем традиционные формы с потребностями и вкусами времени.

Вначале меня очень огорчили и обескуражили «мраморные» па-

нели в доме старого художника. А вдумавшись, я даже обрадовался им. Сомнения нет, скоро придет конец казенщине и безвкусице. Канут в прошлое и всяческие «под» — под дуб, под мрамор, как уже ушли в небытие невзрачные цементные монументы. Очень скоро будут покрашены и «подмраморные» шпалеры в доме Солиева. Конечно! Но сегодня они вместе с трогательным заблуждением престарелого усто свидетельствуют и о жажде нового, о стремлении воспринять это новое извне, о полном отсутствии взлелеянного консерватизма. Нужно только чутко помочь этим усилиям и дать им верное направление.

Но как это сделать?

В мартовском номере журнала «Декоративное искусство» за 1963 год в дискуссионном порядке опубликована темпераментная и заинтересованная статья С. Хмельницкого о судьбе национального стиля в Средней Азии. Опираясь, главным образом, материалом архитектуры и архитектурного декора, Хмельницкий вместе с тем делает много очень точных общих наблюдений. Статья написана с подъемом, и за хлесткой журналистикой чувствуются искренняя боль и озабоченность судьбой национального стиля.

Исследователь протестует против ремесленных орнаментов, искусственно вкрапливаемых в современную архитектуру, против ложно понятой народности, против псевдонародного, так называемого стиля «Мохасы»*. Он радуется за разумную приспособленность современной архитектуры, радуется возросшему благосостоянию народа, тяге к удобным и полезным вещам. Правильно наблюдая изменения, происшедшие в быту, Хмельницкий в то же время делает смелый, но не точный вывод. Он подчеркивает, что стремление современного человека приобрести автомобиль, холодильник, дорогой — а значит качественный! — радиоприемник, телевизор напрочь оттесняет желание тратиться на предметы национального искусства, а значит и искусства вообще. Но ведь это неверно! Из четырех перечисленных предметов по крайней мере два служат искусству. Действительно, несколько изменились способы удовлетворения эстетических потребностей людей: если раньше, разумеется, говоря крайне обобщенно, они удовлетворялись созерцанием замысловатого узора на потолке, то теперь в далеком кишлаке, скажем, Регарского района можно послушать концерт из Ленинграда и посмотреть по телевизору спектакль из Ташкентского театра. Эстетические потребности не исчезли, наоборот, они

* Мохаса — летняя резиденция бухарского эмира. Насквозь эклектическое позднее сооружение.

неизмеримо развились и получили колоссальные возможности для удовлетворения.

Но значит ли, что радиоприемник и телевизор, кино и магнитофон вытеснили и победили традиционные, национальные формы искусства, желание каждого убрать и украсить свой дом. Безусловно, нет! И свидетельство тому, как ни парадоксально, все те же «мраморные панели», на которые с отчаянием указывает и Хмельницкий, обнаруживая их повсеместно. Мы уверены, что час этой пошлости скоро пробьет. А потребность украшать жилища останется и разовьется. Только будет она теперь удовлетворяться не ремесленными поделками, а творениями настоящего искусства. Нет сомнения в том, что чем выше будет подниматься культура народа, тем больше будут цениться истинные формы национального искусства, естественно преобразованного в ходе исторической эволюции. Нужно только суметь в чистоте сохранить эти формы, уберечь их от загрязнения, отсеять подлинное от ремесленного и подражательного.

Примерно об этом говорил известный ташкентский ученый Л. Ремпель в своей ответной статье, опубликованной в газете «Советская культура». Однако, к сожалению, полемический пыл увел Ремпеля от глубокого обсуждения проблемы. Дискуссия оборвалась.

Я познакомился с дискуссионными статьями в Ленинабаде, как раз в тех местах, откуда было почерпнуто большинство примеров. Вопросы, поднятые в печати, меня порядком взволновали, и стало интересно, как огносятся к существу проблемы сами художники, о делах которых шла речь. К моему ваящему изумлению, никто из тех, к кому я обратился, здесь в Ленинабаде, и даже в Душанбе, и слыхом не слыхали о разгоревшемся между искусствоведами споре. Разочарованию не было границ! Как часто мы, теоретизируя, не заботимся о практической результативности наших выводов, об их деловой полезности и полностью успокаиваемся, если удалось сломать копьё о череп себе подобного теоретика.

Огорченный и раздосадованный, я ехал в Ура-Тюбе, чтобы познакомиться со знаменитым резчиком по дереву усто Юлдашбеком Баратбековым.

В начале ноября было довольно холодно, по утрам на землю ложилась паутинка изморози. Стало еще холодней, когда мы миновали равнину с маячившими у горизонта огромными карагачами и добрались к горам, к той самой горной стране Усрушана, где некогда был тяжело ранен Александр Македонский.

Нас вез странный автомобиль: открытый джип был переделан

из старого грузовика, в моторе все время что-то грохотало, а фанерная дверка кабины закрывалась на деревянную щеколду, как дачная уборная. Однако наша ирония быстро испарилась, когда мы убедились, что автоколымага безотказна в деле и что ее конструктор Гена строит доморощенным способом вертолет.

Древний таджикский город Ура-Тюбе протянулся главной улицей вдоль по-летнему каменистой реки. Наш экипаж, вызывая восторг населения, долго петлял, разыскивая мебельную фабричку, на которой работал Баратбеков. Самого усто на работе не оказалось, но в воротах нас встретил его старший сын, тоже резчик. Он и показал нам цеха предприятия. Здесь рядами стояли шкафы и буфеты, кое-где тронутые резным орнаментом. Мебель была старомодная, сделанная довольно топорно, из несортного, плохо выдержанного дерева. На сих древоподобных сооружениях резьба выглядела неуместно и нелепо. Если раньше резным узором покрывались особые сорта древесины — чинара, алча или орех, блестящие и лоснившиеся сами по себе, то сейчас резьбу для блеска смазывают чем-то желтым, как лампадное масло.

Позже у себя в доме почтенный мастер, депутат Верховного Совета республики наджер Баратбеков говорил о профанации народного искусства, о срочной необходимости его поддержать, дать новую почву его вековым корням. Хотелось немедленно что-то сделать, хотя бы пойти, облить керосином и поджечь старорежимный, мещанский буфет, дремавший на складе мебельной фабрики. А потом порубить шкаф...

Уже вечерело, когда мы ехали обратно, навстречу шло стадо малорослых коровок, больше похожих на наших российских телят. И вдруг среди осенней азиатской степи как-то удивительно душевно и по-домашнему запахло молоком и теплым хлебом.

Гена завез нас, усталых и продрогших, домой поужинать. На ковре в гостиной висел серебряный кинжал. Нас поили каким-то адским зельем из пластмассовых рогов, крытых сусальным золотом, и мы пили, трусливо поглядывая на кинжал, который, если верить хозяину — отцу Гены, уже достаточно «походил».

Кстати, вспомнилась мудрая поговорка: «Гость — ишак хозяина». Прославленное восточное гостеприимство оборачивается подчас своей непривлекательной стороной: что общего между милым радушием Солиева и утомительной навязчивостью владельца пластмассовой экзотики? Что общего между ремесленными поделками уратюбинского мебельного заведения и подлинной мастерской резьбой Баратбекова, украшающей двухстворчатую дверь Таджикского павильона на ВДНХ?

К этой двери нас с благоговением подвел старейший таджикский наджер усто Рахимшех Раджабов. В этом году старику исполнилось восемьдесят лет. Он сильно болел, но когда узнал, что нужно ехать в Москву, пересилил себя и поднялся с постели. Он первый раз в жизни летел на самолете где-то рядом с самим аллахом и вышел из сверкающего ИЛ-18 с фанерным чемоданчиком, к которому был приторочен синий эмалированный чайник. В своем роскошном сизом чапоне, почему-то съехавшем на одно плечо, легкий и быстрый, он был чем-то похож на птичку, на бегу царапающую землю одним крылом. Он всегда бежал впереди всех, поминутно присаживаясь на стульчик или ступеньку, будь то в музее или в Большом Кремлевском дворце. Это изумительной резьбой восьмидесятилетнего усто Рахимшеха восхищались мы в колхозе «Москва».

Правление Союза художников СССР, которым руководил в те недавние еще дни Сергей Васильевич Герасимов, решило пригласить в Москву старейших народных мастеров Таджикистана. Они ни разу не были в столице, если не считать самого молодого среди них — председателя ленинабадского отделения Союза художников Хакимжана Саидова, которого зимой сорок третьего года перевезли раненым по затемненной Москве с вокзала на вокзал в санитарном трамвае. Правда, и эта поездка дала ему темы для нескончаемых рассказов и позволила много лет со знанием дела рисовать на своих панно кремлевские башни.

Первое, что сказал усто Гафур о Москве, в которой он никогда раньше не был, когда мы ехали с Внуковского аэродрома по Ленинскому проспекту: «Как много здесь цветов!» Гафуру Мансурову в годы революции в Таджикистане уже исполнилось сорок лет. Юность рослого и красивого таджика прошла в озорных выходках, он был «чапан», по-местному это значит «разбойник», вернее, предводитель уличных забияк. Поговаривают, что он отличался большой удалью, похищал девушек. От былой лихости теперь остались свобода и непринужденность обращения и простодушное лукавство. Когда я его спрашивал, что ему особенно нравится, быстро следовал ответ: «Все нравится! Если я скажу, это лучше, ты обязательно спросишь, а почему то хуже. Все нравится, все!»

Росписи Мансурова темпераментны и яркие, строятся на контрастности локальных цветов. Но есть в его душе и нежные струны, они открылись нам в одной из последних его работ в Ленинабаде. Росписи строились здесь свободно и просторно. Потолок и стены были покрыты крупными лиловыми ирисами и оранжевыми

шариками граната, висящими на хрупких ветвях. Недаром Мансурова так приятно обрадовали московские цветы.

Самым придирчивым и тщательным покупателем в магазинах был опять-таки Мансуров, но он ничего не искал для себя, зато с каким пониманием и тактом выбирал он дорогие красивые ткани для своей старушки жены. Однажды, поманив меня в сторону, он вынул из кармана прелестный красненький башмачок, купленный для правнучки. По незнанию мы наделяем замкнутый семейный быт Востока чертами деспотизма, на самом деле в нем много любви и нежности.

Но есть, разумеется, и особенности. Они выявляются подчас самым комичным образом. Когда мы все ходили по залам Третьяковской галереи, после того как почтенных усто приветливо встретил на пороге ее директор Александр Иванович Лебедев, экскурсовод остановил нас перед «Неравным браком» Пукирева. Старики, как и ожидалось, стали неодобрительно качать головами. «Как нехорошо!» — твердили они. Но вдруг выяснилось, что они приняли священника, одетого в золото, за жениха и осуждали его за то, что, забыв мужское достоинство, он склонился перед девчонкой. Именно в этом они увидели драматический смысл неравенства брака. Когда же выяснилось, что жених вовсе не седовласый старец, а сановник, который с их восьмидесятилетних позиций казался не таким уж стариком, наши гости легко вздохнули.

В Третьяковке им понравились «Богатыри» Васнецова, они искали Репина, обрадовались Верещагину. Но им, воспитанным еще в мусульманстве, все-таки оставалась чуждой изобразительность нашего искусства, шокировали их и христианские сюжеты, встречающиеся в русской классике. Старые мастера, игнорируя сюжеты картин, буквально прощупывали их красочный слой, им нравились добротность и мастеровитость работы.

Этой-то добротности и мастеровитости как раз и нет в архитектурном и художественном оформлении ВДНХ, куда мы вскоре приехали. Очень полезно бывает посмотреть на привычные вещи глазами нового человека. Действительно, если не касаться нескольких новых павильонов, то все старые сооружения выставочного городка — это такая разлюли-малина, перед которой эклектика «презренной» Мохасы — вершина совершенства и вкуса. Вот направить бы силы жаждущих сражений критиков прежде всего сюда, на борьбу с выставочной эклектикой и безвкусицей, оборачивающейся в далеких кишлаках мраморными панелями.

Не понравились усто ни цветистые и сусальные фонтаны, ни псевдонациональная архитектура. Старые мастера вели себя пре-

дельно сдержанно, вежливо и тактично. Они только тщательно рассмотрели резные двери работы уратюбинца Баратбекова.

Нужно сказать, что одетые в длинные, красиво простеганные чапаны и черные с серебром тубетейки, седобородые старики привлекали всеобщее внимание и симпатию. Особенно оживленными были их встречи с участниками VII Международного конгресса антропологов и этнографов, с которыми наши гости часто сталкивались и на выставке и в новом здании Университета, где в те дни проходили заседания конгресса. Приятно было наблюдать, с какой снисходительностью и доброжелательностью поглядывал рослый и красивый усто Очил Фаезов на суетившихся вокруг него профессоров с их иноземными кинокамерами и фотоаппаратами.

Нам повезло: в один из дней на Кузнецком мосту открылась выставка древней русской резьбы, собранной знатоком этого дела Н. Н. Померанцевым. Открывший выставку Константин Иванович Рождественский представил заслуженных народных мастеров собравшимся. Едва ли в зале были ценители мастерства более сведущие, чем они, так много сделавшие своими руками. Таджикских мастеров больше всего удивило, что они увидели работы, восходившие к XII веку. Для них, некогда поразивших высотой своей культуры даже Александра Македонского, наша русская культура представлялась чем-то недавним, молодым, новым. И тем приятнее им было прикоснуться к корням нашего искусства, скрытым слоем веков.

Все подлинное, настоящее искренне увлекало и восхищало народных умельцев. Они неожиданно захлопали в ладоши от удовольствия, войдя в один из Кремлевских теремов, изысканно расписанный травами. Они пальцами прощупывали наборную мозаику полов в Георгиевском зале и долго спорили между собой, поглаживая ладонями расписные стены Грановитой палаты. Непосредственность и заинтересованность усто, понимание сокровенного и самого существенного в искусстве восхитили даже выдавших виды кремлевских хранителей, и перед стариками открывались все двери, зажигались тысячами огней самые парадные люстры, сдерживались чехлы с драгоценных инкрустаций и резьбы.

А они принимали все это как должную дань уважения к их многолетним заслугам и достоинству художников из народа.

Перед тем как идти в Мавзолей, нас проводили в квартиру и кабинет Ленина. Старики притихли и все время молчали, не задав ни одного вопроса. Молчание было красноречивым. Только раз они сдержанно улыбнулись, когда им рассказали о том, как Владимир Ильич развеселил однажды своего секретаря Фотиеву, примерив

подаренные ему халат и расшитую тюбетейку. В кабинете Ленина, возле двери, если войти не из зала заседаний, а прямо из коридора, стоит маленький столик, на котором под стеклом лежат военные схемы, помеченные июнем восемнадцатого года. А над столом приколата карта «Путей сообщения азиатской России». На этой старой карте нынешний Ленинабад еще называется Ходжентом. А между Ходжентом и Кокандом простирается сухая и безводная пустыня. Сейчас здесь плещется бирюзовое Кайрак-Кумское море, созданное трудом наших современников, и турбины мощной электростанции дают ток передовым промышленным предприятиям Ленинабада, древнего таджикского города.

Сорок с лишним лет назад ферганский мастер Кадыржан Хайдаров послал в подарок больному Ленину резной столик. Умирающий Владимир Ильич просил передать народному мастеру свою благодарность и желание побеседовать «об условиях жизни и работы кустарей Туркестана». Ленин не успел этого сделать — через три месяца его не стало.

Многое, очень многое изменилось с тех пор. Но все еще нужно серьезно поговорить о творчестве народных мастеров, о новых путях их искусства, о живой практике важнейшего дела. Не содержится ли в этом один из благородных заветов нашего Ильича?

ТАЙНА ЗАМКА МУГ

Подвиг на Зеравшане.— Находка пастуха Махмеда-Али.— Дворцы и храмы Пянджикента.— Сожженные статуи.— Меч согдийского воина.— Битва у реки Кум.— Щит Диваштича.

И снова молод старый мир,
Куда девалась седина!

Рудаки, IX век

Весь апрель в горах шли ливни. Вода падала с неба стеной. Вспенились стремительные саи, несущие в Зеравшан мутные потоки. Казалось, горы набухли от влаги и нависли над ущельями.

Раскололась и рухнула в реку гора Дариворз. За несколько минут Зеравшан перегородил завал высотой в восьмидесятиэтажный дом. В одно мгновение горы воздвигли плотину, не уступающую по объему плотине строящейся Нурекской ГЭС. Стремительно разлилось горное озеро. За восемнадцать часов его уровень поднялся на шесть метров. Мост, перекинутый через Зеравшан, медленно ушел под воду.

Надвигалась катастрофа. На города и поля густонаселенной зеравшанской долины в любой момент могли хлынуть миллионы кубометров воды. Бедствие казалось неотвратимым.

Информации спецкоров всех центральных газет страны напоминали военные сводки. Пресса Запада схватилась за сенсацию и пророчила гигантскую катастрофу. Она и вправду приближалась. И тогда...

И тогда люди приняли бой со стихией. «Обуздать горного дья-

вола!» — кричали газеты. «Зеравшанский обвал не должен стать катастрофой!» В горы двинулась техника. Сюда стягивались воинские части. Волной поднимался народ.

От горы Сухто откололся и рухнул в реку еще один массив. Склон горы с противоположного берега обстреляли из тяжелых минометов, форсируя обвалы подмытых скал. 28 апреля вода поднялась уже на сорок метров выше нормы.

Ученые и инженеры решили строить обводной канал — новое искусственное русло Зеравшана. В несколько дней пробить толщу гор и выбросить тысячи кубометров скалистого грунта можно было только с помощью взрывов. Горняки начали бурить шурфы. Альпинисты с риском для жизни установили по каменистым осыпям осветительную сеть. Несколько тысяч человек строили дамбу, защищая кишлаки, — работы шли круглосуточно.

28 апреля утром началась эвакуация кишлака Айни.

Девять часов десять минут — зажжен шнур. Не успела осесть пыль после взрыва, в четырехсотметровую траншею, как танки в атаку после артподготовки, ринулись тридцать бульдозеров, расширяя русло будущего потока.

К шестому мая был закончен километровый канал. Его глубина — тридцать метров. В нем легко могла бы разместиться целая улица, застроенная десятиэтажными домами. И это все — за девять дней.

В двенадцать часов дня на перемычке взорвали шестьдесят одну тонну тротила. Вода вошла в канал. Но в центре его, не выдержав напряжения, осыпались берега — новый завал. Вперед, навстречу потоку, бросились саперы. Еще взрыв. И вода, все набирая и набирая скорость, ринулась в обход горы. Девятого мая она уже неслась со скоростью семисот восьмидесяти кубических метров в секунду. Люди вздохнули спокойно: города и плодородные долины были спасены. Победа в День победы!

Борясь со стихией, люди спасали от разрушений не только древние города, охваченные ожерельем новых кварталов, колхозные поля и сады, но и бесценные памятники культуры, которыми так богат зеравшанский оазис. Катастрофа на Зеравшане еще раз за последние тридцать лет привлекла всеобщее внимание к горным верховьям этой великой реки.

Весной 1932 года пастух Джур-Али Махмед-Али, пасший овец недалеко от кишлака Хайрабад, нашел корзину из ивовых прутьев, полную кожаных свитков, покрытых непонятными письменами. Осенью, когда уже не нужно было выгонять стадо в горы, он отнес свою находку в Варзи-Минор и отдал секретарю райкома

партии. Тот отвез свитки в Душанбе, где ученые распознали в одном из найденных пастухом документов не известные дотоле согдийские письма. Это было открытие мирового значения.

Немедленно Академия наук снарядила специальную экспедицию. Восемь дней преодолевали ученые сто двадцать километров от Самарканда до места находки. На арбах добрались до Дашты-Каза, где кончилась колесная дорога, а дальше двигались обычным караванным путем по горным тропам и карнизам. Путь был тяжел. Этому с трудом веришь сейчас, когда едешь по асфальтовому шоссе, проложенному вместо старого караванного пути.

Но и сейчас вдруг за крутым поворотом шоссеиной дороги, углом врезааясь в реку, поднимается над ней больше чем на стометровую высоту гора Муг. Она выделяется на фоне зеленых склонов своим темным силуэтом. Миновать ее нельзя, и есть в ней что-то загадочное. Недаром в народе ее прозвали «Кала и Муг» — замок колдунов, дьяволов. Здесь Махмед-Али и нашел старую ивовую корзину.

Археологи обнаружили на вершине горы остатки крепостных стен и руины замка. С запада и севера скалу, на которой возвышался замок, прикрывает Зеравшан, с востока — река Кум. Южные подходы круты, а узкая долина перегорожена двадцатиметровой стеной, которую легко было защищать. По тем временам замок был грозен.

Однако раскопки показали, что не время обрушило крепостные стены. Чем глубже в землю уходила лопата археолога, тем очевидней становилось, что замок был разрушен, разграблен и сожжен. Но когда и кем?

Об этом могли рассказать только древние рукописи, чудом сохранившиеся под слоем глины и битого кирпича. Но их никто не мог прочесть: в то время письменность согдийцев была еще не раскрыта. Из старых книг было известно только, что в этих местах правил некогда афшин Диваштич. Что с караванов, идущих по теснине реки Кум к Шахристанскому перевалу, взималась тут торговая пошлина — «бадж». До сих пор в близлежащих кишлаках бытует поговорка, один из переводов которой гласит: «Цена Кума — дорога Рума»*.

Что же произошло в «Замке Муг», почему он разрушен, почему вокруг рассыпаны осколки стрел? Кому принадлежал обломок щита, на котором можно разглядеть изображение прекрасного

* Рум — Византия.

всадника? Что таят в себе непонятные письма? Слово принадлежало ученым.

Лишь после Великой Отечественной войны началось планомерное наступление на тайну горы Муг, очевидно, связанную с судьбой древнего Пянджикента. Один из участников этих работ, археолог и писатель М. М. Дьяконов вспоминает, как в 1946 году разведчики во главе с Александром Юрьевичем Якубовским поднялись на отлогий холм, недалеко от нынешнего Пянджикента. Опытный глаз археолога угадал на вершине холма, под сглаженными и оплывшими буграми глины, остатки строений и стен. Холмиков было очень много — целый город. Когда взволнованные предстоящим археологи спустились с холма и присели отдохнуть возле светлого и сильного источника Қайнар-су, один из участников похода поднял с земли осколок глиняного кувшина. С красноватой обожженной глины глянул глубокий отпечаток — то было лицо древнего согдийца. В этом знаке виделся привет давно исчезнувшей жизни.

Раскопки Пянджикента длятся вот уже много лет, и находки, которые приносит каждый полевой сезон, не перестают поражать воображение.

Только-только начинался апрель, когда мы подъехали к Пянджикенту. Было самое благоуханное время весны: земля еще сохранила влажность, вокруг цвело все, что могло цвести.

Раньше от Самарканда до Пянджикента караван верблюдов шел три дня, и местный властитель в отдалении от столичного двора чувствовал себя независимо и совершенно самостоятельно. А теперь — прошло немногим более часа, и мы уже стояли на том самом месте, где некогда были южные, главные ворота древнего города. Между холмами пролегла неглубокая впадина — то было русло высохшего сая, вдоль которого вьется дорога на Коштепе. Стоя здесь, легким усилием фантазии можно было воскресить картину прошлого.

Толстые глинобитные стены взбегали по склонам холмов. К западу круто возвышалась крепость, еще выше поднималась сторожевая башня, соединенная с крепостью и городом коридором оборонительных стен. Слева от ворот, прикрывая их, располагалась выносная башня, позволявшая обстреливать врага сбоку, когда он подступал к воротам. От ворот, полого поднимаясь наверх, шла дорога, переходящая в городскую улицу.

Странно было бродить по ней между рядами домов и через перекресток выйти на площадь. Улица отрыта из-под земли совсем недавно, и кажется, что она еще наполнена звуками и

Призраками былой жизни: вот слышится цокот легконогих коней, несущих нарядных и красивых всадников, там промелькнул ремесленник, спешащий в свою мастерскую.

Просторная площадь с одной стороны сплошь застроена двух- и даже трехэтажными домами богачей. С другой ее стороны — украшенные скульптурой и многоцветными росписями открытые портики двух городских храмов.

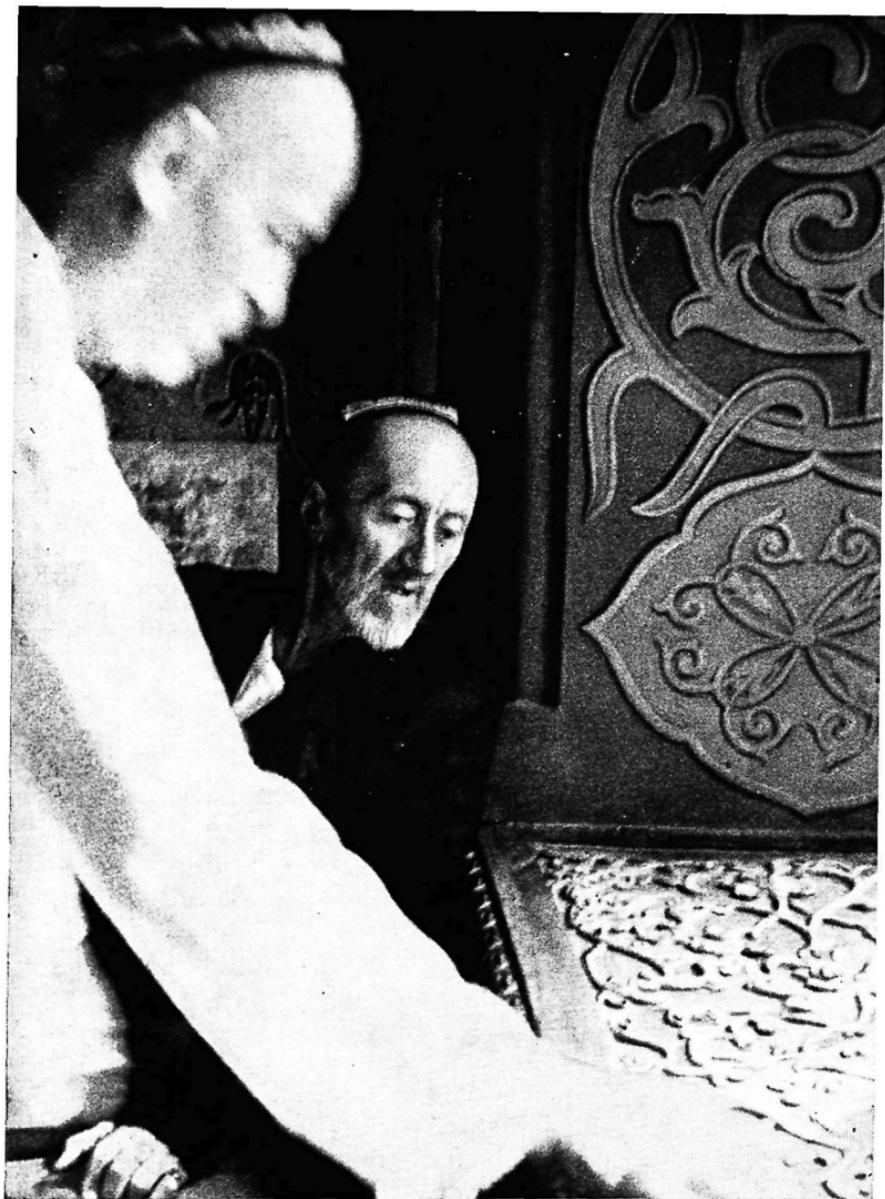
Мы прошли поперек весь город и вышли к северной его окраине. Здесь возвышенность довольно крутым обрывом спускалась к речной долине. Поблескивая крышами, в цветении садов тонул современный Пянджикент. Дальше были видны полноводные излучины Зеравшана. А за ним — бурые отроги Туркестанского хребта. Если оглянуться назад, то по горизонту заметны смутная полоса Зеравшанского хребта и снежные шапки Чимтарчи и Большой Ганзы.

Когда ходишь по раскопанному городищу, осторожно перебираясь по оплывшим глиняным перемычкам и переборкам стен от здания к зданию, получается так, что в дома заглядываешь не так, как привык, — сбоку, через окно или дверь, а сверху, через крышу, рассматривая их как архитектурный макет. Кажется, что ходишь под потолком. Только потолка этого нет — он давно обрушился под тяжестью тысячелетнего пласта земли.

На пянджикентских раскопках ученым представился редкостный случай: им не приходилось проходить множество культурных наслоений, добираясь до самого древнего, здесь сразу же «входили» в VIII век н. э. Восстановить прошлое в Пянджикенте помогли не только остатки зданий, но, главным образом, бесценные произведения живописи и скульптуры, открывшие нам облик согдийцев, своеобразие их культуры.

Это необычайный праздник для археолога, когда под отвалившимся куском сухой глины на белесой стене вдруг мелькнут поблекшие от времени красочные пятна. Так случилось уже давно на объекте, которым руководил Алексей Иванович Тереножкин. А потом древняя живопись стала открываться во множестве. Но только через несколько лет ученые разыскали скульптуру.

Храм выходил на площадь широким, открытым на восток порталом — айваном. Здесь располагался скульптурный фриз, составляющий определенную сюжетную композицию: из каменистого грота бежали окрашенные синей краской струи воды, в которых видны чудовища и человеческие тела. Путем ряда очень убедительных параллелей А. М. Беленицкому удалось доказать, что скульптурный фриз изображает обожествленную реку Зеравшан, некогда

В кремлевских теремах.

Ценители.

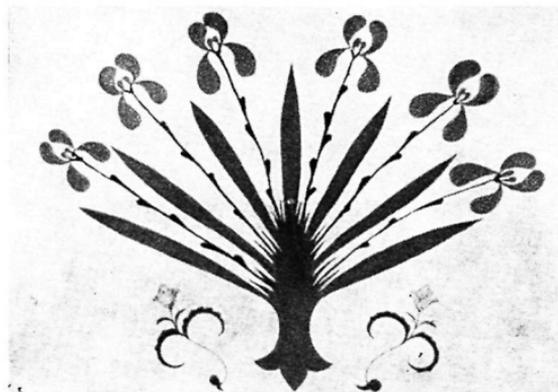
В Грановитой палате.

Усто Гафур Мансуров.

Ирис.

Верещагин.

На выставке.

Дрезний Пянджикент.

Городской перекресток.

Только-только начинался апрель, когда мы подъехали к Пянджикенту. Было самое благоуханное время весны: земля еще сохранила влажность, вокруг цвело все, что могло цвести.

Раньше от Самарканда до Пянджикента караван верблюдов шел три дня. А теперь прошло немногим более часа и мы уже стояли на том самом месте, где некогда были Южные, главные ворота древнего города. Между холмами пролегла неглубокая впадина — то было русло высохшего сая, вдоль которого вьется дорога на Коштепе. Стоя здесь, легким усилием фантазии можно было воскресить картину прошлого.

...Время чудом сохранило образ прекрасных «тюркских танцовщиц», славившихся красотой, искусством музыки и танца по всему Ближнему Востоку. При раскопках одного из жилых помещений были обнаружены деревянные статуи. Закрепив парафином, их осторожно извлекли из земли, и перед восхищенными взорами предстали изумительные творения древнего ваятеля.

В долине Заравшана.

называвшуюся по-гречески Политимет (что значит «многопочитаемый»), или по-согдийски Намик. Несущий воды и с ними плодородие Зеравшан мог быть божеством в местах поливного земледелия.

Пройдя через двери в айване, молящийся вступал в обширный двор, и перед ним открывался шестиколонный портик храма. У храма не было восточной стены, он был раскрыт навстречу восходящему солнцу. Солнечный свет, проникая внутрь зала, озарял стены, сплошь покрытые цветистой росписью. Четыре резные колонны поддерживали плоский потолок.

В глубине большого зала, между двух статуй была дверь, ведущая в совершенно темное святилище. Молящиеся не допускались не только сюда, но и в храм. Они оставались во дворе, следя издали за богослужением и за процессиями, проходящими вокруг святилища по специальным коридорам.

Еще окончательно не выяснен культ согдийцев, но на стене одного из храмов сохранилась роспись, в сюжете которой А. Ю. Якубовский усматривает легенду о Сиявуше. Сиявуш был богом, олицетворявшим ежегодно умирающую и воскресающую природу. Жители древней Бухары в день нового года, который совпадал здесь с приходом весны, приносили ему в жертву петуха и пели горестные песни, вспоминая о его убиении. Культ Сиявуша несомненно параллелен культу Озириса.

На ложе под ребристым балдахином покоится тело прекрасного юноши. Его оплакивают боги и люди. Древний художник, пользуясь темно-красной, коричневой, черной и белой красками, проложенными по алебастровому грунту, живо передал разнообразные позы людей, характерное различие в лицах. В горе по ушедшему плачущие наносят себе удары, режут лица, надрезают длинными ножами мочки ушей.

Разгадан еще один сюжет, фрагментарно сохранившийся рядом с главной сценой. По зороастрийским представлениям, душа умершего на четвертый день после смерти должна держать ответ за содеянное в жизни. Душа праведника вступает на Кинвадский мост шириной в девять копий, по которому она благополучно шествует в райские кущи. А грешнику приходится идти по мосту, постепенно сужающемуся до острия ножа, с которого бедолага и срывается в бездну. Эта нравоучительная история и увековечена на стене храма VIII века.

Невдалеке от Шахристана — центральной части города, уже за городской стеной расположен некрополь, где вскрыты сводчатые погребения — наусы. Наус — собственно склеп, в который стави-

лись глиняные гробики — оссуарии — с костями умершего. Согдийцы почитали землю и не оскверняли ее, зарывая в нее труп. Мягкие ткани отделялись от костей умершего несколькими способами. Тело укладывали в особую загородку, где специально выученные собаки буквально оставляли от него «рожки да ножки», или уносили на вершину башни, где усопшего расклевывали птицы, что, разумеется, выглядит гораздо поэтичней, или попросту обрабатывали могильщики. Так или иначе в оссуарий укладывались чистые кости, и он ставился в наус, где и должен был находиться до дня воскрешения или до прихода археологов, что в наши дни гораздо реальней.

Но хватит о таких грустных вещах, тем более, что быт согдийцев был отнюдь не печален, особенно в кругу богатых властителей — декхан. Уже говорилось о том, что квартал богачей состоял из больших двух- и трехэтажных домов со многими помещениями. С улицы в дом ведет небольшая дверь, за ней коридор и продолговатая прихожая. Отсюда открывается проход в просторный и очень светлый зал. Центр плоского потолка между четырьмя колоннами совершенно открыт и дает свободный доступ свету и воздуху. Деревянные балки и колонны щедро покрыты резьбой и раскрашены. Вдоль стен тянутся суфы, покрытые пестрыми тканями и подушками. Стены сплошь расписаны.

Из зала есть проходы в жилые комнаты, освещенные только маленьким оконцем под потолком — здесь всегда царили полумрак и прохлада.

Над площадками плоских крыш, вероятно, возвышались легкие башенки второго этажа. Наверх вела винтовая лестница. Здесь резвились дети; на коврах, убранных цветами по светлому полю, нежились после охоты и пировали с друзьями предки современных таджиков.

Их окружала отлично сделанная, красивая утварь. Ремесленники умели хорошо обжигать посуду, ткать шелка, выделывать кожу, чеканить металл. Исследователи уже взяли под сомнение иранское происхождение многих серебряных изделий, впрочем, об этом писал еще в начале нынешнего века Я. И. Смирнов.

Здесь одевались нарядно: шелковые ткани, где по синему фону вытканы золотистыми нитями звезды, одежду из узорчатого шелка зеленого, золотистого, пурпурного, темно-фисташкового цветов носили мужчины и женщины. Так же ярко окрашивались и тонкие кожи, из которых шили мягкие, как чулок, сапоги.

Обращение было церемонным. Нумизмату О. И. Смирновой удалось расшифровать легенды согдийских монет. Это монеты с

квадратной дырочкой посередине — их для удобства нанизывали на шнурок. Одна из надписей на монетах называется «Афшина Панча» — так в древности именовался правитель Пянджикента. В других — звучные титулы местных цариц: «Вампана — превосходительная царица», «Панупана — превосходительная госпожа господ».

Женщины были очень красивы: об этом свидетельствуют и росписи и раскрашенные статуи. Не о пянджикентской ли красавице писал уроженец здешних мест Рудаки несколько десятилетий спустя:

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз:
Цвет взяла для щек румяных, аромат — для черных
кос.

Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо,
Пряным мускусом повеет от распущенных волос.

Красота согдийских женщин славилась в древнем мире. Китайская хроника повествует: «В начале правления Кхай Юань (в 713 году) прислали двору кольчугу, кубок из восточного хрусталя, агатовый кувшин, яйца птицы-верблюда, юениского карлика и тюркистанских танцовщиц». Вестимо, сейчас многих женщин может шокировать подобное приравнение. Но в те далекие и простодушные времена, вероятно, считалось лучшим комплиментом быть преподнесенной наряду с редкостным яйцом страуса, из которого того и гляди вылупится неподражаемая «птица-верблюд».

Время чудом сохранило образ прекрасных «тюркских танцовщиц», славившихся красотой, искусством музыки и танца по всему Ближнему Востоку. При раскопках одного из жилых помещений были обнаружены деревянные статуи. Во время пожара дерево сгорело, но остался цельный уголь, в точности сохранивший резьбу. Пропитав парафином уголь, ученые осторожно извлекли несколько его больших кусков из земли, и перед восхищенными взорами предстали изумительные творения древнего ваятеля.

Фигуры танцующих девушек чуть меньше натуры. Их стройные, хорошо тренированные тела изгибаются в ритме танца. Тонкая ткань легко охватывает стройные бедра, плотно опоясанные свободной падающим широким поясом. С плеч на обнаженную грудь спускаются перехваченные пряжками шнуры с колокольцами — во время танца они звенели то мелодично, то бурно. Высоко взбитые волосы перехвачены лентой и обрамляют нежно очерченную головку и шею прядями пушистых локонов. Невольно еще раз вспомнишь Рудаки:

Локон у нее изогнутый, но... зато сама стройна,
Тело у нее цветущее, но в глазах тоска видна.

Приводят в восхищение прекрасная моделировка форм и изысканная резьба. Танцовщицы изображены в движении: торс сложно повернут, ноги перекрещены, так и кажется, что в поднятой руке взметнулся над головой летучий шарф.

Произведения архитектуры, живописи и скульптуры, найденные в Пянджикенте и подкрепленные большим количеством других памятников, обнаруженных в последние десятилетия на территории Средней Азии, дают возможность определить уровень самобытной культуры населявших ее народов. Рассеивается клевета о том, что все лучшее было завезено сюда извне. Неверность и односторонность подобного утверждения с каждым научным годом становится все очевидней. Мы помним, что еще в глубокой древности Александр Македонский был поражен тем, что нашел на завоеванных землях отнюдь не варваров, а мужественных и стойких людей, владевших знаниями и искусствами. Великий грек поторопился сблизиться с этими замечательными людьми. И еще до конца не установлены размеры влияния местной культуры на греческую, эллинистическую.

Сейчас весьма убедительно доказывается местное происхождение многих изделий из чеканного серебра, которые долгие годы по глубоко неверной традиции считались иранского происхождения. Изысканные росписи Пянджикента говорят о том, что истоки прославленной «персидской» миниатюры лежат где-то здесь, на нашей земле. То есть весь вопрос ставится с головы на ноги. Несомненно выдающееся значение открытых в Пянджикенте монументальных сооружений архитектуры.

И далее, изумительная деревянная скульптура. Помимо собственной огромной художественной ценности, она вместе с живописью говорит о музыкальной и пластической одаренности народа. Путем ряда остроумных аналогий исследователи прослеживают образ танцующей согдианки в искусстве многих смежных народов.

И, наконец, национальная поэзия Рудаки. Она не могла расцвести на пустом месте, ибо в ней собрались веками накопленная народная мудрость и чувство прекрасного.

Тем обидней, что народ высокой, самобытной культуры подвергся иноземному нашествию, прервавшему естественный ход его развития. На древнюю Согдиану двинулись арабы. Арабское проникновение длилось много лет и встречало энергичное сопротив-

ление независимого и свободолюбивого народа. Источники свидетельствуют, что ихшид Согда, афшин Самарканда — Тархун, заключивший соглашение с арабами, был низложен своими подданными и в отчаянии лишил себя жизни.

Но маленькому народу приходилось считаться с сильным и коварным врагом. Афшин Пянджикента Диваштич, которого старые книги иногда называют и ихшидом Самарканда, вначале сблизился с арабами, но потом восстал против завоевателей. Воины Диваштича встретили отряд арабских войск у селения Кум. Здесь и произошла битва.

Войско согдийцев состояло из конного ополчения, в которое входили знатные юноши, опоясанные золотыми поясами, а также конных и пеших «чакиров» — дружинников, служивших под знаменами афшина. На воинах поверх металлической кольчуги был надет кожаный панцирь с нашитыми на него металлическими полосами. Руки закрывали жесткие нарукавники. Голова была прикрыта коническим шлемом. Вдоль пояса, как кортик, висел короткий кинжал. Кроме двух луков и набора стрел, всадник имел под рукой длинное копье, тяжелую булаву и топор-секиру. Грудь и голову он прикрывал круглым щитом.

Длинные стрелы с трехлопастными наконечниками окрашивались желтой, синей и черной красками: так их легче было разыскать среди камней. Наискосок к поясу всадника прикреплялся узкий и длинный меч. Его конструкция уже была близка к конструкции сабли — следующему шагу военной техники. Переход от прямого и широкого меча, позволявшего только рубить, к изогнутой и тонкой сабле, разрешающей наносить и режущие удары, был столь же значителен в эволюции военной техники, как, скажем, переход от однозарядного пистолета к многозарядному револьверу.

Узкий и тонкий меч согдийцев был совершеннее арабских мечей. Кроме того, согдийские всадники уже опирались ногами не на ремennую петлю, как это делалось в арабской коннице, а на стремя, делавшее посадку бойца устойчивей и позволявшее ему усилить удар, наносимый мечом. Таким образом, и в военной технике согдийцы не уступали завоевателям, а превосходили их.

Но тех было больше...

В теснине реки Кум бурлило ожесточенное и неравное сражение. Вот как передает ат-Габари рассказ одного из воинов арабского полководца Кутейбы: «И сказал человек из ал-Бараджи: я присутствовал при них (при битве Чача и Ферганы с арабами) и я никогда не видел более сильных и выносливых в сражении, чем сыновья этих царей, и мы сразились с ними, и из них спас-

лись только немногие. И мы захватили их оружие, отрубили их головы, брали в плен часть из них и расспросили их о тех, кого мы убили, и они (пленные) рассказали: вы убили только сыновей царей или знати или богатырей; и вы убили таких людей, что каждый из них был равен ста человекам... И мы захватили хорошее оружие, редкостные товары, золотые пояса, прекрасных верховых животных, и это все Кутейба нам подарил...»

Сражения шли по всему Согду, сопротивлявшемуся арабам, и это описание битвы можно отнести к любому из них.

Вероятно, потерпевший поражение в бою Диваштич с небольшой группой уцелевших воинов скрылся в замке на горе Муг и занял оборону. Однако хорошо укрепленный замок не был приспособлен к длительной осаде: в нем не могло находиться много воинов и, самое главное — здесь не было воды, арык проходил за крепостной стеной.

Не это ли побудило Диваштича прекратить оборону и сдаться врагу, обещавшему неприкосновенность? И вправду Саид ал-Хараши поначалу относился к пленному пянджикентскому князю с почтением и всюду возил с собой. Но после взятия городов Кеша и Рабинджана приказал казнить Диваштича по варварскому арабскому обычаю, распяв его на кирпичной стене науса. И этого мало: отрубленная голова смелого согдийского князя была отправлена Омару ибн Хубейре, а левая рука — Сулейману ибн Абу-с-Сари.

Такова тайна горы Муг, раскрытая пытливыми людьми.

Замок на горе Муг был разграблен и разгромлен. Варварскому разрушению подвергся и Пянджикент. Мусульмане оскверняли могилы согдийцев, сбивали фрески со стен их храмов, разрушали и сжигали их. Это случилось в двадцатых годах VIII века. И с тех пор жизнь замерла в древнем городе.

И только много веков спустя вновь ожили площади и улицы легендарного города. Сюда пришли ученые, чтобы возродить великое прошлое одного из древнейших народов нашей страны. На раскопках рядом с маститыми специалистами работает много молодежи. Летом здесь трудятся школьники старших классов и студенты Пянджикентского педагогического училища.

Самаркандский художник Григорий Улько написал картину «Пянджикентская фреска», она висит сейчас в Москве, в Музее искусства народов Востока. На фоне стены с изображением славного Рустама, сражающегося с драконом, в раскопе, задумавшись, сидит девушка. Перед ней лежат фрагменты снятой со стены росписи. Замерла в ее руках широкая красная кисть. Что-то не-

уловимо общее есть в смуглом и прекрасном ее лице с чертами тех женщин, что изображены на древних фресках. Словно ожила одна из них.

Не красавица ли это Сарвар, любимица экспедиции археологов, недавно окончившая городское педучилище?

Интересно было вспоминать это увлекательное путешествие в прошлое дома, в Москве, поглядывая на стоящий рядом, чуть треснутый сосуд, подаренный мне в Пянджикенте. Он вылеплен из красноватой глины, и его неровности хранят отпечаток ладоней и пальцев древнего гончара. Трогая круглый кувшинчик, я словно чувствую их теплоту.

БЛАГОРОДНАЯ БУХАРА

Великий город.— «Башня смерти».— Ислам.— Жизнь пророка.— Культ.— Мечети.— Поверья и праздники.— Восстание Тараби.— В худже старого ученого.— Медресе.— Дворец эмира.— Палачи и казни.— Базары.— Ювелиры, чеканка, золотое шитье.— Вечная жажда.— Дела людей.

Было поверье: на все мусульманские города с неба нисходит благодатный свет, и только над Бухарой он поднимается столбом к небу—его источают святыни и сама благословенная земля. «Опорой ислама» считался город.

Когда подъезжаешь к Бухаре со стороны Ашхабада и долго, как на верблюде, тащишься в поезде через пустыню, еще за много километров в раскаленном и дрожащем над песками воздухе начинает маячить высокая башня. Она словно плывет навстречу, то пропадая за отлогими холмами, то возникая снова все ближе и ближе. И представляешь себе караван, много недель идущий через пустыню, истомленный и физической и духовной жаждой. И вдруг, как «молитвенная сторожевая башня ислама», еще на расстоянии целого дневного перехода из мутного марева возникает видение бухарского минарета. Весь долгий день паломники и дервиши грезят о святых, скрытых в древних мазарах, ученые и поэты думают о встрече с прославленными учеными и поэтами, купцы—о богатых базарах и торговых куполах. И все мечтают о желанной прохладе крытых улиц, влаге городских бас-

сейнов и пиале душистого чая, с поклоном поднесенной приветливым чайханщиком.

Когда Арминий Вамбери, этот ученый и бесстрашный человек, пробираясь с караваном в Бухару под именем дервиша Хаджи Махмуд-Решада, заглушая в себе страх перед шпионами и палачами эмира, думал о том, что через каких-нибудь сто лет сюда, в Бухару, можно будет приехать поездом, это казалось совершенно невероятной, невысказанной фантазией. В те дни любого «френги» (европейца) подвергали в Бухаре немедленной и жестокой казни. Да что сто лет! Еще неполных пятьдесят лет назад «джадидом» считался всякий:

- у которого на рубашке есть пуговицы;
- кто носит короткий пиджак;
- у кого пиджак сшит из черной материи;
- у кого борода побрита и у кого длинные усы.

Это все, разумеется, только внешние признаки джадида. А джадидов нужно хватать и убивать на месте.

Вамбери удалось проникнуть в Бухару в 1863 году, и его фантазия о том, что через сто лет сюда можно будет доехать в поезде, по дерзкой уверенности была равна, пожалуй, сегодняшним нашим мечтам о полете на Луну или даже на Марс. А между тем, именно в 1963 году, то есть ровно через сто лет после путешествия Вамбери, мы приехали в Бухару в мягком вагоне скорого поезда, добрались от вокзала до города на такси и остановились в гостинице с удобными деревянными кроватями, горячей водой и розовой туалетной бумагой. А как будет на Марсе?

Крутая лестница ведет на вершину Большого бухарского минарета. По ней некогда поднимались четыре муэдзина, возглашая по пятницам азан на все четыре стороны света. По этим же каменным ступеням волокли наверх преступников, чтобы сбросить их вниз, на каменные плиты площади. Недаром минарет называют иногда «Башней смерти».

Нужно сказать, однако, что казни эти производились — если производились вообще — довольно редко. Рассказывают, что с минарета был сброшен некий ловкий акробат. При помощи крючьев он сумел взобраться по его гладкой внешней стене на самую вершину. Опасно было в городе терпеть подобного ловкача, и эмир, повосхищавшись сначала ловкостью акробата, повелел сбросить его вниз. Спокойствия ради: целее будет казна!

И хотя теперь у Великого минарета появился соперник — четырехногая, как две капли воды похожая на уэллсовского марсианина, водонапорная башня, возведенная радением начальства ря-

дом с крепостью, все равно он главенствует в панораме города, и открывается с него совершенно неповторимый вид.

Во все стороны стелятся, прижимаясь к земле, глинобитные домишки, прорезанные паутиной узких улиц. А над ними, подавляя их, возвышаются кирпичные гиганты мечетей и медресе, поблескивающие голубым фаянсом стен и куполов. Причудливо сочетание купольных полусфер, прямоугольных порталов и стрельчатых арок.

Недалеко поднимается земляной холм, на котором некогда была крепость, потом дворец эмира. Здесь začínалась древняя Бухара, здесь, по преданию, находится могила Сиявуша, легендарного основателя города. Еще совсем недавно на этом священном месте, в день нового года (весной, в марте) каждый мужчина закалывал жертвенного петуха.

Бухара хранит много преданий и старых легенд, в которых отражается вековая культура местных народов. Ее не смогли заглушить всесветные завоеватели, несмотря на то, что прошло их через эту многострадальную землю больше двадцати. Именно здесь, считают, была колыбель культуры арийского мира. Современные исследования во многом подтверждают это. Особенно красноречивы памятники искусства.

Самый древний из архитектурных памятников Бухары, едва ли не самый прекрасный из них, мавзолей Исмаила Самани сохранился от X века. Ему недавно исполнилось ровно тысяча лет. Он невелик по размеру, квадратен в плане. На толстых стенах лежит невысокий купол. Конструкция мавзолея элементарно проста, она заставляет вспомнить купольные наусы, обнаруженные на кладбище согдийского Пянджикента.

И вместе с тем, это совершенно удивительное сооружение. Благодаря исключительной пропорциональности мавзолей выглядит, несмотря на свои малые размеры, очень монументально. Его объем не замкнут. Мавзолей объединяет вокруг себя пространство, являясь его логическим, организующим центром.

Четыре портала связывают внутреннее пространство с окружающим, а искусная кирпичная кладка напоминает узорчатое плетение или деревянную резьбу, которой так славились местные мастера. Благодаря всему этому мавзолей кажется удивительно стройным и легким, он наполнен светом и производит радостное и нарядное впечатление. Это здание, в котором находится гробница самого Исмаила Самани, правившего Бухарой с 892 по 907 год, стало семейной усыпальницей Саманидов. Поверье приписывает высокочтимой гробнице чудодейственные свойства: достаточно было за-

ложить в нее бумажку с вопросом, как тут же получался ответ. Кто-то должен был обладать недюжинным остроумием.

Великолепным кирпичным узором покрыт и ствол Великого минарета. Орнаментальные пояса, чередуясь, не повторяют друг друга, и не верится, что все выполнено в простейшем материале. Поясок из резных терракотовых плит сохранил надпись, содержащую дату сооружения минарета — 1127 год и имя его строителя. Заботясь о прочности минарета, построенного на месте прежнего, рухнувшего на крышу мечети, Арслан Мухамед-хан придал ему устойчивую форму, сложил из жженого кирпича на алебастровом растворе. Говорят, что возводя минарет, строитель его надолго скрылся, чтобы дать время хорошенько затвердеть раствору. И только когда кладка превратилась в монолит, он принялся за окончательную отделку.

Спустившись с минарета вниз, попадаешь на самую замечательную площадь Бухары. В мире известно несколько прославленных архитектурных ансамблей. Без всякого преувеличения можно сказать, что центральный ансамбль Бухары, составляемый Великим минаретом, мечетью Калян и медресе Мири-Араб, не уступит по красоте ни одному из них.

Этот ансамбль сложился в XVI веке, в период нового подъема бухарского градостроительства. И сколько ни доказывают ревнители старины, что это время было временем относительного упадка строительного искусства, именно в этом веке сложились определяющие городские ансамбли, свидетельствующие и о живучести художественных традиций и о таланте зодчих.

Сколько свободы и продуманной гармонии в планировке площади, как локальны обрамляющие ее архитектурные формы, как отлично взаимосвязаны они между собой, составляя единое пространственное целое. Сравнительно небольшая площадь выглядит величественно. Малейший поворот головы оживляет и заставляет двигаться всю композицию, фантастически меняя ее очертания. И в то же время в ней есть что-то незыблемо вечное, что должно было внушать молящимся чувство смирения, покорности и глубокого восхищения перед твердыней божественной мощи.

Арабы, завоевавшие Бухару в начале VIII века, принесли с собой ислам. Однако новая религия далеко не сразу проникла в толщу местного, коренного населения. Мусульманское право разрешало тому, кто уплачивал особый налог, поклоняться старым богам. Древнейший историк Бухары Мухамад Наршахи подробно повествует о «временах неведения», о стойкости языческих культов. Наршахи рассказывает, что мусульмане даже в мечеть при-

ходили с оружием, оберегаясь от неверных. К новой религии не только принуждали. Каждому, кто посещал пятничную молитву, уплачивали целых два диргема.

На протяжении многих веков религия ислама определяла жизнь, общественное и личное поведение народов Средней Азии. Без знания хотя бы общих черт исламистской догматики затруднительно понимание и особенностей исторического развития среднеазиатских народов и, разумеется, их искусства.

Ислам — в переводе значит «покорность». В двух стихах Корана перечисляются основные положения веры: «Верующие! Веруйте в бога, в посланника его, в писание, какое он ниспослал своему посланнику, и в писание, которое ниспослал он прежде; кто отвергает веру в бога, в ангелов его, в писание его, в его посланников и в последний день, тот заблудился крайним заблуждением». Итак, бесконтрольная, слепая вера, покорное «вручение себя аллаху», постоянное «чувство зависимости» — вот, схематично, что такое ислам.

Ислам воспитывал веру в предопределение (такдыр), ибо «в этом мире не существовало и не существует ничего, что не зависело бы всецело от воли аллаха». Отсюда подавленность личной воли, фатализм. Когда на старых фотографиях вглядываешься, скажем, в лица казнимых мусульман, всегда поражает лежащая на них печать пассивности и абсолютной покорности. Воспитанная с детства вера в предопределение побеждает даже физический страх и простейшую жажду жизни.

Мусульманин верит в загробную жизнь. Эта вера порой наивна, ибо вероучение приспособлено к пониманию простого, чаще всего безграмотного люда. В богословских сочинениях рай описывается во всех подробностях. В них рассказывается, например, что на одном из семи небес есть базар, где можно получить любые товары бесплатно. Для утешения голодных рассказывается о том, что в райских садах порхают птицы, которые, по желанию алчущих, падают, как подстреленные. Их ощипывают невидимые руки, поджаривают и подают. А когда жаркое съедено, птица снова оживает и принимается преспокойно порхать дальше. Жаждающих любви утешают гурии, девы с черными глазами, всегда готовые дарить ласки избранным. И при этом они являют пример чистоты и остаются девственными...

Обитатели рая получают, кроме перечисленных радостей, удобную мебель и вкусные кушанья. Кроме того, исправно верующим обещаются источники с прозрачной водой, реки Сальсабиль, Занджабиль и Кавсар, текущие молоком, медом и вином. Ну,

прямо молочные реки и кисельные берега наших российских сказок!

Но попасть в такое приятное место, как рай, ох как нелегко. К каждому человеку приставлено с обеих сторон по ангелу-хранителю, которые не столько оберегают его, сколько записывают хорошие и дурные поступки. Стражи попарно сменяют друг друга на утренней и вечерней заре. Поэтому для всякого правоверного больше всего искушений таит именно это смутное время суток. На Страшном суде, неизбежность которого несомненна, аллах, заглянув в исписанную книгу, взвесит поступки каждого. Затем предстоит перейти тонкий, как волос, и острый, как мечь, мост, распростершийся над адской бездной, в последнем круге которой булькает котел с кипящей смолой, есть бездонный колодец, есть и особое дерево, на котором растут головы демонов. Поджидая грешника, милые обитатели бездны сладострастно облизываются.

Стремление невредимым перескочить милый мостик и получить в раю жареную птицу, не говоря уже о прочих прелестях, и заставляет истинного мусульманина вести праведный образ жизни, смиряться и передоверить себя аллаху.

Бесконтрольная, без «как и почему» вера в аллаха — первый, основной догмат ислама. Он сформулирован в изречении: «ля иллях илля ллах», что значит «нет божества, кроме аллаха». Перечень самых прекрасных имен аллаха насчитывает ровно сто номеров. И из них возникает образ, как утверждают исламоведы, существа самодовлеющего, всемогущего, всеведущего, всеобъемлющего, вечного, единосущного. Аллах извлек мир из абсолютного небытия и сотворил человека, придав ему свой восхитительный облик и вдохнув в него свой благоуханный дух. Однако творение это оказалось весьма несовершенным: люди непостоянны, малодушны, слабы, торопливы, а главное, неблагодарны. Да-с!

Посланцами аллаха, которым поручалось проповедовать ислам, были пророки. Их было несколько, но «печатью пророков» явился Мухаммед.

Историчность личности Мухаммеда до сих пор спорна. Наш виднейший востоковед академик В. В. Бартольд выразил эти сомнения так: «Мы о Мухаммеде не имеем записей современников». Вероятнее всего, представление о пророке Мухаммеде сложилось постепенно, и образ его явился собирательным образом многих поступевников новой веры.

По преданиям, Мухаммед родился где-то между 570-м и 580-м годами. Он происходил из аристократической семьи, но был беден. Долгие годы он был проводником караванов, а потом поступил в

услужение к вдове Хадидже. Вскоре двадцатипятилетний юноша женился на своей хозяйке, которая была много старше его. От этого брака родилась болезненная и меланхолическая Фатима, единственная дочь, ставшая родоначальницей бесчисленных потомков пророка.

Пророк был неграмотным. По преданию, во время откровения он слышал какой-то шум. Затем у него начинался как бы приступ лихорадки: он бледнел, дрожал, просил, чтобы его укутали в плащ. У пророка из пятнадцати верблюдов был один любимый — Касва. Откровения посещали пророка обычно ночью, когда он ехал на этом верблюде.

Мухаммед продолжал свои религиозные упражнения и после нескольких лет душевного смятения — уверовал, что бог избрал его хранителем своих наставлений.

Сира, жизнеописание пророка, утверждает, что сам Мухаммед считал себя совершенно обыкновенным человеком и признавал за собой, не в пример прочим святым, лишь одно чудо — откровение Корана. Коран содержит 6211 стихов, в которых Мухаммед изложил истины, ниспосланные ему аллахом.

Проповедь новой религии, которую начал Мухаммед, не нашла вначале поддержки в Мекке, и он переселяется все на том же одноухом от рождения верблюде в Медину. Ночь исхода Мухаммеда и его сторонников в Медину — 22 июля 622 года — вскоре стала началом мусульманской эры — хиджра. Хиджра — значит переселение.

Поселившись в Медине, пророк продолжал слагать откровения, составившие Коран. Спустя несколько лет после хиджры он снова вступил в Мекку, а потом совершил первое и единственное паломничество (хадж) к святыне. Вернулся Мухаммед очень утомленным и усталым и умер через три месяца, в 632 году, от плеврита. Мусульмане почитают шестьдесят третий год жизни, ибо это возраст самого пророка.

Один из известных исследователей ислама пишет: «Невозможно вынести суждение о таком человеке в нескольких строках. Если взять весь его жизненный путь, мы увидим нервную и мятежную натуру, душу, всегда охваченную загадочным смятением. Затем его концепции кристаллизуются вокруг единого бога и реальности загробной жизни — верований, которые он, благодаря своей чистосердечной набожности, дивному дару красноречия и упорству, внушил, в конце концов, всем, кто окружал его. Впоследствии к дару пророчества присоединились его таланты государственного деятеля — дипломата и воина».

Культе ислама базируется на пяти основных обязанностях каждого мусульманина: исповедание символа веры — «нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед — пророк его»; ежедневный пятикратный намаз (молитва); обязательный пост; узаконенный благотворительный налог; паломничество в Мекку или равное ему.

Мусульманин должен совершить ежедневно, как минимум, пять ритуальных молитв: на заре, в полдень, во второй половине дня, при заходе солнца и в начале ночи. Усердные молились еще чаще.

Когда наступает час очередного намаза, с минарета муэдзин, или азанчи пронзительно возглашает призыв (азан), состоящий из следующих обращений: «Аллах превелик! Свидетельствую, что нет божества, кроме аллаха! Свидетельствую, что Мухаммед — посланник аллаха! Идите на молитву! Идите ко спасению! Аллах превелик! Ля иллях илля ллах!» Обращение повторяется многократно.

Очень любопытно, что азанчи, стоящий на высоком минарете, чаще всего бывал слепым, чтоб не мог подглядеть «тайн дворов и террас».

Где бы ни заставал правоверного крик муэдзина, он тотчас, бросив все дела, должен был спешить на молитву. Ремесленники оставляли свои горны и мастерские, замирала жизнь на базарах, и торговцы вместе с покупателями спешили в мечеть. Поэтому для удобства, помимо того, конечно, что это считалось богоугодным делом, мечетей строилось очень много. И когда сейчас смотришь на план Бухары, правда, довольно поздний, он весь испещрен черными квадратиками — это мечети. Общее число мечетей теперь уже трудно подсчитать, но еще совсем недавно их было около двухсот, и это в сравнительно маленьком городе, насчитывавшем перед приходом русских всего несколько десятков тысяч жителей.

Особенно много было небольших квартальных, гузарных мечетей. Еще и сейчас в Бухаре можно посетить одну из них — мечеть Балянд. Если наружная архитектура этого здания ничем не примечательна, то когда, сняв обувь, входишь внутрь, поражает его пышное и нарядное убранство. Красивые высокие панели из зеленых глазурованных плиток, покрытые тончайшей золотой росписью. Стены расписаны в технике «кундаль», здесь много золота и ярких красок. Великолепен деревянный наборный потолок мечети, покрытый изящным геометрическим орнаментом.

По пятницам, считающимся у мусульман праздничным днем, свершается общий намаз — джума. Пятничная молитва происходит в полдень в особых городских мечетях, которых в Бухаре

насчитывалось десять. Большой бухарский минарет, с которого мы смотрели на город, как раз и принадлежит мечети Калян — самой большой и торжественной джума-мечети.

Для многих путешественников представление о мечети ограничивается нишей входа, обрамленной прямоугольником пештака, украшенного изразцами и глазурованной плиткой, да глухой гладью кирпичных стен, отгораживающих внутренний двор мечети от остального мира. Однако если войдешь через главный вход или сквозь один из шести боковых проходов внутрь мечети Калян, она поразит тебя композиционной стройностью архитектурного замысла, сочетанием разнообразных пластических форм, свободой и изобретательностью пространственных решений.

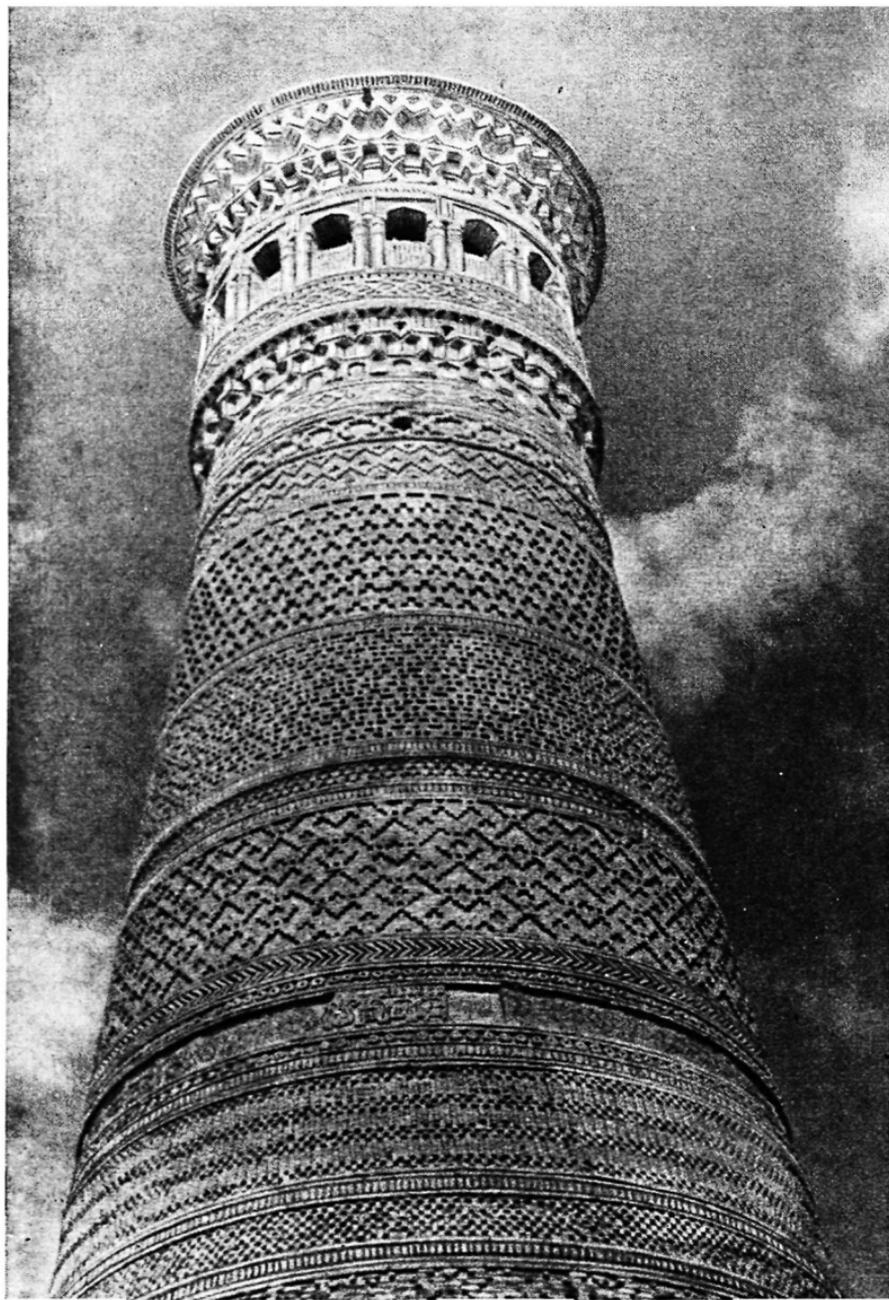
За входной нишей, по главной оси, пересекающей вдоль просторный двор, лежит главное здание, увенчанное двойным куполом, покрытым голубой глазурованной плиткой. Двор обрамлен галереями, на аркадах которых покоятся двести восемьдесят восемь небольших куполов. Изумительны перспективы свободно пересекающихся колоннад, пронизанных падающим сбоку светом.

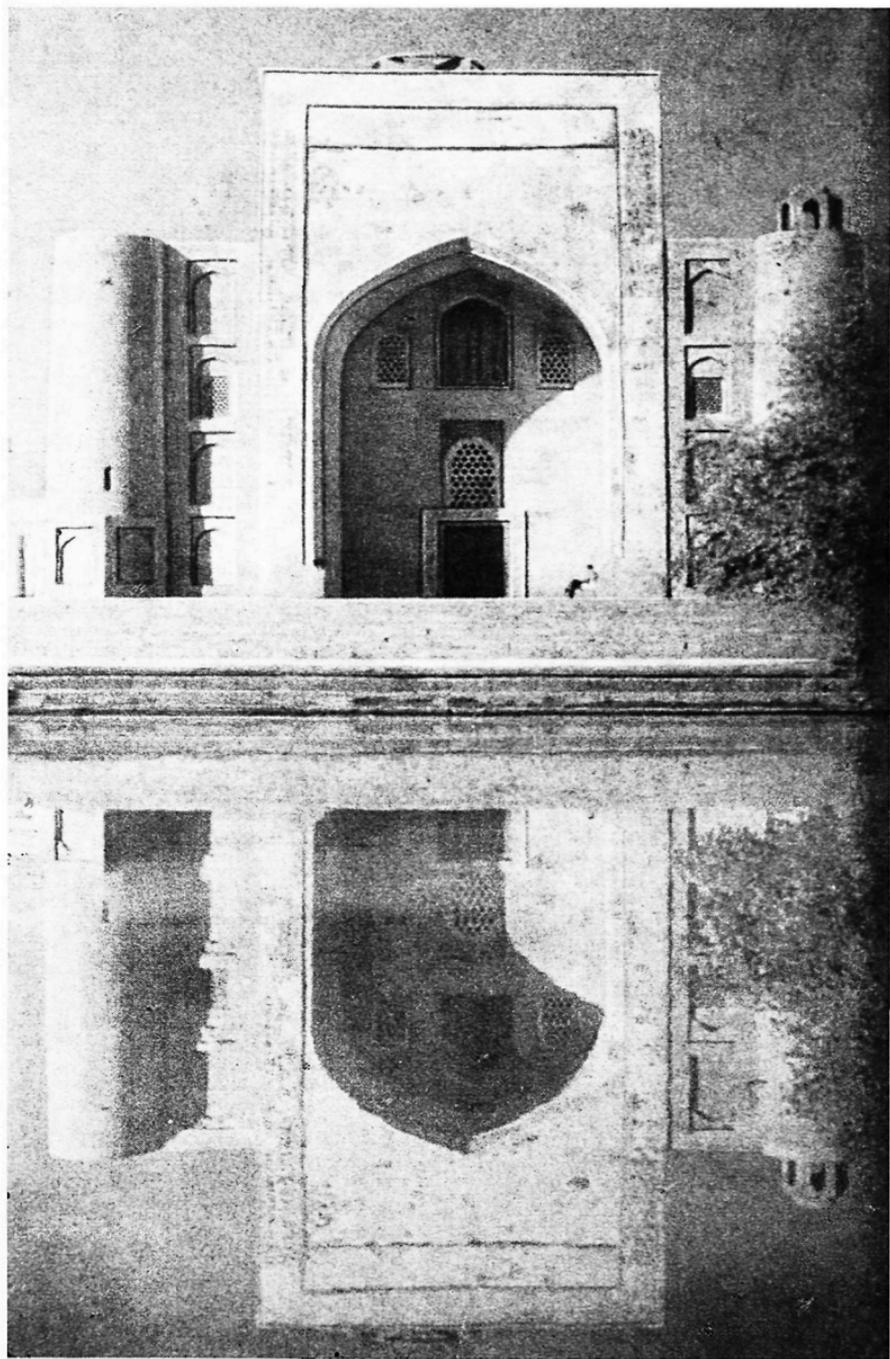
На осях, разделяющих двор, возвышаются стрельчатые айваны, а главное здание обращено к молящимся красиво украшенной михрабной нишей. Михраб указывает направление на Мекку (кыбла), где находится Кааба — главная святыня мусульманского мира. Имам — руководитель молитвы — становится перед михрабом, и молящиеся повторяют за ним строго установленные ритуалом молитвы и телодвижения. Рядом с михрабом находится мимбар — кафедра для проповедника. В кульминационный момент намаза молящиеся простираются ниц, касаясь земли носом. Отсюда и мечеть (масджид), что значит «место, где простираются ниц».

Во время двух годовых праздников сборища верующих были настолько велики, что ни одна даже самая большая мечеть не вмещала всех желающих. Тогда служения происходили за городом, на открытом месте, называемом Намазгох. Молящиеся располагались на просторном поле, обратясь лицом к михрабной нише.

Бухарский Намазгох представляет собой сложное и разновременное архитектурное сооружение. Он расположен недалеко от города на месте когда-то бывшего здесь эмирского парка и зверинца. Сюда собирались в праздник окончания поста. Пост в месяц рамадан считался лучшим средством искупления грехов. Он был обязателен для всех совершеннолетних, кроме больных и путешественников; девочки достигали совершеннолетия в девять лет,

Башня смерти.

← Ляби-хауз.

Гнездо аиста.

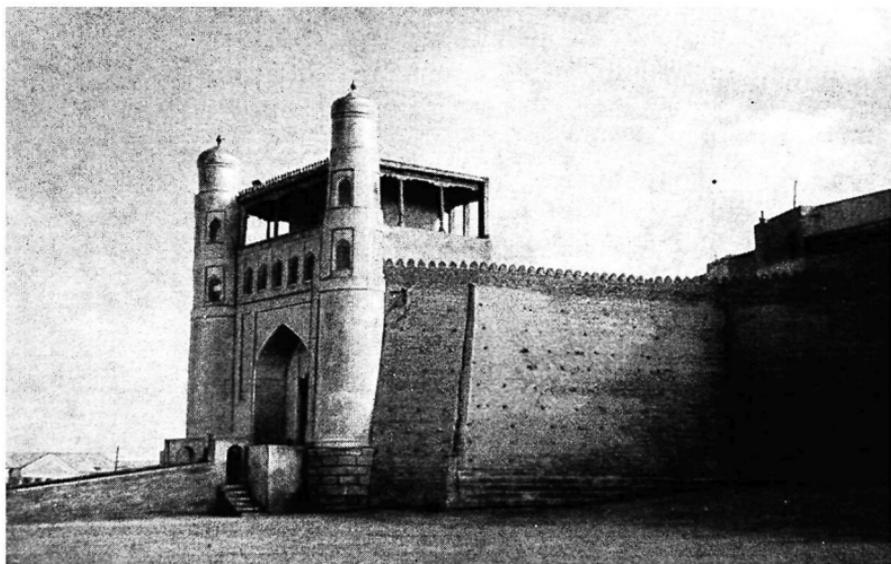
Возле базара.

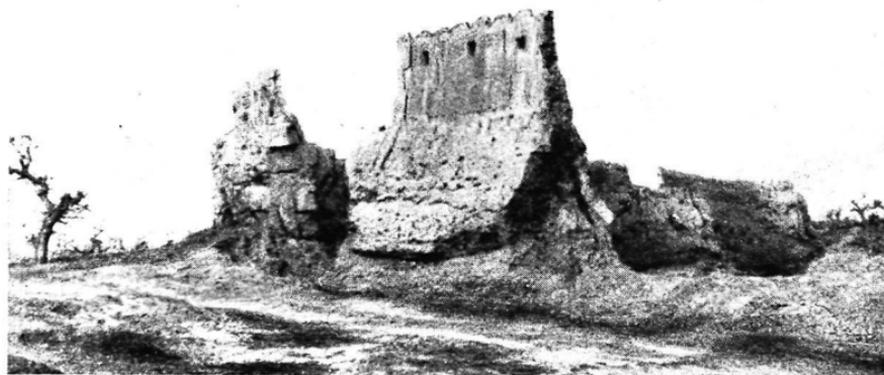

Бухара.

Арк.

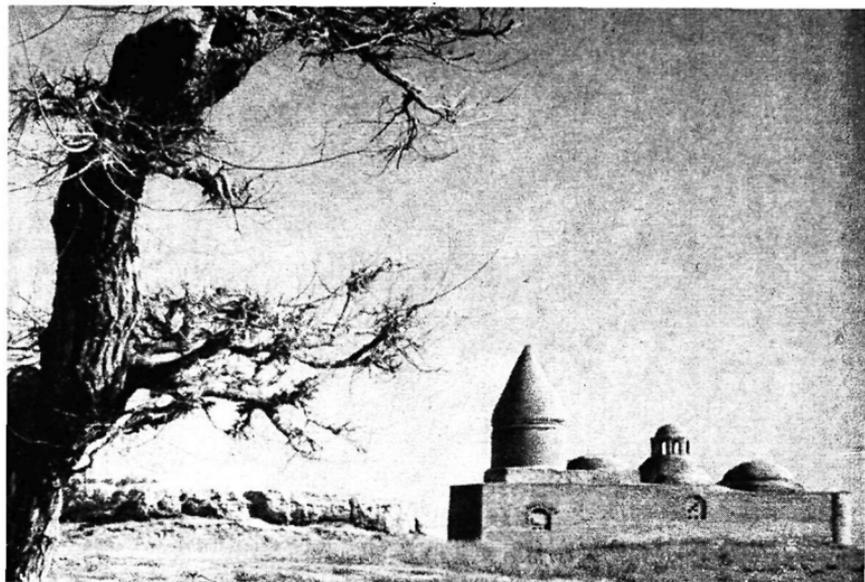
Стены древней Бухары.

Мавзолей Исмаила Самани.

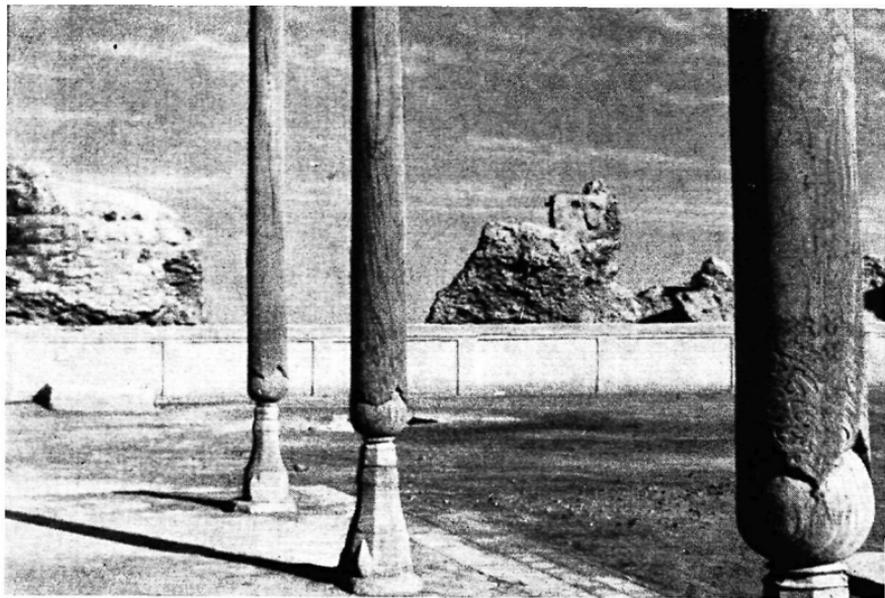

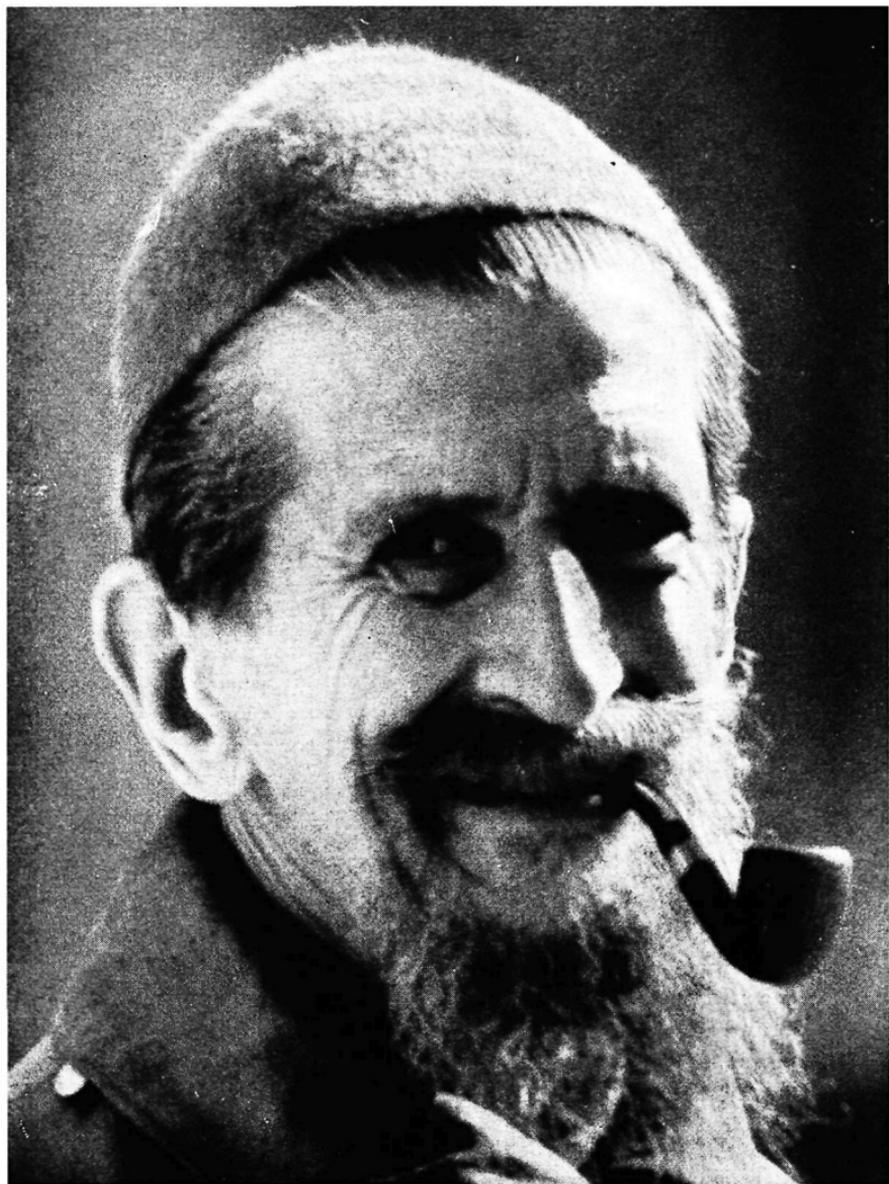
На улице.

Чор-су.

Мечеть в Арке.

Сергей Николаевич Юрнев.

а мальчики — в двенадцать. Того, кто самовольно отказывался от поста, могли даже бросить в тюрьму.

Пост начинался с появлением молодой луны месяца рамадана, запримеченной на небе двумя свидетелями. Тогда на минарете вывешивалось знамя. Во время поста весь день, от зари до зари, не разрешалось ни есть, ни пить, ни курить. Только сразу после заката мусульманин принимал футр — легкий ужин, а до восхода солнца — сахур — завтрак. Время жизни во время поста перемещалось: ночью были базары, а днем старались больше спать, но это могли позволить себе лишь те, кому не нужно было работать в поле или мастерской.

Вторым годовым праздником был курбан-хаит. Он связан с кровавым жертвоприношением. В этот праздник резали овец и даже верблюдов, а кто победнее — петуха. По поверью, душа жертвователя в свое время сможет переехать на заколотом животном через тот самый мост Сират, висящий над адской бездной.

Поверья связывали души темных людей, отвлекая их от действительности. Царила слепая и безрассудная вера. Еще и сейчас, затерянные среди равнины, встречаются полуразрушенные здания с купольными сводами. Возле каждого торчит шест, набросана груда камней, или к веточкам растущего рядом чахлого деревца привязаны разноцветные лоскутки — это мазар, место поклонения. Святоши охотно распространяли предание, что в бухарской земле похоронено тридцать три тысячи праведников. Почти каждый из мазаров имел свою легенду и свою узкую «специализацию». Так, в Бухаре известен мазар Лесак, излечивающий от косноязычия. Достаточно было разлить по святому камню кислое молоко и затем слизать его, и немой приобретал уверенность, что обретет дар речи, а робкий спокойно шел в суд, где ему предстояло держать речь.

Невдалеке от мавзолея Исмаила Самани, который по сути также был мазаром, виднеется остроконечный купол знаменитого мазара Чашма-Аюб. Он возвышается над источником, который начал бить в том месте, где будто бы ударил посохом библейский пророк Иов. Суровы кирпичные стены продолговатого здания, на котором живописно группируются разнохарактерные купола.

Но самым знаменитым мазаром в Бухаре, вернее, в десяти километрах от города, был мазар Ходжи Бахауддина Накшбанди, основателя нищенствующего дервишеского ордена. Сейчас уже очень редко, но все еще можно встретить на среднеазиатских рынках человека, резко отличающегося от окружающих своим внешним видом. На нем остроконечный колпак, отороченный мехом,

халат перевязан широким вышитым поясом, увешанным амулетами, в руках — посох. Дервиш, встретившийся мне на самаркандском толкучем рынке, бродил между рядов, окуривая дымом кадила торгующих и их немудреный товар. На него никто не обращал внимания. А раньше дервиши-каляндары пользовались огромным влиянием, не подать ему милостыню было опасно — грозила беда. Господин ордена распределял между подвластными ему каляндарами районы сборы подаяния. Ну прямо, как это сделали «дети лейтенанта Шмидта», заключив незабвенную Сухаревскую конвенцию.

Посещаемости мазаров способствовало еще и то, что каждый совершеннолетний мусульманин обязан был хоть один раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Не всем, разумеется, подобное путешествие было под силу, но его заменяло многократное посещение мазаров, что было выгодно к тому же многочисленным шейхам, кормившимся вокруг святыни. Под предлогом поклонения мазару Ходжи Бахауддина, считавшегося святым покровителем Бухары, проник в запретный для европейцев город и Вамбери.

Отважного венгерского путешественника поразило обилие святош, наводнявших Бухару, хотя он отчетливо уловил у многих под маской святости лицемерие и удобное ханжество. «Как часто я присутствовал при халька (круг), — пишет в своем дневнике Вамбери, — составленном из благочестивых мужей, усевшихся тесно один возле другого и предававшихся таведжю — размышлению или, как выражаются западные магометане, созерцанию величия божия, славы пророка и ничтожности нашей смертной жизни! Если посмотреть со стороны на этих людей в громадных тюрбанах, с поникшими головами, нельзя не счесть их самыми чистыми, бесхитростными натурами, желающими свалить с себя земное бремя и сподобиться чистого духа, так как арабская поговорка гласит, что «свет есть мерзость, и увлекаться им могут только — собаки».

Но посмотрите на них поближе, — продолжает путешественник, — вы увидите, что многие из них вследствие слишком глубоких размышлений дремлют и даже многие храпят, как собаки после утомительной охоты; но не вздумайте упрекать их: бухарцы озадачат вас возражением: «Эти люди, даже храпя, думают о боге и бессмертии».

Не знаю, уловил ли наблюдательный и остроумный исследователь оттенок иронии и насмешки в приведенном разъяснении бухарцев. Нужно сказать со всей определенностью, что простой на-

род во все времена относился к ханжам, лицемерам и профессиональным святошам с издевкой и недоверием. Об этом весьма недвусмысленно говорят многочисленные сатирические песни и поговорки, сложившиеся в народе.

Религия, одурманивая слабых, не может все же источить здоровую душу народа. И свидетельство тому — прежде всего восстания, потрясавшие средневековье, хотя и принимавшие религиозную форму, но в социальной основе своей являвшиеся проявлением революционной воли народных масс.

В народе еще была свежа память о восстании Мелик-Синджара, сына продавца щитов, когда, не выдержав двойного гнета завоевателей монголов и своих богатеев, ремесленный люд Бухары, увлекая за собой крестьянство, снова поднялся на справедливую борьбу.

Возглавил восстание ремесленник Махмуд из селения Тараби, что в трех фарсах от стен Бухары. Великолепен призыв Тараби, брошенный им народу с холма Абу-Хафс: «О, защитники истины, что еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин».

Гордым и бесстрашным человеком, истинным народным вождем предстает Махмуд Тараби из описаний даже не сочувствующих ему феодальных историков. Вот подлинный рассказ о битве, на которую поднял Тараби своих людей в 1237 году: «Махмуд со своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны. С двух сторон выстроились ряды войск. Тараби вместе с Махбуби были в первых рядах без оружия и кольчуг. Так как широко распространился слух, что все руки, поднявшиеся против Махмуда, отсохнут, то войско монголов чрезвычайно вяло взялось за оружие — сабли и стрелы.

Один из монгольских воинов выпустил стрелу, которая случайно убила Махмуда. Другая такая же стрела настигла Махбуби. Никто не знал об этом случае ни в войске Махмуда, ни в войске монголов, а между тем поднялся сильный ветер, налетело столько пыли, что люди перестали видеть друг друга. Враги подумали, что все это чудеса Тараби, настроение у них упало, и они обратились в бегство. Войско Махмуда бросилось за ними в погоню. Население окрестных рустаков вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда, и всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сбор-

щиков податей и богатых людей, они хватали, раскраивали топом голову. Было убито около 10 000 человек».

Тут уж, видимо, ни тем, ни другим было не до самосозерцания!

Средневековый азиатский город наряду с мечетями, где совершались богослужения, украшают и монументальные здания медресе, представляющих собой некое подобие духовных семинарий.

Нас привел в медресе Улугбека историк и археолог, большой знаток Бухары Сергей Николаевич Юренев. Мы познакомились с ним накануне вечером. Было волнительно в ответ на выкрикнутое по-французски приглашение переступить порог его жилища в одном из обветшалых бухарских медресе.

Удивительно похожий на Дон-Кихота высокий старик читал при свете керосиновой лампы. В глубине комнаты, в ногах узкой железной кровати (на такой, говорят, спал Наполеон) теплился ночник, отраженный поставленным за ним золотистым блюдом. В полумраке мерцали переплеты книг, взятые под стекло арабские изречения и превосходная керамика. Дон-Кихот снял с полки одну из темных зеленовато-синих кос, сдул с нее пыль и, протягивая нам, сказал: «Мой Врубель».

Все действовало здесь гипнотически: и полумрак, и непринужденный французский говор, и то, что Ленинград именовался только Петербургом, а Калинин — Тверью. Мы были совершенно подавлены величием Дон-Кихота и с истинным благоговением пили кофе, сваренный тут же на керосинке. Мы только позже узнали, что в приюте отшельника есть и яркий свет и электрическая плитка.

Но тогда наше очарование, смешанное со смятением, все возрастало и достигло совершенно невероятных размеров, когда властелин дома, испросив позволения у присутствующей дамы, вдруг вывалил на стол из картонной коробки груды сверкающих драгоценных камней.

Лиловые, розовые, синие, зеленые, кроваво-красные, прозрачно-голубые, сиреневые камни разной формы — круглые, грушевидные, слегка отполированные — переливались и мерцали глубоким сиянием в неверном свете. Это было чересчур, и мы, ошарашенные, выскочили на темную улицу ночной Бухары. Дон-Кихот улыбался в дверях, он был доволен.

Весь следующий день Сергей Николаевич водил нас по сокровенным местам Бухары. Он был строен и необычайно элегантен со своей небольшой бородкой, в короткой солдатской куртке без погон, грубых башмаках и бурой скуфейке, связанной из кошачьей шерсти, тщательно собранной им самим. В базарной толпе он

непринужденно пощелкивал висевшими на руке четками, составленными из крупных рубинов и изумрудов.

По городу мы шли очень быстро, словно торопились к определенной цели. Она открылась нам, когда, войдя внутрь медресе Улугбека, Юренев подошел к подножию стройной входной арки и, посмотрев на нее, сказал: «Моя любимица!»

И сразу приоткрылся человек большого чувства, ученый, посвятивший себя изучению Востока. Он проработал здесь без малого тридцать лет. Собранные Юревым коллекции есть и в Ленинградском Эрмитаже, и в Московском университете. Но самое главное хранится в двух кельях соседнего медресе: здесь, на стеллажах, лежат сотни и сотни коробочек и коробок, в которых покоятся тщательно пронумерованные и описанные реалии, найденные ученым во время многолетних изысканий и раскопок. Тут до времени ждет Бухара еще как следует не изученного XVII века.

Медресе Улугбека послужило прообразом для архитектурных сооружений этого рода. Бухарское медресе — первое из трех, построенных при Улугбеке. Оно отличается особенной простотой архитектурного замысла, ясным конструктивным членением. Прекрасны пропорции здания.

Фасад акцентирован обрамленным пештаком арочным входом, углы лицевой стороны фланкируются башнями-гульдаста. Четка и абсолютно продумана и внутренняя конструкция: двор обрамлен двухэтажными галереями келий-худжр, по бокам входа два довольно больших зала — мечеть и аудитория — дорсхана.

Строитель медресе — зодчий Исмаил сын Тахира, исфаганец, был наделен даром конструктивного мышления. Он великолепно сочетал декоративное убранство здания с его архитектурной. Стены и арки украшены весьма скромно, но изразцы поблескивают именно там, где ожидаешь их увидеть. Действительно, изысканна и грациозна дворовая арка, которой искренне любовался Юренев.

В приеме «кош», строго напротив, фасадом к фасаду, по оси к медресе Улугбека веком позже построено медресе Абдалазисхана. Строители его в масштабах и в пышности убранства тщились превзойти все построенное ранее. В научной литературе до сих пор идет сдержанный спор о том, насколько им это удалось. Те, что считают вершиной расцвета тимуровскую эпоху, порицают сооружение Абдалазисхана, но уже раздаются негромкие голоса в его защиту.

Это медресе отличают значительное усложнение плана и, глав-

ным образом, пышность убранства. Возможно, здесь нарушается в чем-то золотое чувство меры, но все же усилия архитекторов и художников (все они бухарцы), имена которых известны, не пропали даром: зрелище создается удивительно интересное, красивое и торжественное. Но «бог знает истину лучше» — так любил в сомнительных случаях говорить Наршахи.

На двери медресе Улугбека, украшенной тонкой резьбой, был вырезан афоризм: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и мусульманки». Тут же, на бронзовой пластинке, были еще слова: «Над кругом людей, осведомленных в книжной мудрости, да будут каждый миг открыты двери божьего благословения».

В свое время медресе были очагами просвещения. Мы знаем о тамошней жизни и преподавании очень немного, главным образом, со слов Садриддина Айни. Но ведь его воспоминания относятся к самому последнему периоду Бухарского ханства, когда древняя культура полностью выродилась, приобрела отвратительные формы лицемерного церковного ханжества и пребывание в медресе свелось лишь к автоматическому заучиванию Корана и наиболее важных комментариев к нему.

Некогда было совсем не так. Несмотря на то, что в духовном училище преподавались прежде всего религиозные дисциплины, здесь знакомились также и со всеми вообще научными познаниями времени. Недаром из стен медресе вышли ученые, поэты и мыслители азиатского средневековья.

Как рассказывает один из первых русских путешественников, посетивших Бухару и оставивших тщательное ее описание, — Н. Ханьков, обучение в медресе длилось от пятнадцати до двадцати лет. Занятия шли ежедневно от восхода до захода солнца, кроме пятницы и четверга. Летом было три каникулярных месяца.

За это время муло-бача (студент) должен был проштудировать и заучить 137 книг. Ханьков точно называет именно это число. Среди окончивших курс в медресе было немало превосходных знатоков арабского языка и схоластической теологии. Преподавание велось свободно. Муло-бача мог посещать лекции в любом из городских медресе и проходить курс у любого мударриса — руководителя занятий. Занятия шли своеобразно: это практически был вольный диспут между студентами, который направлял в нужное русло сам мударрис. Бесконечные споры, конечно, затягивали изучение того или иного труда, но они же и приучали студентов к живой полемике, воспитывали в них находчивость и остроумие неожиданных поворотов мысли.

Уже утрачены, к сожалению, точные сведения о курсе наук, преподававшихся в медресе за весь многолетний срок обучения. Но сведения, вероятно, здесь сообщались довольно разносторонние. Не случайно на мраморной облицовке одной из внутренних порталных ниш медресе Улугбека сохранился фрагмент, наглядно показывающий весь процесс обработки мраморной панели. Разумеется, это пособие было предназначено не для обучения мулобача. Им пользовались мастера-мраморщики, но характерно то обстоятельство, что находится оно именно в медресе.

В Бухаре насчитывалось одновременно около десяти тысяч студентов. Это была весьма значительная и влиятельная часть городского населения, у которой искали популярности даже весьма почтенные лица. Мулло-бача автоматически считался тот, кто занимал в любом из городских медресе келью-худжру. Эти кельи располагались в два яруса, выходя дверями на галереи, четырехугольником окружавшие двор, что, собственно, и определяет архитектурную функциональность здания медресе.

Худжры довольно уютны, о чем трудно догадаться, глядя снаружи на унылые и глухие внешние кирпичные стены медресе. Кое-где сохранившееся еще, хотя бы частично, внутреннее убранство худжр помогает составить представление о том, как выглядели они, когда были жилыми. В них вполне достаточно света, обычно есть сандал, стены украшены росписью и резными алебастровыми панелями. Словом, все похоже на однокомнатную квартирку где-нибудь в доме для молодоженов.

Во время войны в худжрах самаркандских медресе жили многие эвакуированные художники. Худжра Сергея Николаевича Юрнева в медресе Мадари-хан вполне могла напомнить обжитое прибежище ученого и мудреца старых времен.

Бухарские медресе поставляли образованных людей для многочисленной армии духовенства и чиновничества. Их было немалое количество — всяческих райсов, муфтиев, казиев, вершивших суд и расправу над темным и запуганным населением. На вершине власти пребывал эмир, по существу безграничный властелин: «Его величество могущественный султан, хакан, олицетворяющий правосудие, возвысивший власть справедливости и благотворения, укротитель притеснения и несправедливости, обладатель великодушия, милости и отваги...» — так значится в надписи на входной нише мечети Калян.

Эмир бухарский пребывал в своем дворце, построенном на вершине, вероятно, насыпного холма. Арк-крепость возвышается над городом, являя собой его, следующий после Великого минарета

высотный центр. В Арк ведут ворота, за которыми находился дворец эмира, мечеть, дом куш-беги (премьер-министра), монетный двор, казнохранилище и другие помещения. Еще до сих пор сохранилась Куринаш-хана — зал аудиенций, где по пятницам эмир устраивал саламлик — торжественный прием приближенных.

Премьером, как уже говорилось, был Куш-беги. Практически он от имени эмира вершил всеми делами. Во время отсутствия эмира в городе Куш-беги не имел права покидать Арк. Куш-беги подчинялись чиновники, делившиеся на пятнадцать разрядов. В совещательный совет при эмире входили высшие гражданские и военные чиновники, духовенство — улемы и судьи. Тут же был и Хаджи-калян — самый приближенный к эмиру человек, единственный, с кем эмир целовался и кто мог войти во дворец неподпоясанным.

Вся эта огромная чиновничья свора, не получая от верховной власти никакого твердого содержания, кормилась за счет населения. И если к этим узаконенным поборам прибавить еще и церковные даяния и обязательную милостыню, то легко себе представить, какие тяготы нес рядовой житель «Благородной Бухары». Недаром над воротами Арка красовалась плеть, правда, принадлежавшая, по преданию, легендарному Рустаму, в действительности же бывшая просто символом эмирской власти.

Вся полиция столицы подчинялась миршабу — «правителю ночи». В семь часов запирались все одиннадцать ворот Бухары, и ключи от них относились в Арк. И с этого момента никто, за исключением врачей и повивальных бабок, не имел права появляться на улицах. Ночью правоверные должны спать. По улицам ходили только шабпиры, нещадно колотя в большой барабан, который был почище колотушек наших ночных сторожей. Всех появившихся на улице в ночное время хватали и держали до утра, заставляя на заре чистить печи городских бань.

Ишан-раис следил за исправлением мусульманских обрядов, проверял знание правоверными ритуала и правильность мер и весов. Он мог остановить и проэкзаменовать на улице любого и, ежели человек спасовал, всыпать на месте специальной плетью «дуррой» до тридцати девяти ударов. Вот как рассказывает об этом очевидец:

«Вот едет худой старец в большой белоснежной чалме, в богатом парчовом халате; под ним хороший конь с богатой сбруей, золоченое седло и посеребренные стремяна. За ним следуют быстрым шагом девять здоровых молодых людей с палками. Это едет раисуш-шариат Бухары, блюститель меры веса и длины на базарах, суровый цензор нравственности «правоверного» города и глава

всех райсов ханства. Следующие за ним — его мулозимы, своего рода ликторы. Среди базарного люда замешательство и любопытство. Вот ишан-раис въезжает, например, в ряд шелковых тканей, где сидят купцы, важные и степенные. Он поравнялся с одной из лавок, попрिдержал коня и слегка кивнул головой на торговца. Моментально к тому подбегает кто-нибудь из мулозимов райса с образцом базарного аршина и, сравнив последний с тем, что был у купца, быстро возвращается к райсу и показывает, что газ купца несколько короче установленного образца. Райс называет одну какую-либо цифру (но всегда нечетную), например, одиннадцать. Тогда к продавцу приближаются двое ликторов с палками. Один стаскивает его с прилавка, быстро вскидывает себе на спину, а другой закидывает ему халат и рубашку на голову и, спустив штаны, начинает наносить палкой удары. Если виновный кричит, то счет палочных ударов считают снова с той палки, под которой наказуемый испустил свой первый крик. По окончании экзекуции продавец, обливаясь горькими слезами от боли и стыда, с волочащимися по земле штанами, подходит к ишану-райсу и целует ему руку. Преступление открыто, и преступник наказан. Райс едет дальше...»

Система наказаний в Бухарском ханстве была чрезвычайно жестокой: за кражу отсекали руку, если повторялась — казнили.

Пытали в застенках эмира изощренно и со вкусом. Один из первых европейцев, кто совершил странствие по Средней и Центральной Азии, человек совершенно удивительной судьбы, сержант российской армии Филипп Ефремов, захваченный в оренбургских степях и проданный в рабство в «Бухарию» двести лет назад, со свойственной его рассказу обстоятельностью поясняет: «Пытка в Бухарии происходит следующим образом. Чтобы человек повинился, или к чему был склонен, кладут в большое деревянное корыто с пуд соли, наливают в оное воды горячей; когда же соль разойдется и вода остынет, тогда, связав в утку человека, коего мучить хотят, положат ему в рот деревянную палку и, повалив его затылком в корыто, льют соленую воду в рот; от сего же мучения через день многие умирают, потому что соль живот весь переедает; если же кого хотят спасти, то после каждого мучения, продолжающегося с час, дают пить топленого овечьего сала по три чашки, величиною с полоскательную чайную чашку, кое сало всю соль вбирает в себя и очищает верхом и низом живот; потом кладут пшеничной муки в котел и, поджарив оную, мешают с водою и овечьим топленным салом и варят жидко и сею саломатою кормят того мученика, коего хотят оставить в живых. Я таким

образом был мучим по три дня, и после каждого мучения давали пить сала по выше объявленной мере», — заканчивает свой рассказ Ефремов.

Но то было двести лет назад, ближе к нашему просвещенному веку поступали несколько иначе. Стоит еще тратиться на соль и саломату! При въезде во дворец эмира, сразу за тяжелыми воротами Арка, так что, вольно или невольно, идя, скажем, в гости к радушному эмиру, обязательно пройдешь поднимающимся вверх темным коридором, по сторонам которого отгороженные решетками тянутся камеры. В этих застенках томились и умирали узники, сюда сверху из конюшен стекала зловонная жижа. Умелые тюремщики специально разводили здесь клещей-кровососов, глодавших несчастных. Таким образом, на виду у всех находилось прямое олицетворение безграничной власти эмира, свободно распоряжавшегося человеческими жизнями. Не случайно во время празднеств и народных гуляний на площадях казнили двух-трех обреченных. Этакий увеселительно-назидательный аттракцион: не забывай-ка!

Казнили по-разному: кого вешали, но не сразу, а то поддергивая, то опуская веревку, чтобы продлить удовольствие, наверняка для толпы зрителей и, возможно, для самого казнимого. За вероотступничество побивали камнями. Но чаще всего просто кривым ножом перерезали горло. Резали людей в углу площади Регистана, возле Веревочного базара над грязной канавой. Вот так: «Сначала к краю канавы, — пишет в своих «Воспоминаниях» Айни, — подвели Мулло-Бозора. Палач с палкой вышел вперед и так ударил его по голеним осужденного, что все, кто там находились, услышали хруст костей. Мулло-Бозор упал лицом в черную грязь, выбранную из канавы. Палач сел на плечи осужденного и вдавил его голову в грязь. Стражники с палками навалились на осужденного и прижали его тело от пояса до ног к земле. Другой палач достал небольшой обоюдоострый узкий нож из ножен, висевших у пояса, и всадил в горло своей жертвы. Когда нож вошел по самую рокоятку, палач повернул его, потом вытащил, вытер о халат казненного и засунул обратно в ножны». Вот так, без всяких церемоний, эшафотов и прощальных слов, просто резали в грязи над канавой, прихватив обреченного за нос, чтоб было сподручней. А тот помалкивал, ибо даже в последний свой час трепетал перед эмиром и, давно веря в предопределение, покорно «вручил себя» воле аллаха.

Когда идешь по улицам современной Бухары, не нужно делать даже особых усилий, чтобы воскресить в воображении картины

недавнего прошлого. Вот ансамбль Бала-хауз: мечеть и миниатюрный минарет возле выложенного камнем пруда. Сюда в торжественные дни спускался из своей крепости эмир, и тогда от Арка, через всю обширную площадь Регистан до самой мечети расстилали ковры. Примечательны повторенные несколько раз в разных концах города двоянные памятники, организующие расположенное между ними пространство улиц и площадей. Неповторимость бухарской панорамы, особенно когда смотришь на город сверху — с минарета или с обрывистого края крепостного холма, определяют полусферы мечетей и торговых куполов. Кажется, что великан, забавляясь, причудливо нагромоздил вокруг песчаные куличики. Это впечатление усиливается общим серовато-песчаным колоритом города.

Торговые купола остались лишь в нескольких местах города, по ним легко проследить его главную коммерческую магистраль. Бухара, наряду с мечетями, мазарами и медресе, славилась некогда своими базарами. Религия и торговля всегда шли рука об руку. Бухарские базары тянулись вдоль улиц, вернее, промежутки между лавками были улицами. Узкие эти ущелья, всегда наполненные шумом и гамом базарной толчеи, от палящего солнца прикрывали сплошные навесы. В каждом ряду продавали строго определенный товар: веревки — здесь, золотые браслеты и серьги — в другом месте, хворост — там, шелковые ткани — совсем в противоположной стороне. К торговым рядам примыкали кварталы ремесленников, производивших именно тот товар, который продавался на этом базаре. Над пересечением базарных улиц строили особые торговые купола — подобие старинных пассажей.

Базарный купол Таки-Заргаран облюбовали ювелиры. Здесь, можно было заказать массивный серебряный перстень, филигранный ковчезек-тумар, в который закладывалось изречение из Корана, серьги с подвесками из кораллов, украшенное бирюзой ожерелье. Здесь еще и теперь есть лавочка старика ювелира, где, порывшись среди поломанной чешской бижутерии, можно раскопать прозрачный камень с арабской гравировкой или старую серебряную монету. Мне повезло, я нашел темный и округлый камень «Зармуран» — глаз змеи, он, говорят, спасает от змеиного яда.

Под куполом Таки-Тильпак-фурушан продавали всевозможные тубетейки. Они лежали не только на прилавках, но гроздьями висели на железных крюках, вбитых прямо в стены. Здесь же можно было купить и чалму. Тюрбан мусульманина — это покров, в который завернут его после смерти. Короче, правоверный постоянно имел при себе свой саван, что напоминало ему о брэнно-

сти жизни. Чалма сворачивалась из ткани не менее семи аршин длиной, но были щеголи, которые носили на голове 28-ми и даже 42-аршинные отрезы. Дорогая, красиво свернутая чалма являлась предметом гордости хозяина.

Своеобразным бухарским Сити был третий из сохранившихся торговых куполов — Таки-Саррафон. Здесь сидели менялы, чаще всего индусы. Они без всяких затруднений меняли мексиканские серебряные доллары на индийские рупии, фунты стерлингов — на золотые турецкие лиры.

Еще совсем недавно, как сообщает очевидец, на базарах Бухары можно было купить все — от эффектных мальтийских шалей, тканной золотом индийской кисеи, иранских бронзовых чаш и тончайшей фарфоровой посуды до тяжелых мечей крестоносцев с серебряными латинскими девизами у гарды: «Сегодня я дал, завтра получил. От Рождества Христова 1405 год», или «Помни о смерти. От Рождества Христова 1376 год».

Эти колоритные воспоминания принадлежат профессору А. Семенову, и я с удовольствием обращаюсь к ним еще раз: «Жизнь в столице ханства начиналась рано. В летнее время часов в пять утра начинали торговлю огромные бухарские базары и городские ворота уже были открыты. Людской поток широкими волнами заливал все улицы, и потому теснота и давка на них были столь велики, что двигаться вперед удавалось лишь с превеликим трудом. Когда позади или впереди показывалась арба со своими огромными колесами и загораживала улицу, ехал всадник или кавалькада их, то все стремительно кидались в узкие закоулки, жались к стенам, вспрыгивали на прилавки лавок и старались поскорее избавиться от неожиданной помехи. И кого только не встречалось в этом густом человеческом море! Были тут, помимо бухарцев в их ослепительно белых чалмах и живописных шелковых и полушелковых халатах, рослые патаны в широчайших белых «сасанидских» шароварах, в белых длинных рубахах под черными короткими куртками; туркмены в высоких папахах с заткнутыми за пояс «бейбулами» и в красных с черной полоской халатах; длинноносые китайцы в широких кафтанах и юбках, обутые в туфли с толстой мягкой подошвой; арабы в белых или темных бурнусах с характерными чалмами, свернутыми из довольно толстых жгутов, обмотанных шнурами; щеголеватые индийские парсы в шитых золотом туфлях с загнутыми носками, и многие, многие другие».

Теперь торговая жизнь, естественно, переместилась в магазины. Но и сейчас еще бухарские базары представляют красочное зрели-

ще. Здесь можно отыскать и старую книгу, и тканый палас, сделанный безымянной мастерицей из далекого кишлака, и удивительно изящную тюбетейку. Зеленые базары хороши осенью, когда всюду лежат груды дымчатого от сладкого сока винограда, сиреневые от выступившей соли сушеные косточки урюка, лоснятся мастерски разложенные на краю бочки соленые огурцы и помидоры. А над всем этим великолепием витает прятный дух шашлыка и жареной рыбы, плывущий от жаровен и больших котлов с раскаленным и вспенившимся жиром.

Бухара далеко славилась своими ремесленными изделиями. Еще Наршахи писал: «В Бухаре, между крепостью и городом, возле соборной мечети, была большая мастерская, где ткали ковры, занавесы, подушки, подстилки для молитвы (джай-намаз) й ткани для покрывания полов во дворце халифа. Все эти ткани выделялись такого высокого достоинства, что за одну занавесь можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал отдельный сборщик податей и все подати Бухары получал сотканными там одеждями.

...Не было царя, амира, раиса, чиновника, который не носил бы одежды из этой материи. Материи выделялись красного, белого и зеленого цветов».

Ткачество было одним из старейших бухарских промыслов. Предполагают, что Туркестан (Средняя Азия в целом) был родиной шелковичного червя, что шелк вывозили отсюда даже в Иран. Несомненно, что творчество среднеазиатских ремесленников оказало широкое влияние на искусство многих стран, так или иначе на исторических дорогах сталкивавшихся с самобытным их мастерством.

Бухарские ремесленники объединялись в корпорации. Официально в городе было тридцать два ремесленных цеха. Ремесленник был уважаемым человеком. Почтение к ремеслу поддерживалось рядом верований. Считалось, что ремесла ниспослал людям аллах через архангела Гавриила (Джабраила по-местному). Это верование, с одной стороны, мешало проникновению в ремесла новых веяний, так как признавалось недопустимым малейшее нарушение «богом данных» приемов работы, но, с другой стороны, в этих часто застывших и консервативных рамках приводило к высочайшему совершенствованию. Тем более, что существовало множество уловок, позволявших талантливому мастеру обходить традиционные установления.

Предание о происхождении того или иного ремесла было записано в особую книжку-ладонку «рисоля», имевшуюся у каждого

ремесленника. Рисоля содержала многие догмы ремесла и заповеди корпорации, в ней устанавливались взаимоотношения между мастером (усто), его помощниками и учениками. Ученичество продолжалось очень долго — десять-пятнадцать лет. Возведение в ранг мастера сопровождалось торжественным обрядом, когда устраивался многолюдный пир и произносилась «разрешительная молитва».

Каждое из ремесел имело своего «святого» покровителя. Так, патроном земледельцев был Адам, которому, как известно, бог повелел обрабатывать землю, уверенный, что он не найдет себе более интересных занятий. Правда, эту ошибку всевышний сделал еще до сотворения Евы.

Покровителем плотников был Ной, первым взявший в руки топор и соорудивший корабль, отличавшийся отменной прочностью. Чрезвычайно почитаемый в Бухаре шейх Бахауддин Накшбанди являлся покровителем многих ремесел, особенно связанных с нанесением узоров. Ходжа Бахауддин Накшбанди сам некогда был ткачом и изготовлял цветную шелковую материю с золотыми и серебряными нитями.

Орнаментальное искусство в Средней Азии достигло высокого совершенства. Этому в большой степени способствовало то, что ислам запрещал создание изображений. Хотя это запрещение и не содержится прямо в Коране, но в хадисах из того, что аллах в Коране назван «формовщиком», творцом, сделан вывод: творцы изображений являются дерзостными подражателями бога и заслуживают наказания.

Закон, созданный на основании подобного толкования, запрещает изображать живые существа, но не деревья и вещи. При этом некоторые законоведы разграничивали изображение животных на предметах, которые топчут и мнут (ковры, подушки), от сделанных на одежде: первые — допускались, вторые — нет. Так или иначе, но ограничение возможности изображать живые существа привело к повышенному увлечению орнаментикой и, естественно, особенному ее развитию в искусстве Востока.

Художники-орнаменталисты входили в корпорации почти всех ремесленных спецификаций. В строительном деле, например, мастером высшей квалификации считался «гачкор» — резчик по алебастру. Он обязан был знать досконально мастерство каменщика, но, кроме этого, еще технологию резьбы и уметь составлять оригинальный узор.

Из строителей-плотников выделялись особые мастера «дарсоз», умевшие делать и украшать резьбой двери, как известно, являв-

ишиеся важнейшей частью дома и почти единственным убранством монотонных азиатских улиц.

Бухарские мастера славятся умением обрабатывать медь. Еще и теперь, в совершенно определенных местах города, согласно традиции, размещаются лавки медников, из которых далеко несет характерный стук молотков. Медники выделывали, главным образом, посуду: кувшины-чайники (чойджуш), подносы — лаали, большие кувшины для хранения воды — хуми мис. Только очень хороший мастер умел выделывать разные предметы, обычно же он специализировался на чем-либо одном. Всего в Бухаре было около тысячи медников.

Медь употреблялась двух цветов: желтая — биринджи и красная — мис. Специальной обработкой добивались получения особенно красивого красного цвета. Готовое изделие проходило окончательную отделку у мастера-чеканщика. Камышовым пером (потом его заменил карандаш) на сосуд наносился рисунок, который прорабатывался затем небольшими долотцами — калам.

Бухарский чеканный узор на меди отличается особенной чистотой и усложненностью орнаментальных мотивов.

Если, бродя по городу, завернешь случайно за угол мечети Калян, то в ее стене натолкнешься на лавочку ювелиров. Это, пожалуй, все, что осталось от чрезвычайно развитого некогда в Бухаре ювелирного промысла. Мы не говорим, конечно, о государственном предприятии, где есть целый ювелирный цех. Речь здесь идет лишь о ремесленных традициях.

Торговые ряды ювелиров располагались в старину недалеко от медресе Улугбека. Ювелиры делились на мастеров по изготовлению колец, серег, ожерелий. Редкий мастер выполнял весь цикл работ. Старинные бухарские серьги состоят из тонкого круга сравнительно большого диаметра, к которому крепятся наборные подвески. Пышно выглядят налобные диадемы, составленные из нескольких подвижных пластин, изукрашенных эмалью и драгоценными камнями. Местный идеал красоты требовал серебряных или позолоченных бровей, плотно сведенных на переносице.

Ювелир располагал набором тончайших инструментов, небольшим горном и наковаленкой. Варьируя заранее заготовленные и часто передававшиеся по наследству от отца к сыну штампы «колиб», ювелир мог подобрать необходимый узор или создать новую, оригинальную комбинацию орнамента. Некоторые колибы были такими старыми, что в памяти терялось время их изготовления, и сами мастера думали, что они были завезены когда-то из Ирана. На самом же деле арабские завоеватели — об этом гово-

рится в ряде ранних источников — застали здесь развитое великолепное ювелирное мастерство, что еще раз подчеркивает самобытность местной культуры, несомненно, распространившей свое влияние и на пришельцев.

Старейшим промыслом, соединившим в себе искусство ювелиров и вышивальщиков, было знаменитое бухарское золотое шитье. Вероятно, с легкой руки своего патрона, который, как мы помним, также до того, как сделаться святым, промышлял золотошвейным ремеслом, шитьем серебряными и золотыми нитями были заняты мужчины.

Шелковая или бумажная нить плотно обматывалась тончайшей полоской золота или серебра. Нить затем пришивалась стежками обычно к цветному бархатному фону. Есть несколько форм шитья: «заминдузи» — сплошная, плоскостная зашивка и «гульдужи» — шитье по контуру рисунка. Элементы рисунка строго симметричны и чаще строятся по вертикальной оси. Около сорока различных швов знают бухарские золотошвеи.

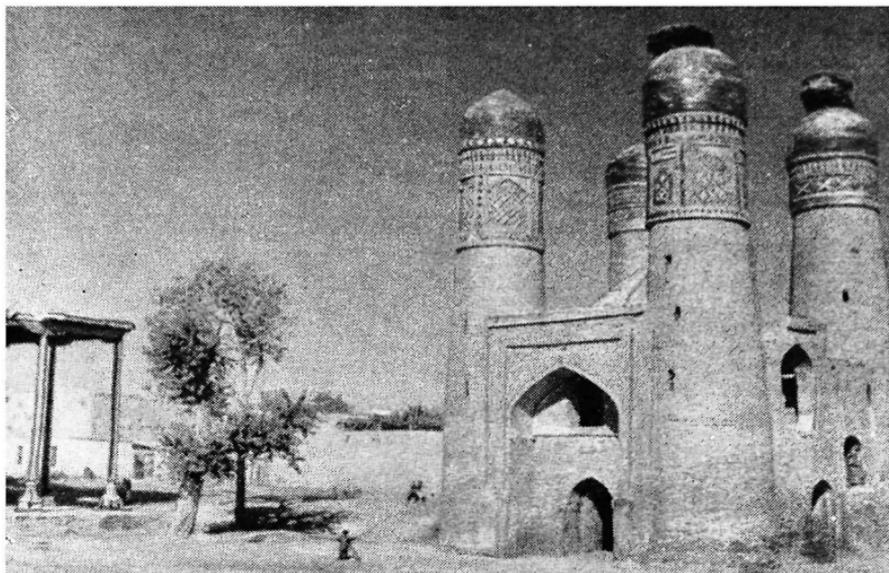
По просторному и светлому залу бухарской золотошвейной фабрики нас водил потомственный мастер Нурмат Султанов. За длинными столами сидели мастерицы, быстро зашивая сложный узор. На сильно натянутую ткань накладывался вырезанный из картона трафарет, который затем плотно покрывается золотой или серебряной нитью. Все время перекладывая палочку, на которой намотана сверкающая проволока, мастерица вертикальными ударами иглы прихватывает ее к основе узора. Нить прокладывается очень плотно (на сантиметр приходится 11—12 витков), и создается впечатление монолитной, блестящей поверхности.

Узоры традиционны, но делаются и удачные попытки изыскать новые мотивы. Красивый узор «Лола» создал Нурмат Султанов: округлы и приятны его петли. Здесь шитье сочетается с красной бархатной аппликацией. «Лола» — значит алый цветок мака.

Спрос на золотое шитье очень велик, и фабрика не успевает выполнять заказы. Какой уважающий себя жених да явится на свадьбу без золотой тюбетейки!

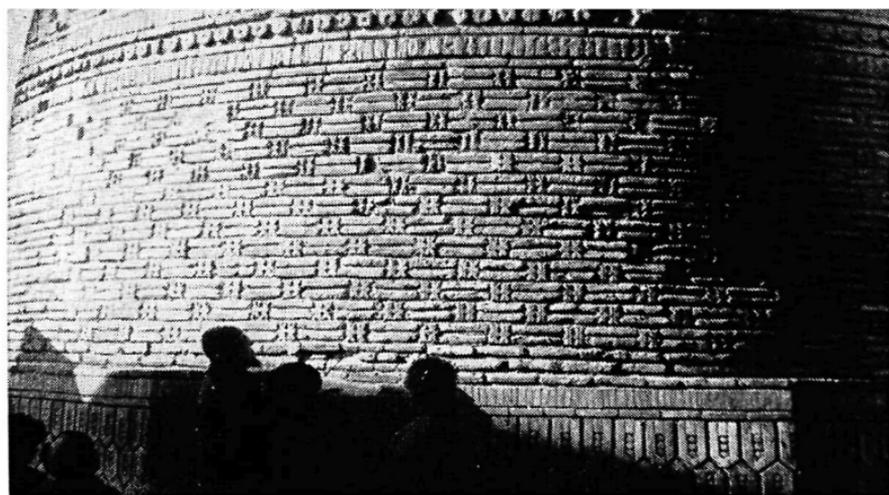
Развитию промышленной жизни и росту Бухары испокон веков мешало отсутствие воды. Помню, еще совсем недавно, всего несколько лет назад, в летние месяцы, когда совершенно необразимо палило солнце, иссякал городской водопровод, у раскаленных и почерневших уличных колонок выстраивалась многометровая очередь из ведер, хозяева которых, заняв место в надежде, что из крана когда-нибудь капнет, ушли по своим делам.

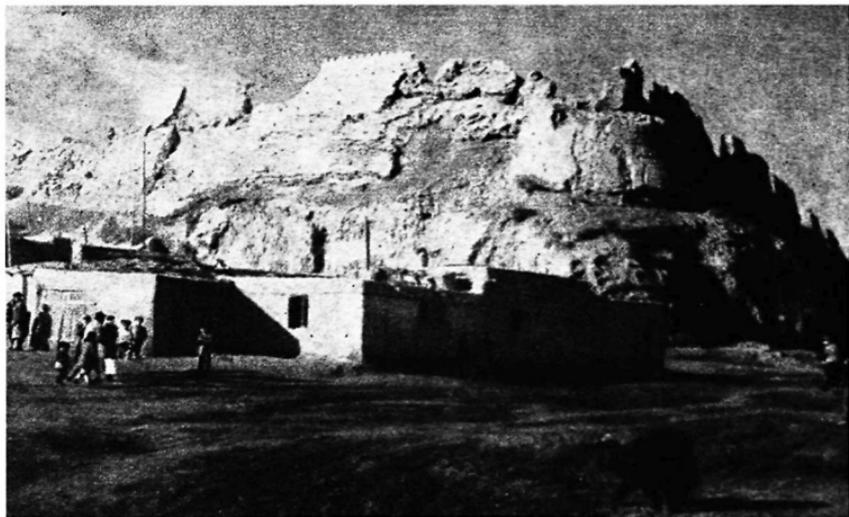
Когда смотришь на карту, где по желтому пятну пустыни вьется

Чор-минор.

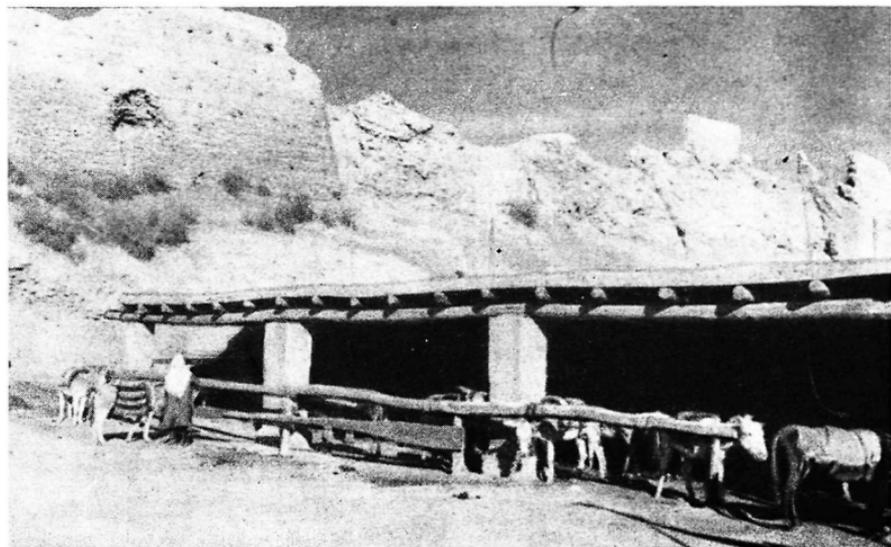
У подножя Башни смерти.

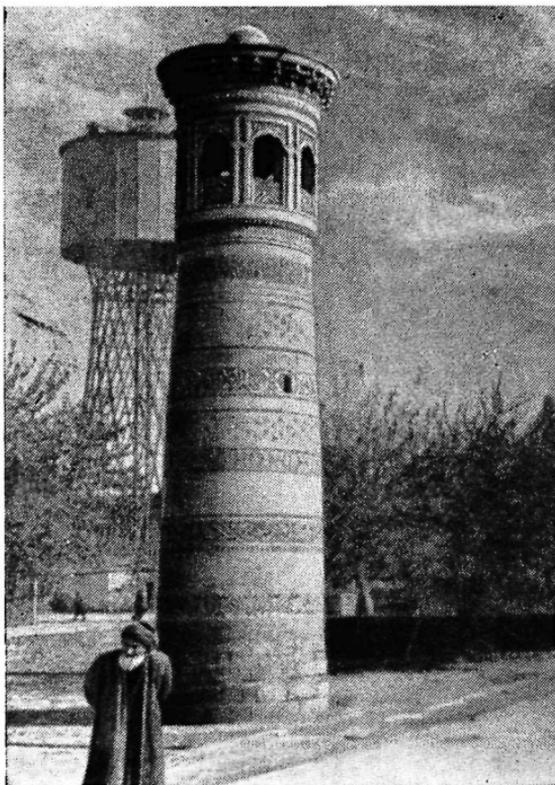

Старая крепость.

Ослиный гараж.

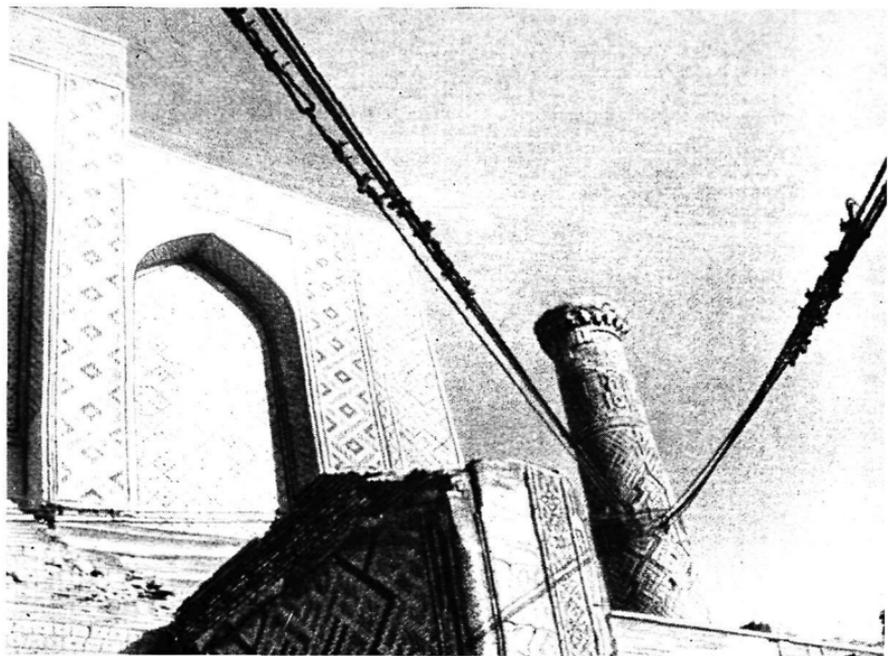
Две башни.

Золотошвей Нурмад Султанов.

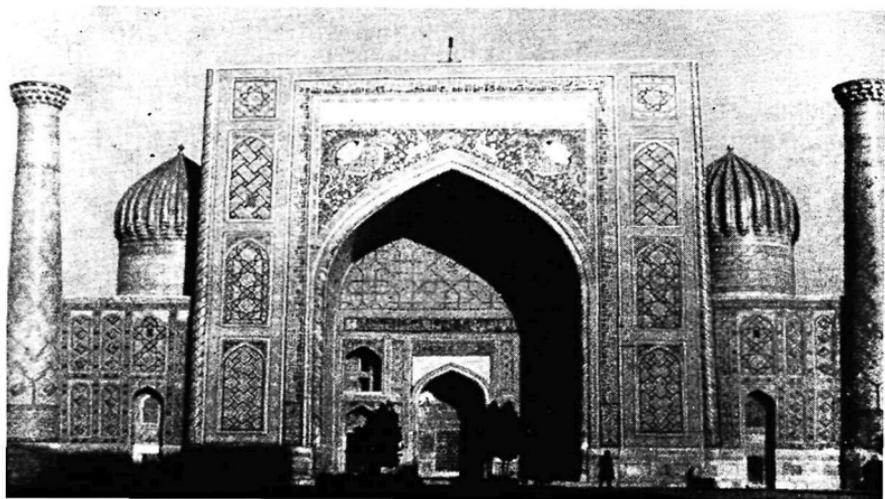
В новой мастерской.

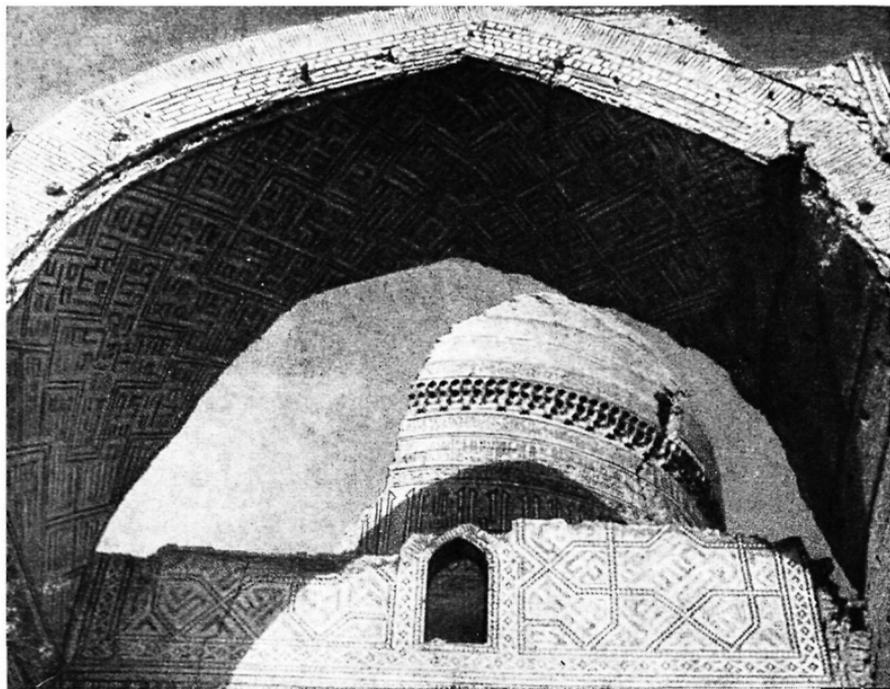

Падающий минарет.

Медресе Шир-дор.

Бибі-ханым.

Говорил Шериф-ад-дин-ал-Язди: «Если ты ищешь сравнения для арки её максуры, ничего нельзя сказать, кроме как млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался её парой. В каждой стене минарет вознес свою главу в сторону неба, и возглас «поистине дела наши указуют на нас», доходит до четырех стран света...»

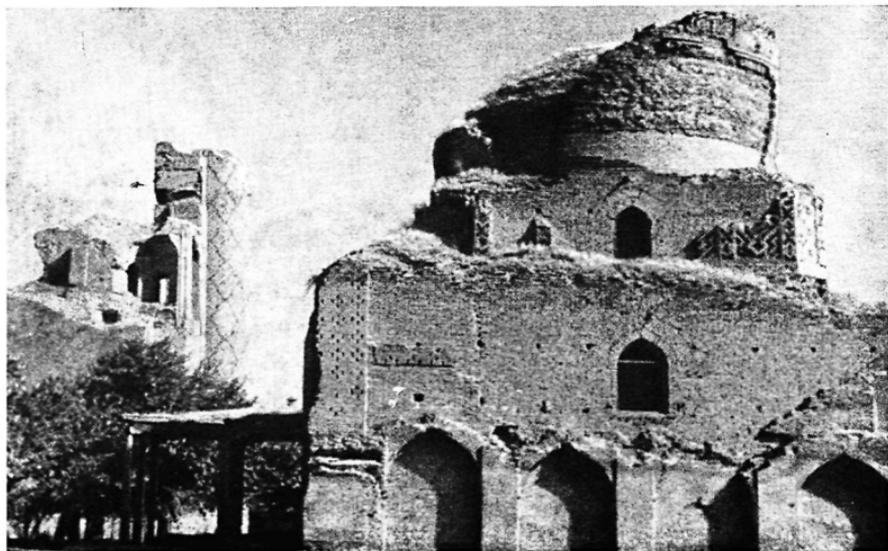
Нет сомнения, что любовная легенда, расцветшая на камнях дивной мечети и давшая ей имя Бибі-ханым имела основание. Красота рождает красоту. И не о мистическом мраке поют прекрасные стены, они славят радость жизни и любви, как делал это восторженный Хафиз, любимец Гёте и Пушкина:

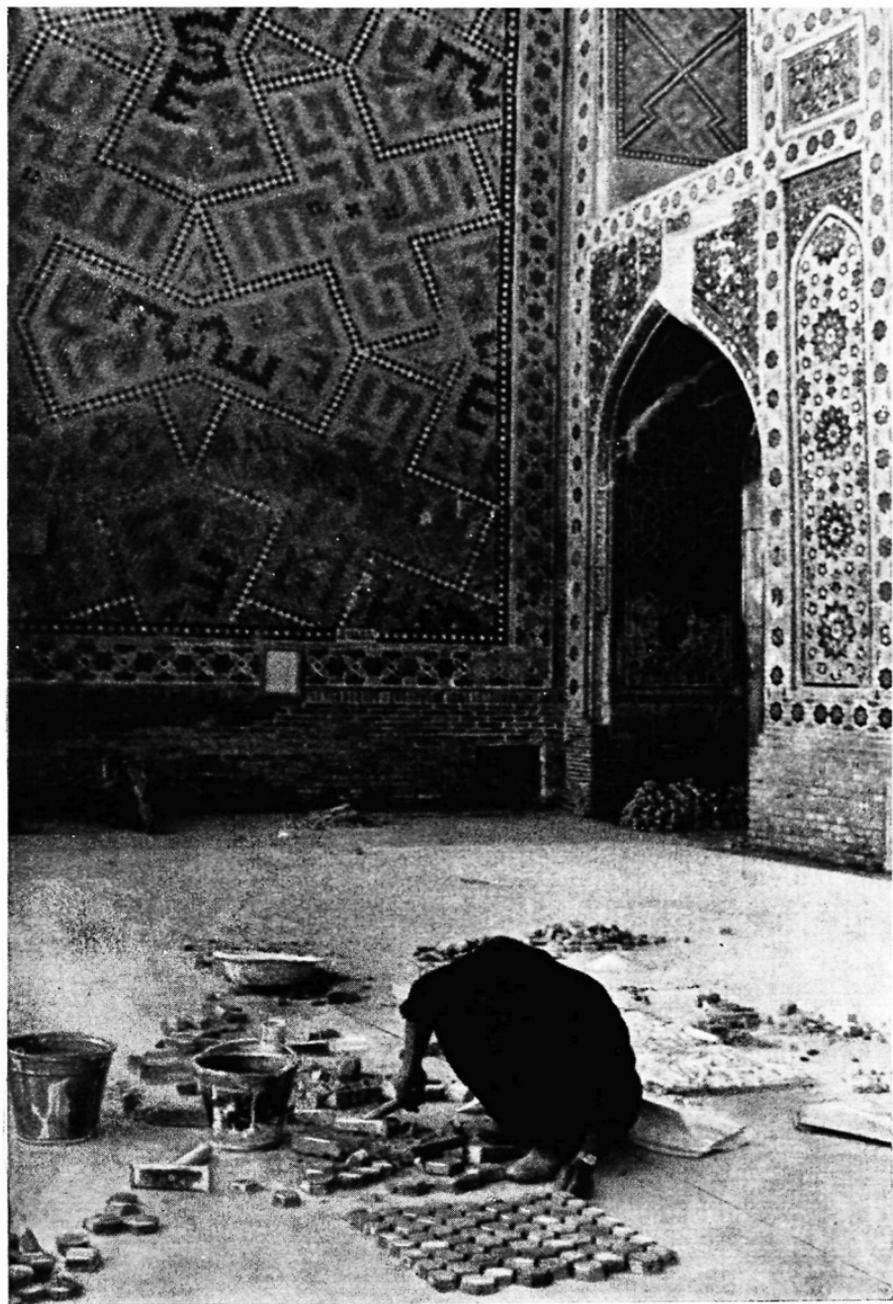
*Свершая утром намаз, я вспомнил дуги бровей —
И вопль восторга потряс михраб мечети моей.*

Ранней весной.

Руины мечети Биби-ханым.

Реставратор.

Зеравшан, он странно напоминает длинную змейку. Обычные реки, начинаясь тоненьким волоском, затем расширяются и, достигая самой шири возле устья, впадают в море, озеро или другую большую реку. Зеравшан выглядит непривычно: как и все реки, он начинается ниточкой, постепенно набухает, но вдруг начинает снова тоньшеть и совсем исчезает, растворившись среди пустынной желтизны. Реку всю выпивают по дороге, а последние капли засасывают жадные пески, и Зеравшан иссыкает, не дотянувшись до Аму-Дарьи всего на два-три десятка километров. Редко, только в годы особенного половодья обессилевшая река прорывается дальше, сливая, наконец, свои воды со стремительным потоком Аму.

Бухара всегда страдала от жажды. Когда по большому каналу в город приходила вода, она наполняла десятки прудов — хаузов, в которых на радостях купались все — и люди, и лошади, и собаки. Эту воду затем пили, в кожаных мешках ее разносили по домам крикливые водоносы.

Хауз был любимым местом, возле которого собирались обычно все обитатели гузара. В центре города, в его наиболее парадной части, являясь композиционной доминантой одного из главнейших бухарских ансамблей, поблескивает широкой гладью Ляби-хауз. И теперь, как когда-то, это самое оживленное место Бухары.

Наш старый друг Арминий Вамбери вспоминает: «Проходив около трех часов, я попросил моего вожатого и друга Хаджи-Сали проводить меня куда-нибудь, где бы можно было отдохнуть и освежиться. Он повел меня через чайный базар к знаменитому Ляби-Гауз-Диванбеги. Это самое прелестное место в Бухаре. Оно состоит из правильного квадрата с глубоким резервуаром в середине, в 100 футов длины и 80 ширины, края состоят из квадратных камней, с восемью ступенями, ведущими к поверхности воды. Квадрат обсажен кругом прекрасными вязами. В их тени — неизбежные чайные лавки и самовары, похожие на колоссальные пивные бочки. Самовары эти делаются в России специально для Бухары. Владельцы их очень обязательно приглашают на чашку зеленого чая. С остальных трех сторон хлеб, фрукты и разные варенья и другие кушанья, холодные и горячие, расставлены для продажи в тени циновок. Сотни лавок, импровизированных на этот случай, вокруг них толпы голодных, напоминающие жужжание пчел около ульев, представляли нам очень характерное зрелище. На четвертой стороне к западу, образующей род террасы, помещалась мечеть Маджида-Диванбеги. У ее входа тоже несколько деревьев, а под ними дервиши и медда (публичные тещы) рас-

сказывают в прозе и стихах, а актеры представляют героические подвиги знаменитых воинов и пророков; и никогда не ощущается недостатка в толпах любопытных слушателей и зрителей.

Когда я пришел сюда,— продолжает Вамбери,— как будто нарочно проходили недельной процессией дервиши ордена Накшбанди. Я никогда не забуду, как эти дикие фанатики в длинных, конических шапках, с развевающимися волосами и длинными палками, плясали, как сумасшедшие, распевая в то же время гимны, каждую строку которых сперва пел перед ними их седобородый предводитель».

Шумно и оживленно возле Ляби-хауза и сегодня. Здесь все так же можно выпить чайник огнедышащего зеленого чая и получить прямо с жаровни палочку сбрызнутого уксусом душистого кебаба. Разительно изменился только людской поток: много молодежи, студентов, строителей.

Примерно в ста километрах от Бухары были найдены гигантские залежи природного газа. Пустыня оказалась крышкой огромного котла, в котором бушевала накопленная миллионами лет энергия природы. Через пески строители тянули нити трубопроводов к стройкам Урала, к городам своей республики. И по всему их пути на заводах и фабриках, в квартирах новоселов вспыхивали голубые огоньки. Это было похоже на салют героям великой стройки.

Глухой и безводный край получил мощную базу, на которой в ближайшие годы разовьется промышленность. Бетонные остовы заводов уже высятся вдоль дорог вокруг Бухары. Но так же, как людям и полям, заводам нужна вода, много воды. Ее не привезешь в цистернах, как возят ее в Газли.

И тогда было решено повести воды Аму-Дарьи навстречу Зеравшану. Нужно было поднять реку на 48 метров и перебросить ее через Кызылкум. Вода уже идет навстречу воде. Там, где иссякает полноводный Зеравшан, работают те же люди, которые проявили героизм, борясь с обвалом, в его верховьях. Подвиг борьбы смыкается с подвигом созидания.

И скоро легенда свершится: Зеравшан дотянется, наконец, до Аму, и там, где сегодня еще пустыня, разольется широкое море. Сегодня бы сюда Филиппа Ефремова и Арминия Вамбери!

Поток новой жизни уже смыл черные призраки прошлого, но в его струях, как драгоценности, сверкают памятники искусства, в которых светится вечно прекрасная душа народа.

В склепе Тимура.— Дневник испанского посла.— Загородный дворец.— Пиршества.— Жены.— Шахи-Зинда.— Легенда о Биби-ханым.— «Могила эмира».— Секстант Улугбека.— Регистан.— Разгадка трагедии.

Склеп Тимура был вскрыт в июне 1941 года. Когда подняли тяжелую плиту из серого известняка, отделанную ониксом с тончайшей вязью посвячительной надписи, то вместо статуй воинов и вздыбившихся слонов, стерегущих балдахин, под которым покоится саркофаг из дымчатого стекла, вместо всего этого великолепия, сочиненного преданием, в склепе под синим покрывалом с серебряным узором оказался простой деревянный гроб из арчи, скрепленный по углам массивными железными гвоздями.

Из открытой гробницы хлынул опьяняющий аромат розы, ладана и камфары. Он был так силен и резок, что пришлось прервать работу, и еще несколько недель под куполом стоял смолистый, волнующий запах.

Тимур лежал на спине со сложенными на груди руками. Его голова была повернута лицом в сторону Мекки. То был властелин мира, перед силой и жестокостью которого содрогались царства и народы.

Что мы знали о нем, о легендарном Тимуре, Тамерлане, Железном Хромце русских летописей? Много и ничего. Много о походах, о

городе, ставшем его столицей, и ничего о нем самом, о его внешности. Современники не оставили нам ее описания. Не было, разумеется, и достоверных изображений. Все, что по крупницам собрали ученые, было приблизительным. Крупнейшие авторитеты признавали положение безнадежным.

И вот теперь на дне гроба лежал сам Тимур.

Это он: правая рука его была изувечена, и на ней был обрублен указательный палец. Еще молодым Тимур был ранен в бою, и рука перестала сгибаться в локте, но хватка ее оставалась железной. Тогда же он повредил и правую ногу, всегда причинявшую ему сильную боль. Нога была немного согнута — жизнь Тимура протекала в походном седле, он был полководцем и воином.

С десяти лет он закалял себя войной и охотой. А потом, став главарем шайки грабителей и разбойников, Тимур устрашал округу дерзостью и беспощадностью своих налетов. Для монгола он был высок ростом, широкоплеч и сухощав. Отличался храбростью и находчивостью в бою.

Нужно было сделать самое главное: по черепу и остаткам волос восстановить лицо властелина. Оригинальную методику восстановления лица по черепу разработал М. М. Герасимов. Строго изучив взаимосвязь костей черепа с лицевыми мускулами и мягкими тканями, он достигает потрясающих результатов при восстановлении внешнего облика давно истлевших людей. Достижения Герасимова неоднократно проверялись контрольными опытами, поставленными на криминалистическом материале.

Постепенно, наслаивая один мускул за другим, ученый, словно обратным ходом времени, проявлял исчезнувший облик Тамерлана. Выявлялось крупное лицо с выдающимися скулами, широким ртом и слегка вывернутыми крыльями короткого носа. Небольшая рыжеватая борода, вскинутые брови, длинные, лежащие на щеках усы. Лицо, полное энергии и силы.

Точность была поразительной. Мусульманский закон требовал, чтобы усы над верхней губой были высоко подбриты. На это указали Герасимову, но он, опираясь на тщательный анализ, упорствовал в своем варианте. И только позже удалось установить, что шариат разрешал людям военного сословия носить длинные усы. А Тимур и был прежде всего воином, а уж потом эмиром, гербом которому служили три соединенных вершинами овала, что означало власть над тремя частями света.

Когда работы по восстановлению облика Тимура были завершены, останки великого человека в присутствии правительственной комиссии были снова опущены в склеп. А рядом с останками Тимура

поставили мраморную урну, в которой была замурована запаянная ампула с актом о произведенном вскрытии. Три экземпляра акта были написаны китайской тушью на самаркандской бумаге XVII века, на бухарской — XVIII и на кокандской — XIX века. Им предстоит пролежать века.

Это происходило двадцатого декабря трудного 1942 года. Гитлеровские войска нависли над Волгой, и вся западная пропаганда кричала о последних днях России, о разгроме, о конце. А мы, уверенные в победе в те действительно тяжкие для страны дни, заботились о вековой культуре народа и обращались со словом науки к грядущим тысячелетиям.

И мы были правы: всего через три недели у стен бессмертного Сталинграда началось наступление, повернувшее ход истории.

Для того, кто приезжает сегодня в Самарканд, в этот чистый, зеленый и цветущий город, призрачными кажутся старые предания и исторические свидетельства. Их хранят только древние руины, лазоревые стены величавых зданий да покачнувшиеся башни минаретов. Но все здесь, в этом славном городе, говорит о деяниях Тимура, о его великой славе.

Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо оставил нам дневник своего путешествия ко двору Тимура, совершенного более пятисот лет назад, в 1403 году. Этот дневник изобилует точнейшими наблюдениями очевидца, помогающими нам воскресить образы той далекой и блестящей эпохи.

Во времена Тимура Самарканд был окружен, как и теперь, садами. Сады были так велики, что, по преданию, заблудившуюся в чаще одного из них лошадь смогли отыскать только через полгода. Это, конечно, преувеличение, но преувеличение колоритное. Тимур редко жил в самом городе. Обычно он кочевал со всем своим обширным и многолюдным двором из сада в сад, где в роскошных дворцах и шатрах устраивались пиршества и торжественные приемы послов.

Изучена планировка этих изобилующих водой и плодовыми деревьями садов, представляющих вершину паркового искусства. Но вот что рассказывает очевидец: «В следующий понедельник.. царь отправился из этого дома с садом в другой, который был чрезвычайно красив. У этого сада были высокие и красивые ворота, сделанные из кирпича и отделанные изразцами, лазурью и золотом на разные лады. В этот день царь приказал устроить большой праздник и пригласить посланников, много мужчин и женщин, его родственников и других гостей. Этот сад очень велик; в нем было много деревьев, и плодовых, и других, которые дают тень; в нем были

дорожки и ходы, окруженные забором, по которым ходили люди.

В саду было раскинуто много палаток и навесов из цветных ковров и других из разноцветных шелковых тканей, вышитых вставленными кусками и другим, обыкновенным способом. Посреди сада стоял очень красивый дом, построенный крестообразно и украшенный богатыми занавесями. В самом доме было три точно алькова, чтобы поставить постели или возвышения, и пол, и стены были покрыты изразцами; как входишь прямо, был самый большой из этих альковов, и в нем стоял серебряный позолоченный стол высотой в человеческий рост, а шириною локтя три; перед ним стояла постель из маленьких матрасов из камокана и из других шелковых тканей, вышитых золотом, положенных один на другой на полу; тут сидел царь; стены были убраны занавесями из шелковой ткани розового цвета. Эти занавеси были отделаны серебряными позолоченными бляхами с изумрудами, жемчугом и другими камнями, очень хорошо вставленными. Сверху их висели вниз куски шелковой ткани шириною в пальмо, доходившие донизу и отделанные так же, как и занавеси; а от этих кусков висели шелковые разноцветные кисти, и когда их касался ветер, они качались в разные стороны, что было очень красиво. Перед дверью в этот альков, которая была в форме арки, была такая же занавесь, так же отделанная, висевшая на палках вроде копий, а от них висели шелковые шнуры с большими кистями, которые доходили до земли. Другие альковы были убраны другими подобными занавесями, а на полу были ковры и рогожки.

Посреди этого дома перед дверью стояли два золотых стола, каждый на четырех ножках; и столы и ножки составляли одно целое; они были длиною каждый пальмов в пять, а шириною пальма в три; на них стояло семь золотых кувшинов, два отделаны крупным жемчугом, изумрудами и бирюзою, которые были вправлены в них с внешней стороны, и у каждого из них возле отверстия был рубин. Кроме того, было шесть круглых золотых чашек; одна из них была отделана с внутренней стороны крупным круглым и светлым жемчугом, а посредине был вправлен рубин, шириною в два пальца...»

В одном из таких загородных дворцов и увидел впервые великого Тимура испанский посол: «Он сидел на возвышении, поставленном на землю, и перед ним был фонтан, который бил вверх, а в фонтане прыгали красные яблочки. Царь сидел на маленьком матрасе из вышитой шелковой материи, а локтем опирался на круглую подушку. На нем была надета одежда из шелковой материи, гладкой без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями». И все, ни слова больше

о внешности Тимура, кроме того, что он был уже стар и плохо видел.

Тимур был личностью незаурядной. До конца своих дней он оставался неграмотным, и во дворце была введена особая должность «чтеца рассказов», которому часто внимал эмир. Но при этом Тимур прекрасно знал историю, немного медицину и астрономию. Он мог на персидском языке вести долгие беседы с учеными. Он был знатоком вероучения и принимал участие в тонких религиозных диспутах. Он достиг редкого искусства в замысловатой шахматной игре.

Пребывание испанских послов в Самарканде сопровождалось почти непрерывными пиршествами, красочное описание которых занимает большую часть дневника де Клавихо. «Когда посадили в порядке посланников и многих других посланников, которые приехали туда из разных стран, и много других людей, подали баранину вареную, соленую и жареную и, кроме того, жареную конину. Эту конину и баранину, когда приносили, клали на большие круглые золоченые кожи с ручками, за которые их собирали, чтоб уносить. Когда царь потребовал мяса, слуги, которых было много, потащили эти кожи к нему, потому что нести их нельзя было, и на них было наложено столько мяса, что они совершенно разрывались. Когда они были шагах в двадцати от царя, явились резатели, чтобы разрезать мясо, и стали на колени перед кожами; на них были надеты передники, а на руках кожаные рукава, чтоб не запачкаться. Они взяли мясо и начали резать его на куски и класть в чашки золотые, серебряные и даже муравленые, и еще в другие, которые называются фарфоровыми и очень ценятся и дорого стоят. Самое почетное блюдо, что они приготовили, были целые лошадиные окорока от спины, но без ног; их они наложили на десять золотых и серебряных блюд; туда же положили бараньи окорока с верхними частями ноги, но без икр; в эти же блюда положили круглые куски лошадиных почек величиною в кулак и целые бараньи головы; потом таким же образом приготовили много других блюд, и когда сделали столько, что было довольно, поставили их рядами одни перед другими. Тогда пришли люди с чашками бульону, положили в него соли и дали ей распуститься, а потом налили его немного на каждое блюдо как соус; затем взяли тонкие хлебные лепешки и, сложивши вчетверо, положили сверх мяса на этих блюдах.

Когда это было сделано, мирассы и приближенные царя и другие знатные люди, которые там были, взяли эти блюда по двое и по трое, потому что один человек не мог бы их снести, и поставили их перед царем, перед посланниками и рыцарями, которые там были, а царь прислал посланникам два блюда из тех, что были поставле-

ны перед ним, чтоб сделать им честь. Только что подали это мясо, сейчас же его приняли и подали другое. У них есть обычай, чтоб мясо, которое тут им подают, отсылать к ним домой и, если это не сделать, то это считается большим оскорблением; этого мяса принесли столько, что на удивленье...

Когда вареное и жареное было убрано, подали много соленой баранины и сосисок и других блюд, приготовленных разным образом. После того подали много плодов, дынь, винограду и персиков; и дали пить из золотых и серебряных кринок и кувшинов кобылье молоко с сахаром, очень вкусное питье, которое они готовят на летнее время.

По окончании пира перед царем прошли люди, державшие в руках подарки, которые ему прислал король, и также подарки, присланные Вавилонским султаном; кроме того, провели перед царем почти триста лошадей, которых он получил в тот день в подарок. Когда это было кончено, посланников подняли и увели...» Еще нужно было умудриться поднять человека после такого пира!

Обилие мяса на пиршественном столе, жареная конина, кумыс и то, что лучшим и любимым даром считались лошади,— все это черты кочевого монгольского быта. Их много осталось в жизни Тимура, и главным образом то, что, привыкнув к походной жизни, он предпочитал дворцовым покоем свободно раскинутый стан. Это был целый город из шатров и палаток, который раскидывался неподалеку от Самарканда, на цветущем лугу, возле воды. Несколько десятков тысяч шатров выстраивалось правильными улицами, ремесленники и торговцы раскидывали свои палатки, здесь в круглых тандырах пекли хлеб, и кондитеры бесконечно раскатывали свою халву, непрерывно складывая ее в кольца, чтоб слои получились, как паутинка.

Посреди стана возвышался шатер Тимура. Он был сделан из цветных шелковых тканей, поднятых на толстые столбы высотой в три копья.

Шатер, наподобие замка, окружала зубчатая стена, сооруженная так же из натянутых шелков и ковров. От солнца защищали передвижные длинные и широкие навесы тоже из шелка, подбитого хлопчатой бумагой. Наверху шатра, на столбах сияли золоченые яблоки и серебряные луны. А на самой вершине искусно сделанный орел распростер крылья, собираясь напасть на соколов, сидящих по углам кровли.

Шатер эмира окружали столь же пышные шатры его жен. Жены Тимура сопровождали его в многолетних походах, они участвовали в пирах, сами устраивали приемы почетных гостей и послов. «Когда

весь народ был в порядке на своих местах, — описывает де Клавихо выход и наряд главной жены Тимура, — из одной из оград, стоявших около павильона, вышла Каньо, старшая жена царя, которая должна была прийти в праздник к царю. Она пришла одетая таким образом: на ней было платье из красной шелковой ткани, вышитой золотом, широкое и длинное, волочившееся по земле... и подол его несли около пятнадцати женщин, поднимая его кверху для того, чтоб она могла идти. У нее на лице было столько белил и чего-то другого белого, что оно казалось точно бумажное; это накладывалось против солнца, и когда отправляются в путь зимой или летом, все женщины, что познатнее, едут с такими лицами. Лицо на ней было завешено тонкою белою тканью; а на голове точно шлем из красной ткани, похожий на те, в которых сражаются...» Изукрашенный драгоценностями убор царицы поддерживало несколько женщин из ее трехсотенной свиты.

Подобное великолепие убранства и нарядов было возможно лишь при весьма высоком уровне ремесел. Тимур всячески заботился о развитии ремесла, собирая в Самарканде мастеров со всех земель и сопредельных стран. Он привозил ткачей, оружейников, каменщиков, стеклодувов и керамистов, золотых дел мастеров. Их руками создавались все эти цветистые шелка и шитый золотом бархат, они гранили драгоценные камни, выдували кубки и в больших печах обжигали муравленые блюда для пышных пиров эмира.

Высоко было искусство мастеров: «Перед этим блюдом или столиком стояло золотое дерево, сделанное наподобие дуба; ствол его был толщиной в человеческую ногу; на нем было много ветвей, с листьями, как у дуба, которые выходили из него и расходились в разные стороны; вышиною оно было в рост человека и росло над блюдом, которое стояло подле него, а плоды его были из желтых рубинов, изумрудов, бирюзы, красных рубинов, сапфиров и удивительно красивых жемчужин, ясных и круглых, отборных; эти камни были вделаны в дерево в разных местах. Кроме того, на этом дереве было много маленьких золотых птичек, отделанных разноцветной эмалью; некоторые сидели на дереве, некоторые с распушенными крыльями, некоторые сидели на листьях так, как будто сейчас готовы были упасть, иные точно ели плоды этого дерева и держали в клювах рубины, бирюзу и другие камни и жемчуг...»

Велико было искусство ювелиров, но ему не уступало мастерство мозаичистов, украшавших стены драгоценными коврами наборной цветной мозаики.

На склоне Афроснаба (холма, где некогда было ядро древнего города), как голубое ожерелье, протянулась вереница памятников

Шахи-Зинда, каждый из которых напоминает резную узорчатую игрушку.

Пройдя через входную арку, ты начинаешь подниматься в гору, минуя первую группу зданий, выходящих открытыми портиками в сторону узкого прохода. Затем идет довольно крутая и длинная лестница. Раньше ее покрывали мраморные ступени, теперь же осталась лишь кирпичная основа, производящая, если смотреть снизу, причудливое впечатление.

Тесно столпившиеся мавзолеи средней группы, их рубчатые и граненые порталы, поднятые на высокие постаменты, сплошь покрытые нежнейшим и сверкающим узором, представляют восхитительное зрелище. Разновременные строения гармонично переплетаются в живую и подвижную композицию, легко и прихотливо изменяющую свои очертания, стоит лишь чуть сдвинуться с места. Сравнительно небольшие размеры мавзолеев делают их соразмерными человеку, легко обозримыми, несмотря на сложность форм, их составляющих. Прямоугольники, сфероиды, плоскости, углы и полукружия, свободно громоздясь, вдруг складываются в простую и ясную конструкцию.

Но самое удивительное — это изразцовая декорировка стен мавзолеев. Изразцы положены в разных плоскостях. Прямолинейность здесь сочетается с округлостью, просторные полотнища стен — со взлетами острых стрельчатых арок. Поверх всего этого словно наброшен лазоревый плат, играющий каждой складкой, каждым своим изгибом. Стоит блеснуть солнцу или набежать прозрачному облачку, и плывущие тени мгновенно меняют музыку волшебных сочетаний.

По голубому и синему фону бежит, переплетаясь, живой узор: вытянутые стебли и листья белых, зеленых и желтых цветов. Блеск разноцветной глазури оттенялся когда-то ударами красного. Растительный орнамент перемежается с геометрической строгостью и плавной вязью восточных надписей.

Не верится, что каждая пядь набрана из мельчайших распилов покрытого глазурью изразца, так тонко подогнанных, что не видно стыков, и даже если провести ладонью по стене, почувствуешь только зеркальную гладь, прохладную на рассвете и брызжущую синим огнем в полуденный час.

Сверкающие мавзолеи, в которых и Тимур, и его наследники хоронили своих близких и приближенных, с двух сторон обступают дорогу, ведущую к главной святыне — мазару Кусамы ибн-Аббаса, стоящему на вершине холма. Издавна в этом месте совершались ритуальные шествия, строго регламентированные вековой традицией. Каждый шаг, приближающий к святыне, каждая пройденная сту-

пень близили фанатичных паломников к совершенству и очищению.

Шахи-Зинда значит «Живой царь». По преданию, двоюродный брат пророка Кусам ибн-Аббас, насаждавший ислам среди неверных, в бою буквально потерял голову, но остался жив, скрывшись до времени в колодце. По другому варианту легенды, проповедник, окончив проповедь, таким цирковым манером снял собственную голову с плеч и на глазах изумленной публики ушел в пещеру, где живехонький благополучно и пребывает до сих пор.

Так или иначе, но расчетливому Тимуру было выгодно иметь в своей столице прославленную святыню, если и не могущую соперничать со святынями Мекки, то, во всяком случае, привлекающую сюда тысячи и тысячи паломников. Поэтому он особенно ратовал за украшение мазара Шахи-Зинда.

Над существующей или мнимой могилой святого возведен мавзолей, попасть в который до недавнего времени было совершенно невозможно. Избранным разрешалось лишь заглянуть через особое окошечко внутрь, где, укрытое шитым покровом, возвышалось в полумраке трехступенчатое надгробие, украшенное изразцами фантастической красоты.

Вокруг мазара Кусамы ибн-Аббаса за много веков нагромодились могилы всех тех, кто искал покровительства влиятельного человека перед, как ни крутись, но неизбежным судом аллаха. По сути ансамбль Шахи-Зинда стал центром обширного кладбища.

Но когда ходишь среди его сверкающих голубым и синим стен, по которым, обгоняя солнечных зайчиков, мечутся желтые и фиолетовые искры мозаик, начисто забываешь печальную суть этих сооружений и легенды, присочиненные ловкачами-шейхами. Столько грациозной нежности и радостной творческой силы в этих истинных созданиях рук человеческих, что хочется обернуться и крикнуть в сторону старого мазара словами Хафиза, современника Тимура:

Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!

Ах, что мне святости твои и твой скелет!

Тимур стремился сделать Самарканд столицей мира, о власти над которым мечтал завоевать. Ему приписывают изречение, что мир слишком мал для того, чтобы иметь двух властелинов. Всячески возвеличивая свою столицу, Тамерлан даже окрестные селения называл именами крупнейших городов мира: тут были и Каир, и Дамаск, и Багдад.

Не считаясь ни с чем, деспот украшал и благоустроивал империю. Через Самарканд проходили далекие караванные пути, и Тимур создал на своей земле целую систему караван-сараев, где,

между прочим, всегда наготове стояли сотни лошадей, предназначенных для гонцов эмира. Увидев, что в Самарканде нет достойного базара для ширящейся торговли, «царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начинаться в одном конце города и, проходя сквозь весь город, доходить до другого конца. Эту работу царь поручил двум своим мирассам, давши им знать, что если они не приложат к ней всего старания, заставляя работать и день и ночь, то заплатят головой...»

Улицу провели очень широкую, и по обеим сторонам поставили палатки, перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали в них разные вещи. В некоторых расстояниях на улице были устроены водоемы. Народ, работавший здесь, получал плату от города; и работников являлось сколько бы ни потребовали те, которые заведовали этим делом. Работавшие днем уходили, когда наступала ночь, и приходили другие работать ночью. Одни ломали дома, другие уравнивали землю, третьи строили, и все они до того шумели день и ночь, что казалось, точно тут черти. Прежде чем прошло двадцать дней, было сделано столько, что удивительно», — пишет с восхищением де Клавихо, наблюдавший ход работ.

Вернувшись из победоносного индийского похода, Тимур в 1399 году предпринял строительство соборной мечети для свершения пятничного намаза. Это грандиозное здание по замыслу должно было превзойти все сооружения мусульманского Востока, утвердить и восславить в веках имя миродержца Тимура Гурагана.

Когда сейчас идешь в город по шоссе, спускающемуся со склона Афросиаба, а потом, оставляя слева бирюзовые купола Шахи-Зинды, начинаешь снова подниматься в гору, над тобой гигантским силуэтом вырастают обломки мечети, которой народная молва присвоила имя Биби-ханым. Даже современному глазу, избалованному высотой стальных шпилей и невесомостью железобетонных пролетов, руины мечети кажутся грандиозными.

А некогда, когда через Железные ворота мусульманин входил в город и за пестротой толпы и сумятицей каркасных мазанок перед ним и над ним вырастали сверкающие стены, купола и граненые минареты громадной мечети, восхищению его не было предела. И где бы в городе ни находился правоверный — на базаре ли, в караван-сараях ли после дневных трудов, перед ним стояла огромная

мечеть, славя небесную власть аллаха и земную, пожалуй, более ошутимую силу султана./

Итак: «В воскресенье — 4 числа месяца рамадана 801 г. (1399 год нашего летоисчисления), когда луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника солнца и соединилась с шестиугольником планеты Венеры, искусные инженеры и опытные мастера в час, счастливый и предсказанный по звездам, положили основание постройке. Исполнители работ и проворнорукие мастера, каждый из которых был лучшим в стране и единственным в государстве, обнаружили высокие свойства ловкости и умения в укреплении устоев и возведении фундамента. Двести человек каменотесов из Азербайджана, Фарса, Индостана и других стран работали в самой мечети и 500 человек в горах упорно трудились над обтесыванием камня и отправкой его в город. Артели мастеров и ремесленников, собравшись со всех концов мира к подножию трона, прилагали каждый насколько мог в своей области тщательное старание. Для сосредоточения материалов 95 гороподобных слонов доставлены были из стран Индии в Самарканд и пущены в дело. С помощью телег, запряженных волами, и большого числа людей волокли они огромные камни».

Для ускорения работ Тимур поручил надзор над отдельными участками строительства разным царевичам и эмирам, старавшимся расторопностью проявить свое усердие. Портальную арку, основное здание мечети, стены и аркады строили артели мастеров, которых направлял главный строитель, имевший объемную модель сооружения. Об этом рассказывают старые миниатюры.

Всего несколько месяцев следил Тимур за строительством мечети, но вскоре он на целые годы был отвлечен новым военным походом — на этот раз в Египет.

Строительство продолжалось без него. Об этом-то периоде народная фантазия и создала несколько красивых легенд. Рассказывали, что жена эмира красавица Биби-ханым задумала к возвращению мужа выстроить ему в подарок мечеть, которой не видывал свет. Она призвала строителей и, чтобы воодушевить их, показала им груды драгоценностей. Работа закипела. Уже вонзились в небо минареты, вокруг просторного двора вырос лес беломраморных колонн, и голубой купол соперничал с небесным сводом. Оставалось только замкнуть высокую арку портала. Но молодой архитектор медлил, ибо он любил Биби-ханым, а окончание строительства неизбежно означало вечную разлуку с нею. А царь между тем уже близился к Самарканду и в нетерпении своем слал гонцов. Биби-ханым умоляла строителя продвинуть работы, но тот потребовал

невиданную по дерзости награду — права поцеловать царицу. Расудительная Биби-ханым, сопротивляясь, убеждала его, что женщины все одинаковы, как раскрашенные яйца. В доказательство чего наблюдательная царица послала влюбленному упрямцу целое блюдо разноцветных яиц, советуя очистить их и сравнить, а убедившись, уgomониться и поцеловать любую придворную красавицу. Ничто не помогало! И царице пришлось уступить, подставив прелестную щечку. В решительный миг она успела, правда, заслониться рукой (по другим сведениям — подушкой), но жар поцелуя был так силен, что прожег все преграды и оставил пятнышко на розовом лице Биби-ханым. Его-то, вдоволь полюбовавшись новой мечетью, тотчас и заметил вернувшийся повелитель. Кинулись ловить искусителя, а тот, оказалось, сделал крылья и давно улетел. Шутки шутками, но и в этом — дань восхищения перед искусством и мастерством строителя замечательной мечети, делавшими его в представлении народа почти магом.

Так — в предании, а в жизни все было иначе. Вернувшись из дальнего похода, Тимур был разъярен тем, что портал его мечети был не столь величествен, как ему хотелось, и, во всяком случае, ниже стоявшего напротив медресе, построенного его главной женой Сарай Мульк-ханым, той самой, которую легенда называет Биби-ханым. Почтенной жене Тимура в то время было за шестьдесят, и вряд ли ее прелести могли вывести кого-либо из равновесия.

Разгневанный Тимур велел казнить вельможу, надзиравшего за строительством. И его тут же растерзали, проволочив лицом вниз по камням и выбоинам дороги. Повелитель приказал разрушить входной портал и выстроить новый. Возле фундамента отрыли ямы, разобрали кладку, чтобы устои потеряли опору и рухнули. Тимур был болен, но он повелел носить себя туда, где шли работы. «Потом он приказывал, — пишет в своем дневнике де Клавихо, — приносить туда вареного мяса и бросать его тем, которые работали в яме, точно как собакам; иногда он сам своими руками бросал мясо и так возбуждал рабочих, что на удивленье; иногда же приказывал бросать в ямы даже деньги. Над этой постройкой также работали день и ночь; она прекратилась так же, как и работы по проведению улицы, оттого, что начал падать снег».

В грязи и крови рождалось великое творение искусства. Но так или иначе, здесь был достигнут предел технических возможностей и дерзостного человеческого вдохновения. Мощная арка была переброшена над центральным проемом. Огромный двойной купол простирался на сорокаметровой высоте. Двор с колодцем окружал целый лес колонн, строившихся в четыре и девять рядов. В их тени

растстлали свой коврик во время полуденного пятничного намаза десятки тысяч правоверных.

В широком и теперь действительно грандиозном портале, отделанном резным мрамором, были укреплены литые из семи металлов, где было золото и серебро, полотнища ворот. Когда их отворяли, тонкий металл вибрировал, и звон его вторил призывам, летящим с минаретов.

Из-под главного купола, где свет бесчисленных светильников и люстр не мог рассеять вечный сумрак, со ступенчатого минбара неся мерный голос имама, читавшего священные суры Корана.

И все вокруг сияло: и небо, и лазурь куполов, и башни минаретов, и тысячи солнц, отраженных и умноженных в зеркалах изразцовых стен, по которым, то соединяясь, то расходясь, шел крупный и удивительно ясный узор.

Недаром говорил Шериф-ад-дин-ал-Язди: «Если ты ищешь сравнения для арки ее максуры, ничего нельзя сказать, кроме как — млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ее парой. В каждой стене, в углу ее четырехугольника из стен, минарет вознес свою главу в сторону неба, и возглас «поистине дела наши указуют на нас» доходит до четырех стран света. Звук огромных врат ее, составленных из сплава семи металлов, призывает молящихся семи климатов в дом ислама. Стены ее снаружи и внутри, а также поверхности арок, нашли украшение в высеченных из камня письменах. Блеск от сияния букв и слов суры «Пещера» и других чудесных стихов корана на стенах ее».

Мне очень жаль красивую легенду о Биби-ханым, она так одушевляет дивный облик мечети. Ведь именно он зародил в народе поэтическую сказку. И всегда немножко грустно, когда глядишь на руины, в которые обратили великое создание время, частые здесь землетрясения и недалёковидность людей, растаскивавших драгоценные останки на починку своих домишек и лавочек.

Теперь чаще всего на древние стены смотрят со стороны шумной и грязноватой базарной улицы, где между горящими автомобилями и автобусами еще спуют ишаки и проплывают на своих больших колесах арбы. Отсюда руины Биби-ханым кажутся уродливой грудой, громадной и чем-то жалкой, как убитый слон. Но стоит открыть калитку в деревянной стене (совсем как у Уэллса!), и начинается чудо.

В то утро над головой летели пряди облаков. Весь просторный двор уставлен цветущими яблонями — цветы, то фарфоровые, то

розовые на кончиках лепестков — и ещё сырыми от дождя резными колоннами. Крикливые стрижи — их много налетело из Индии — прыгали по мрамору постамента, где когда-то лежал раскрытый Коран. Сочная весенняя зелень, и на ее фоне еще черные и узловатые стволы деревьев. А над всем этим великолепием жизни молчат и сверкают горделивые обелиски.

Нет сомнения, что любовная легенда, расцветшая на камнях мечети и давшая ей имя Биби-ханым, имела основание. Красота рождает красоту. И не о мистическом мраке поют прекрасные стены, они славят радость жизни и любви, как делал это восторженный Хафиз, любимец Гете и Пушкина, в своих газеллах, сложенных в то жестокое и великое время:

Свершая утром намаз, я вспомнил дуги бровей —
И вопль восторга потряс михраб мечети моей.
Терпенья больше не жди, к рассудку впредь не зывай!
Развеял ветер полей терпенье тысячи дней.

Огромная империя Тимура, простиравшаяся от Моголостана до Сирии и от Индии до Иртыша, держалась на страхе народов перед завоевателем. История сохранила свидетельства безумной жестокости Тамерлана. Он мог сложить башню из живых людей, пересыпая их землей и битым камнем; мог велеть задушить в ямах именитых людей покоренного города и закопать живыми четыре тысячи пленных.

Академик Бартольд писал, что европейцу начала XX века трудно поверить, что находились люди для исполнения подобных жестоких приказаний. Находились! И больше того, именно те самые европейцы, в щепетильность которых так веровал русский ученый, спустя каких-нибудь двадцать пять лет после заявления Бартольда, выказали такое зверство и бесчеловечную жестокость, что перед ними бледнеют все «подвиги» Тамерлана. Только цивилизованные варвары могли поставить на промышленную основу уничтожение людей, сжигая ежедневно в печах лагерей смерти по десять тысяч человек. Куда уж тут тянуться Тимуру!

Страх — плохой цемент. И Тимур еще при жизни заботился о прочности созданного им государства-колосса. Но властителю не везло с наследниками: два старших сына погибли, третий — правитель Кавказа, был безумен и страдал манией разрушения, младший сын Шахрух был чрезмерно привержен законам шариата. Вся надежда была на внуков, и их воспитанию отдавал Тимур много сил.

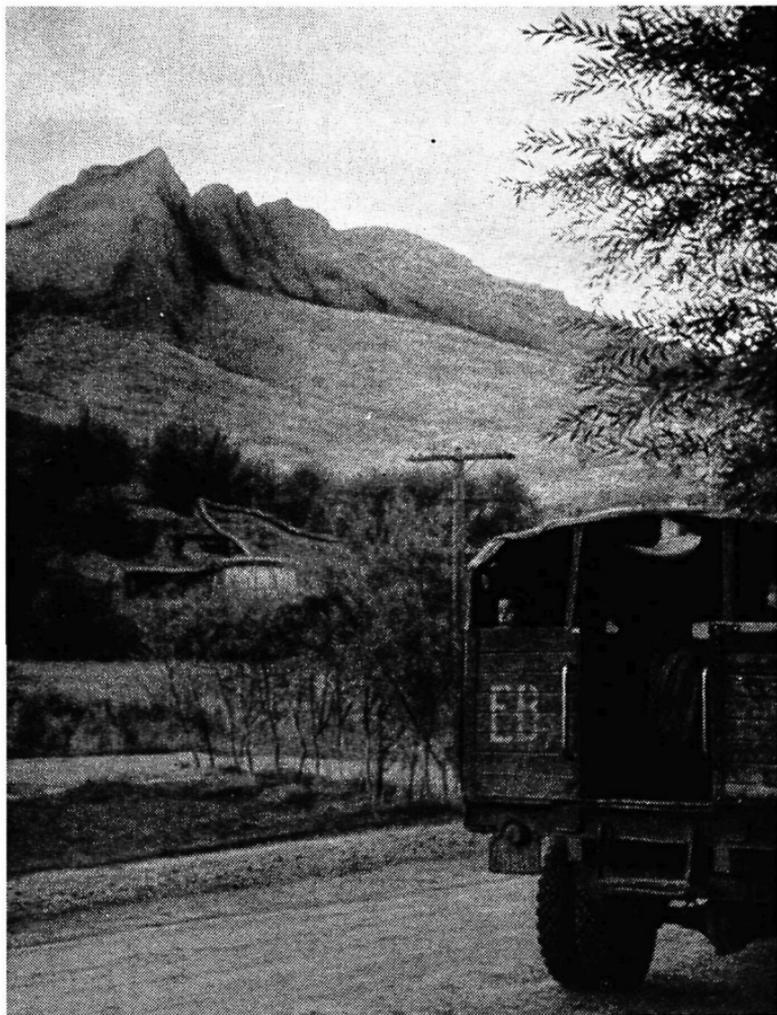
Однако и здесь его преследовали несчастья. Весной 1403 года во время далекого похода умер любимец и надежда Тимура, сын его

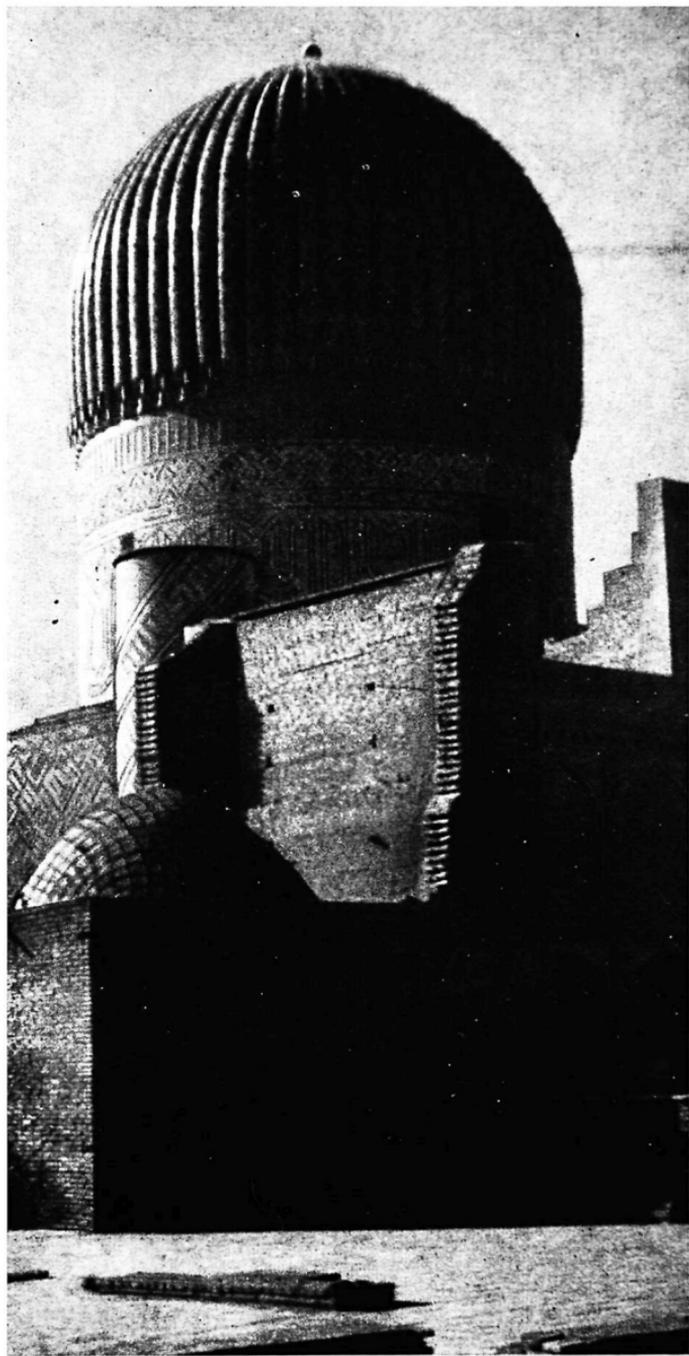
Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо оставил нам дневник своего путешествия ко двору Тимура, со-вершенного пятьсот лет назад.

В одном из загородных дворцов близ Самарканда впервые и увидел великого Тимура испанский посол: «Он сидел на возвышении, поставленном на землю, и перед ним был фонтан, который бил вверх, а в фонтане прыгали красные яблоки...»

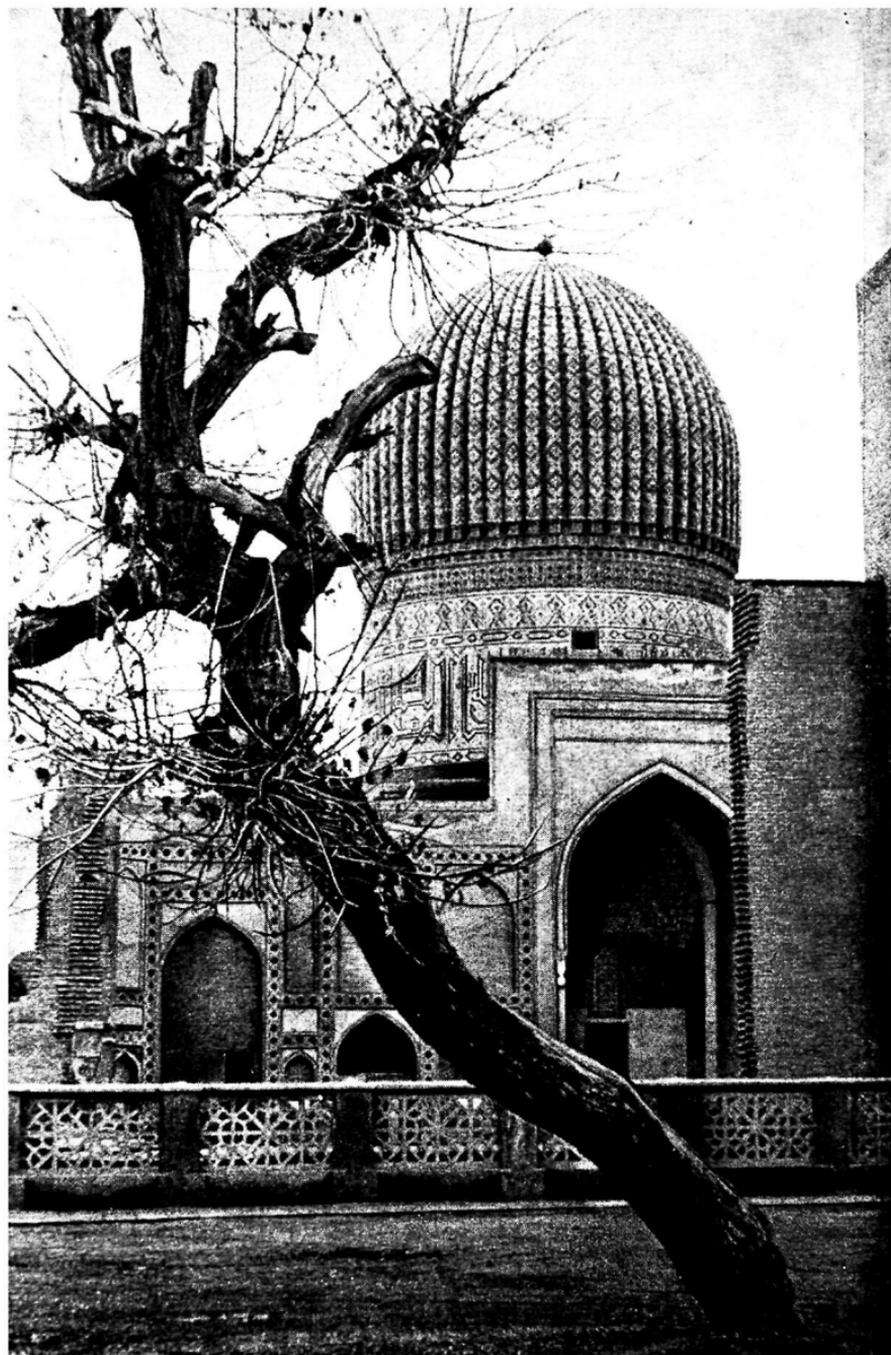
Тимур стремился сделать Самарканд столицей мира. Ему приписывают изречение, что мир слишком мал для того, чтобы иметь двух властелинов. Всячески возвеличивая свою столицу, Тамерлан даже окрестные селения называл именами крупнейших мировых городов: тут был и Каир, и Дамаск, и Багдад.

По этой дороге ехал де Клавихо.

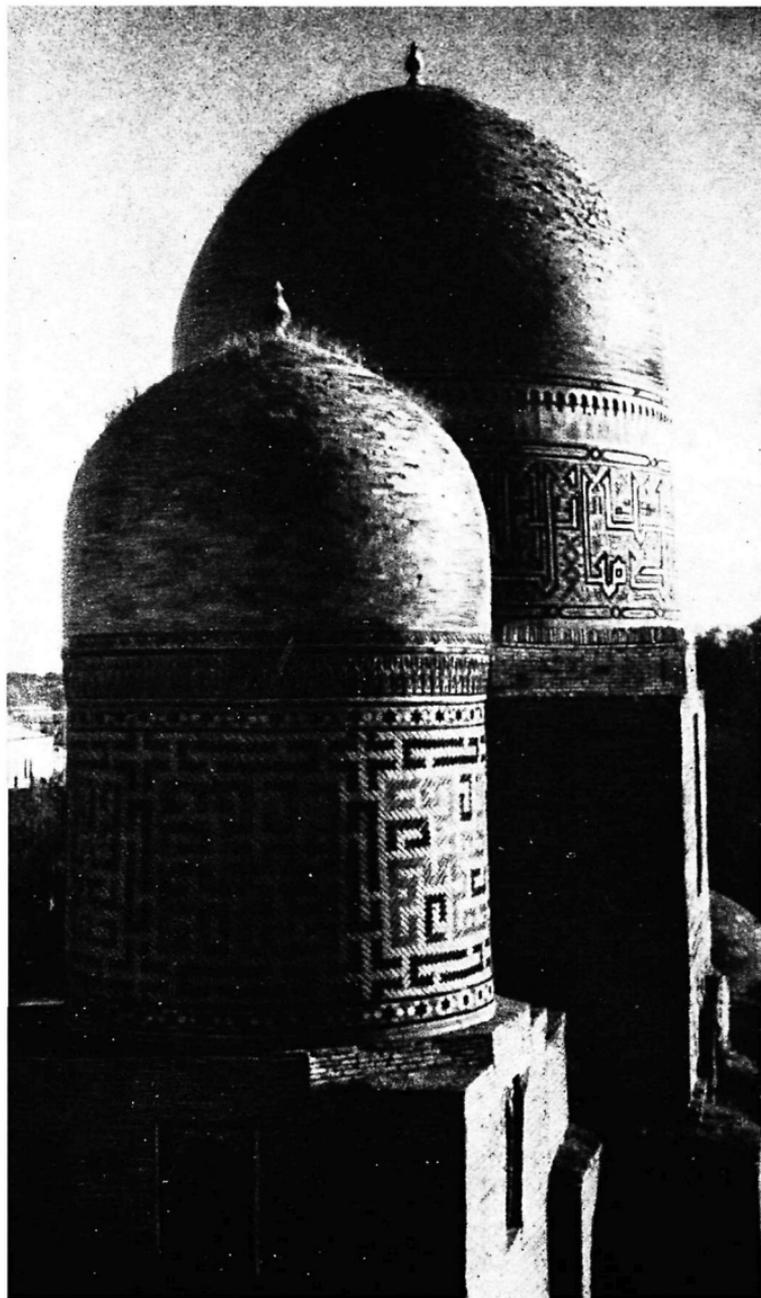
Гробница
эмира.

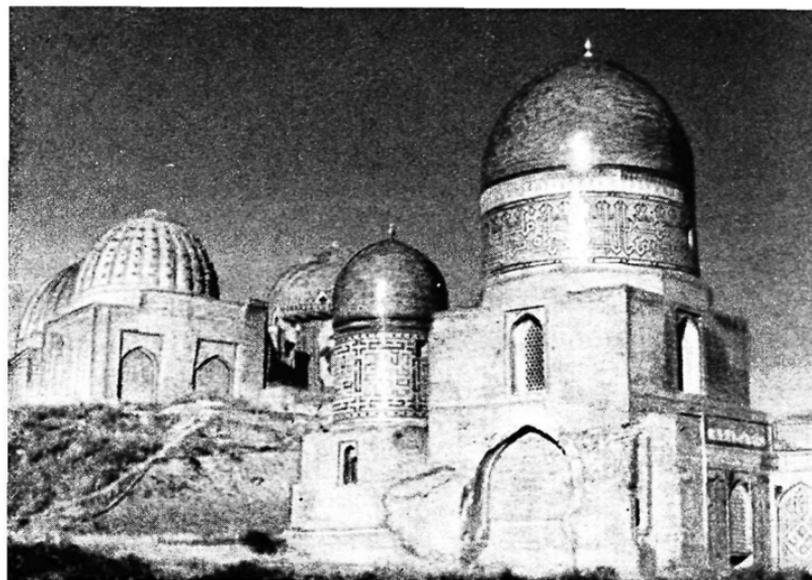
Самаркандцы.

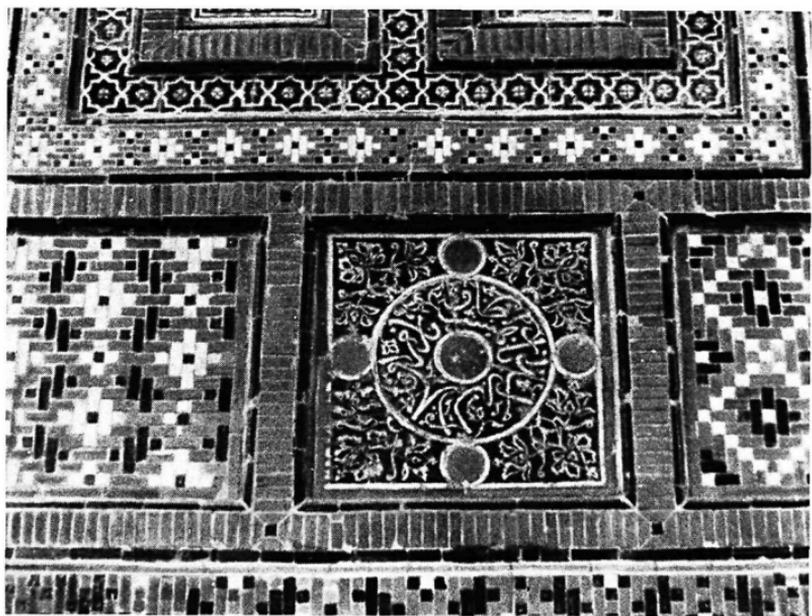

Мавзолей Шахи-Зида.

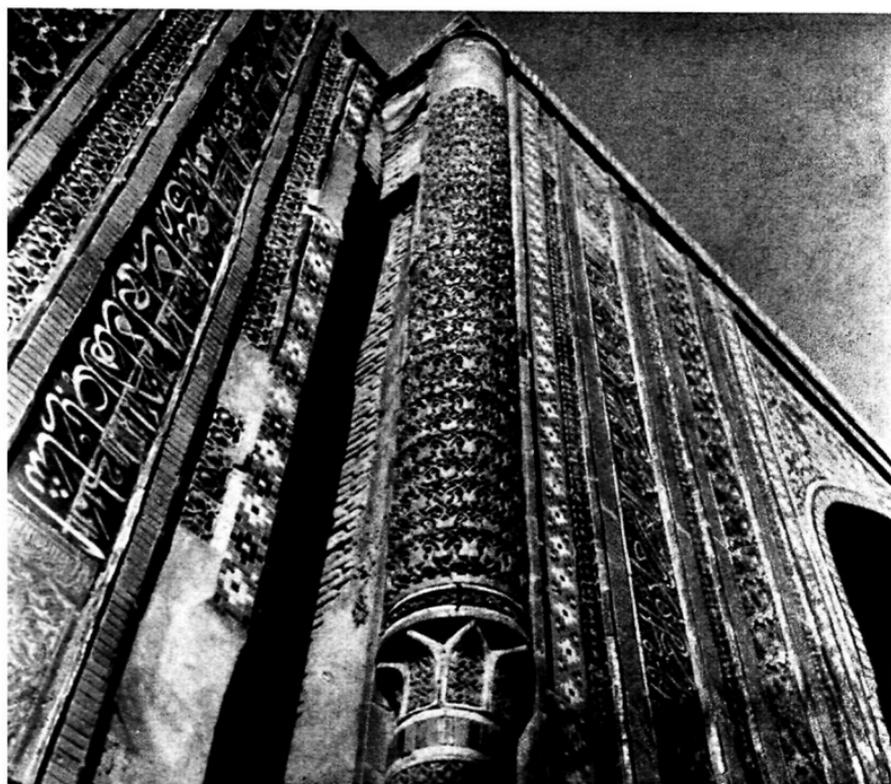
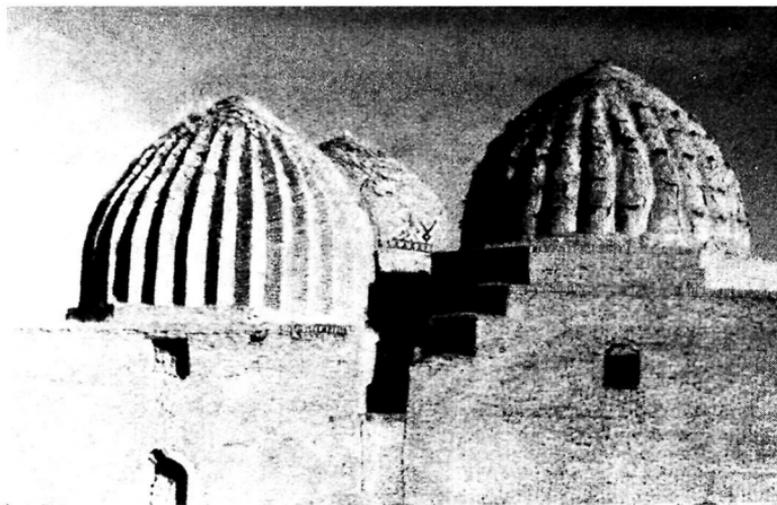

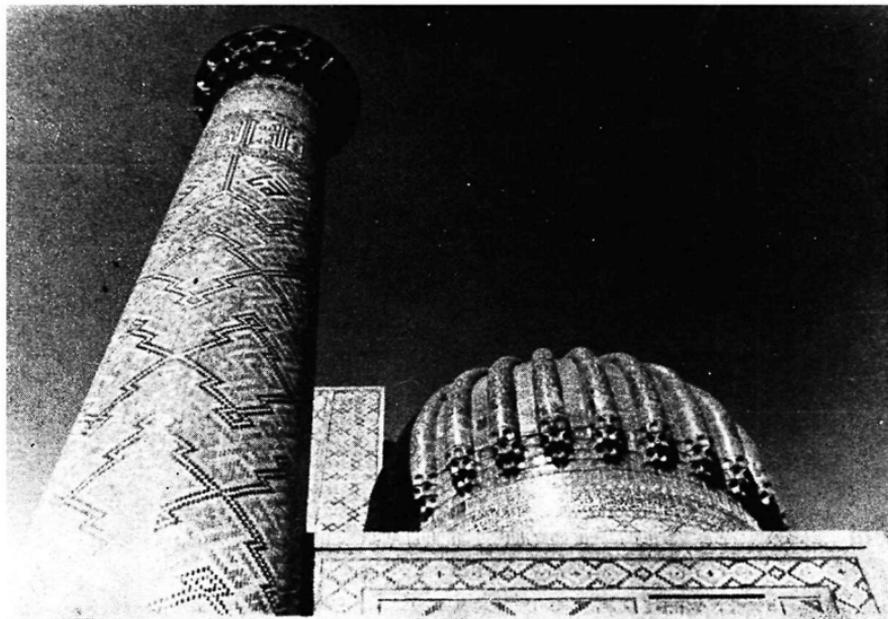

Мавзолей Шахи-Зинда.

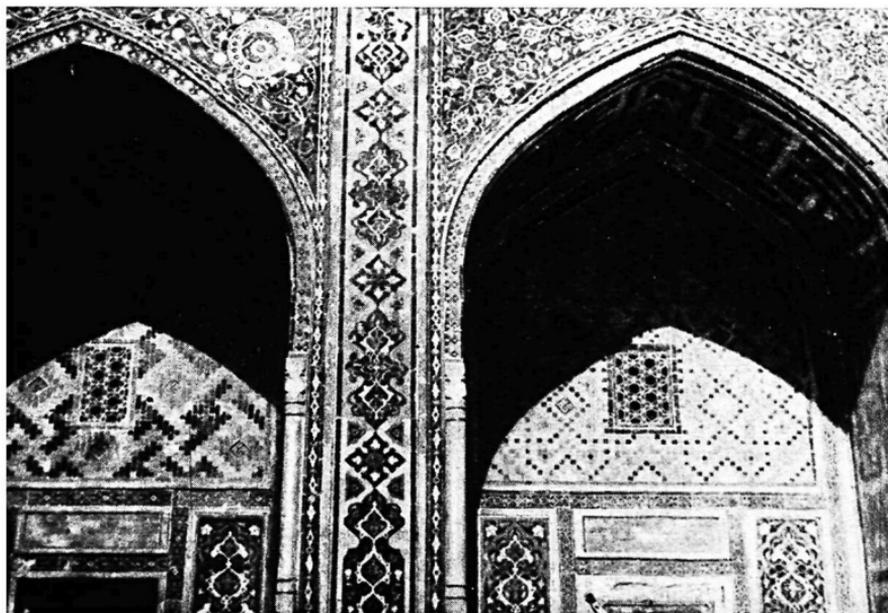
Резьбные купола Шахи-Зинда.

Сказка.

Дворик в медресе Улугбека.

старшего сына — Мухаммед-Султан. Не было предела горю стареющего эмира, потерявшего наследника, на которого он мог положиться. Останки Мухаммад-султана были привезены в Самарканд, и дед начал строить для своего любимца мавзолей, достойный его памяти. Уже поднялся черный остов (так называется еще не украшенная изразцами кирпичная основа строения) одноглавого красавца, купол которого Тимур велел поднимать все выше и выше, когда семидесятилетний завоеватель зимой 1405 года выехал из столицы вдогон за своей двухсоттысячной армией, выступившей в давно подготовленный поход против Китая.

Но смерть уже подстерегала «Обладателя счастливой звезды»: в середине февраля он внезапно скончался в самом начале своего последнего похода.

Недаром Тимур тревожился о том, что будет после его смерти. Чтобы узнать это, он даже два раза распускал ложные слухи о собственной кончине. Но теперь, когда все произошло в действительности, началась сумятица. Боясь грядущего, приближенные скрыли смерть великого эмира, и тело его было доставлено в Самарканд тайно. Его гроб поставили на закрытые носилки и темной ночью украдкой пронесли в город, делая вид, что это возвращается одна из женщин гарема. Однако слух о смерти правителя мгновенно пронесся по стране, и когда царицы и военачальники прибыли к воротам города, многих из них не пустили в столицу, боясь смуты из-за неясности престолонаследия.

Надушенное розовой водой, мускусом и камфарой тело Тимура было похоронено рядом с Мухаммед-Султаном, а позже перенесено в мавзолей, который начал строить сам повелитель и который с тех пор называется Гур-Эмир, что значит «Могила эмира».

Мавзолей замысливался и строился как центральная часть большого, уже существовавшего ансамбля зданий, от которых до наших дней почти ничего не сохранилось. На высоком барабане, поставленном на многогранник, высоко поднимается удлиненный и ребристый купол. Издали Гур-Эмир похож на голубой тюльпан, плотно сложивший свои бирюзовые лепестки. Ничто, никакие добавления не осложняли простой и выразительный объем, только по бокам входа возвышались два минарета, последний из которых рухнул при землетрясении шестьдесят лет назад.

Главная гордость и украшение мавзолея — его лазоревый купол. Он, действительно, как нераскрывшийся бутон, нависает над крепким стеблем барабана, являя собой пример гармонии и соразмерности, которые встречаются только в природе. Ради этого эстетического эффекта старые мастера сделали купол двойным. Внутренний

выглядел бы снаружи слишком низким. Если же оставить только удлинённый наружный, то непропорциональным стало бы казаться внутреннее пространство. Поэтому возвели два, соединённых внутри целой системой контрфорсов и креплений купола, один над другим на расстоянии примерно десяти метров.

Купол мавзолея украшен изразцовым узором. Здесь, как в орнаменте на стенах большой пятничной мечети, нет дробности и мелочей. Чуткий художник уловил величавую простоту архитектурных форм и подчеркнул их широким и спокойным чередованием вплетённых в узор благочестивых восклицаний. Классическая ясность декора главного здания словно бы подчеркивается в своем роде также замечательной, но более поздней мозаикой входного портала, устроенного здесь Улугбеком.

Луч, проникавший внутрь мавзолея, заставлял сиять глубоким зеленоватым светом наборные панели из прозрачного оникса, он играл на покрытых росписью сталактитовых карнизах из мрамора и светящихся драгоценных полуколоннах. В сверкании золотых искр он взлетал под купол, украшенный рельефными цветами. А за невысокой мраморной решеткой недвижно лежали надгробные плиты Тимура и его потомков.

Теперь по деревянной лесенке можно спуститься в низкий склеп, где под плоским куполом находятся древние могилы. Улугбек лежит в ногах своего великого деда. А сам миродержец покоится у ног своего учителя и наставника, единственного, кого он слушал и почитал всю жизнь, — шейха Сейида Береке. Так будто бы повелел сам Тимур. Здесь всегда тихо. Жизнь скользила только по глыбе темно-зеленого прозрачного нефрита, лежащего наверху, куда изредка допускались самые избранные. В письменах, вырезанных на гладком камне, перечислены девять поколений предков Тимура, возвеличивающие его как потомка божественного Чингис-хана.

Когда клиньями поддели, а потом приподняли на талых и откатали в сторону толстую плиту, покрывавшую гроб Улугбека, все увидели, что его голова с несколькими позвонками лежит лицом внутрь возле груди. Отрубленная, она, видимо, была уложена на изголовье, но потом скатилась на дно гроба. Оказалось, что Улугбек был одет не парадно, как подобало бы великому эмиру, а просто в штаны и рубаху, перетянутую по талии тесьмой с рисунком из белых и голубых квадратиков. Шарият велел хоронить убитых так, как их застала смерть. Следы на костях рассказали, что голова была отсечена сильным и умелым ударом кривой восточной сабли, в то время как обреченный стоял на коленях. Некоторые признаки указывали, что тело убитого потом долго лежало под открытым не-

бом. Это были документальные следы трагедии, подтверждавшие то, что смутно знала история.

После смерти Тимура и ряда междоусобных войн ему наследовал младший сын Шахрух, оставивший Самарканд и поселившийся в Герате. А в Самарканде воцарился сын Шахруха, внук Тимура Мухаммед-Тарагай, еще в юности прозванный Улугбеком, что значит «великий хан». Улугбек сопровождал своего грозному деду в его далеких военных походах и был одним из его любимцев.

Двор Улугбека в Самарканде продолжал блистать роскошью и пирами. Но правителя окружали теперь не только военачальники и вельможи, но поэты и музыканты. На пышных празднествах в сияющих загородных дворцах звучали песни и стихи, которые слагал и сам повелитель. При нем пользовались почтением ученые люди — математики и богословы, врачи и астрономы. Расцветали книжные науки. Это злило темных и фанатичных дервишей, слепо следовавших наставлениям Корана. Недовольство и озлобление, копившиеся среди самой реакционной и глухой части духовенства, находили поддержку у торговцев и ремесленников, которых Улугбек велел обложить высоким налогом.

Вместе с подъемом науки и искусства в блистательную эпоху Улугбека подспудно вызревала религиозная реакция, которая одолела под конец эмира-ученого и мутным мистическим потоком захлестнула начатое им дело.

Ученые занятия Улугбека начались, вероятно, довольно рано, и к середине жизни он уже преуспел в науках, особенно в прикладной математике и астрономии. Есть предание, что он сам иногда читал лекции в медресе. Занятия астрономией были для эмира не забавой и прихотью, а серьезным делом, которому он, думается, хотел безраздельно посвятить остаток жизни.

Невдалеке от городских стен, рядом с загородным дворцом, над древним арыком Обирахмат, Улугбек предпринял строительство крупнейшей по тем временам обсерватории. Она была воздвигнута на одном из отрогов Чупан-ата. Ее местонахождение долго представляло загадку для археологов. Но в 1908 году обсерваторию Улугбека обнаружил археолог В. Л. Вяткин. Это было крупнейшее научное событие, составившее славу русского ученого, много сил отдавшего поискам среднеазиатских древностей. Лучшим памятником его научного подвига служит сделанное им открытие, и как хорошо, что могила ученого находится среди камней фундамента открытой им обсерватории.

Было много ошибочных предположений о характере и назначении ее главного инструмента, позволившего Улугбеку и его помощни-

кам измерить положение звезд с изумительной точностью; о внешнем виде и конструкции здания обсерватории и о том, было ли вообще на площадке какое-либо сооружение, или здесь, в середине огромного измерительного круга, просто причудливо громоздились разные инструменты, отпугивая самаркандцев непонятным и странным видом. Систематические поиски позволили сравнительно недавно, уже после войны, прийти к более или менее окончательным выводам и даже создать убедительную реконструкцию здания обсерватории, представляющего несомненную архитектурно-художественную ценность.

«После изучения и усовершенствования инструментов для проведения астрономических наблюдений, — сообщает средневековый историк Абд-ар-Раззак, — [Улугбек] приказал приступить к исправлению астрономических таблиц. К северу от Самарканда, с отклонением к востоку, было назначено подходящее место. По выбору прославленных (астрологов) была определена счастливая звезда, соответствующая этому делу. Здание было заложено так же прочно, как основы могущества и базис величия. Укрепление фундамента и воздвижение опор было уподоблено основанию гор, которые до обусловленного дня Страшного суда обеспечены от падения и предохранены от смещения. Образ девяти небес и изображение семи [небесных] кругов с градусами, минутами, секундами и десятymi долями [секунд], небесный свод с кругами семи подвижных светил, изображения семи неподвижных звезд, климаты, горы, моря, пустыни и все, что к этому относится, было изображено в рисунках восхитительных и начертаниях несравненных внутри помещения возвышенного здания, высоко воздвигнутого. Так воздвигнут был высокий круглый замок с семью мукарнасами».

Трехъярусное, круглое в плане здание обсерватории было далеко видно. Его талантливые строители, опираясь на местные зодческие традиции, прекрасно учли свойства местности, издалека и со всех сторон позволяющей обозревать великолепное сооружение. Тридцатиметровое, как минимум, цилиндрическое здание обсерватории было по цоколю облицовано местным серым мрамором, а выше расчленено сталактитовыми карнизами. Стены были украшены белой, оранжево-желтой, голубой, зеленой, черной мозаикой. Тут широко применялась майолика.

Все три этажа были соединены внутренними винтовыми лестницами. В узких коридорах и купольных залах были расставлены приборы, служившие для наблюдений. Но самым главным инструментом обсерватории, продиктовавшим высоту здания, был огромный секстант, дуга которого до половины уходила в глубокий подземный

коридор. И сейчас еще можно спуститься вниз вдоль мраморных плит с цифрами градусов, тщательно уложенных по дуге гигантского инструмента, в расщелине между каменными, сочащимися сыростью стенами.

Много сподвижников Улугбека участвовало в строительстве обсерватории и снаряжении ее самым совершенным для того времени инструментарием. Первым, вероятно, приступил к этому делу Казизаде-Руми, которого восхищенно величали «Предрассветным ветром учености». Улугбек похоронил впоследствии своего ученого наставника возле Шахи-Зинда, в некрополе ближайших царских родственников, что особенно подчеркивает уважение, которым пользовался ученый.

Улугбек завершил строительство обсерватории вместе со своим ближайшим другом «ученым искателем истины, господином тщательным исследователем» Али-кушчи, которому довелось пережить трагическую гибель эмира и сделать проведенные им исследования достоянием мира.

Благодаря огромному секстанту и придиричливой тщательности в наблюдениях, проводимых лично Улугбеком и его помощниками, были составлены астрономические таблицы и каталог звезд, уточняющие все ранее сделанное в этом направлении. Гигантская работа была завершена в 1449, роковом для Улугбека году.

Между отцом и старшим сыном Абд-ал-Латифом разгорелась вражда, подогреваемая теми, кто желал устранения эмира-ученого от власти. Позднее была сочинена версия, что отец и сын, оба искушенные в астрологии, увидели в своих гороскопах предсказание гибели, которую они принесут друг другу. Так или иначе, вражда перешла в открытую войну. Потерпевший поражение Улугбек был вынужден сдаться на милость победителя-сына, надеясь, вероятно, что ему будет позволено, удалившись от правления, остаток дней посвятить любимой астрономии.

Улугбек был удален из Самарканда под видом искупительного паломничества в Мекку. Он был весел, не зная того, что при молчаливом согласии захватившего престол сына тайно был устроен суд, где некто Аббас, опираясь на предначертание шариата, требовал права кровавой мести низложенному эмиру. Враждебные Улугбеку религиозные авторитеты выдали Аббасу разрешающую фетву, к которой приложили свои печати все, кроме одного бывшего среди них честного и прямого человека.

Гонец под ложным предлогом остановил караван Улугбека в селении, которое некогда его великий и тщеславный дед назвал Дамаском. Хотя Улугбеку было всего лишь пятьдесят шесть лет, но

он выглядел дряхлым стариком. Прибытие гонца встревожило и испугало его.

«Было холодно, — так со слов историка Мирхонда рассказывает В. В. Бартольд, — Улугбек велел развести огонь и сварить мясо. Искра от пламени, разведенного нукерами, упала на плащ Улугбека и сожгла часть его; Улугбек посмотрел на огонь и сказал по-турецки «Сен хем бильдин» («Ты тоже узнал»). Мысли Улугбека приняли мрачное направление; ходжи тщетно старались его утешить. Вдруг отворилась дверь, и вошел Аббас с другим человеком; увидя Аббаса, Улугбек, не помня себя, бросился на него и ударил его кулаком в грудь; спутник Аббаса удержал Улугбека и сорвал с его плеч алтайскую шубу; Аббас ушел за веревкой. Хаджи запер за ним дверь на цепь, чтобы Улугбек успел совершить омовение. Когда Аббас вернулся, Улугбек был связан и вытасен во двор; ходжи и другие спутники Улугбека попрятались по углам; Аббас посадил Улугбека у горящего фонаря и одним ударом меча покончил с ним».

Вскоре Абд-ал-Латиф покончил и со своим младшим братом, причем эта расправа уже не обставлялась ложной процедурой суда. Но и сам отцеубийца был недолговечен: всего через несколько месяцев его из-за угла пронзили стрелой, а затем его отсеченную голову, вздетую на копьё, выставили на Регистане в проеме главной арки медресе Улугбека. Останки же убитого Улугбека с почетом перенесли в Гур-Эмир и похоронили у ног Тимура. Такова жизнь.

Обсерватория, построенная, как считают некоторые исследователи, на месте старого мазара, была покинута и медленно разрушалась. Но забвение не могло коснуться научных истин. Наука бессмертна, это твердо знал еще сам Улугбек, писавший: «Религии рассеиваются, как туман. Царства разрушаются, но труды ученых остаются на вечные времена».

Он прав. Звездные его таблицы «Зидж-и-Гурагани», где со скрупулезной точностью высчитано местоположение более тысячи звезд, в списках распространились по всему миру. А с 1650 года их начали печатать и перепечатывать типографии Европы. Сохранилась старая гравюра, где среднеазиатский ученый изображен рядом с Коперником, Тихо-де-Браге и Птоломеем, по правую руку от богини неба Урании.

Несомненно, что при составлении грядущих космических маршрутов и карт будут учтены данные о движении звезд, которые позволяют установить точные наблюдения Улугбека, произведенные на огромной временной дистанции в полтысячелетия.

Площадь Регистан в Самарканде издавна была торговым и общественным центром города. Здесь над пересечением шести улиц

некогда был перекинут торговый купол; здесь Улугбек построил медресе, самое прекрасное из трех возведенных им в разных городах. Выбирая мударриса для нового медресе, эмир требовал от претендентов универсальных познаний, и когда выбор его остановился на ученом Мухаммеде Хавафи, тот произнес столь сложную лекцию, что из девяноста присутствующих мудрецов никто ничего не смог понять. Премудрого мударриса поняли только сам Улугбек и Кази-заде-Руми.

Века меняли облик Регистана, разрушались и перестраивались его величественные строения, и только к середине XVII века ансамбль площади принял нынешний вид. Сначала было возведено медресе Шир-дор. По замыслу строителя, оно должно было зеркально повторять древнее медресе Улугбека. Так и есть, но отражение получилось более тяжелым и приземистым. Площадь замкнуло самое позднее здесь медресе Тилля-Кари, что значит Позлащенное.

Когда стоишь посреди просторной площади и тебя с трех сторон обступают высокие порталы, ребристые купола, покачнувшиеся башни минаретов, узорные стены и аркады стрельчатых ниш, грезится край старых сказок. Не рискуя соперничать с пышным красноречием Востока, утверждавшим, что от тяжести медресе Улугбека «хребет земли приходит в содрогание», а от удивления перед изгибом арки медресе Шир-дор «небеса, приняв ее за новую луну, прикусили палец...», не рискуя состязаться со всем этим словесным великолепием, хочется сказать, что когда стоишь посреди огромной регистанской площади, действительно начинает казаться, будто замечаешь, как круглится земля. И может, это потому, что площадь в самом деле велика, а может быть, и не так уж велика, но потому, что здания, обступившие ее, вырастают в землю, как бы уходя за горизонт, а минареты наклонились, словно оберегая округлую грудь земли.

Когда стоишь посреди Регистана, впечатление такое, будто ты во дворе гигантской мечети, окруженный ее стенами и боковыми айванами — композиция примерно та же. Разве не повторяется она, но в меньшем масштабе, когдаходишь в обширный, окруженный двухэтажной галереей худжр, внутренний двор Шир-дор. Это ощущение еще сильнее в просторном дворе Тилля-Кари, служившей не только высшей духовной школой, но и городской пятничной мечетью. Одноэтажные ряды худжр здесь не отгораживают глухой стеной внутреннее пространство от наружной городской жизни, и кажется, что сюда входит весь город со своим шумом и движением, как и на открытый всем Регистан.

Особое ощущение охватывает тебя, когда через боковой вход по-

падаешь внутрь медресе Улугбека. Здесь все меньше, интимней, устроено так, чтобы способствовать размышлениям. И даже покрытый весенними коралловыми цветами куст персика, растущий посреди двора, только подчеркивает свежесть и изящную красоту драгоценных мозаик, ласкающих тенистые своды прохладных ниш.

Сколько бы ни было народу на Регистане, он всегда кажется пустынным, так велики его масштабы. Сейчас площадь расчищена, и ничто не мешает вплотную подойти к славным памятникам, а еще сравнительно недавно здесь кипела крикливая суэта восточного базара, и к древним стенам со всех сторон лепились лавчонки торговцев и менял. Нам повезло: в Самарканде снимали фильм об Улугбеке, и на Регистане был выстроен бутафорский базар. В открытых лавках поблескивали поливные блюда, мерцала медь чеканных чаш и высоких кумганов. По закоулкам сновали шустрые дервиши, потряхивая черными скорлупками кокосовых орехов, а специально привезенный из Москвы слон лениво тащил на своей спине склеенный из картона большущий глобус великого астронома. И над всей этой пестрой мишурой, помалкивая, возвышались гордые громады древних стен и башен. За длинные века своей жизни они видели и не такое. Подумаешь, слон! А груженные золотом и драгоценностями караваны из Индии? А тысячные отряды борцов за веру? А красные огни костров, казни и отрубленные головы, мажущие густеющей кровью гладкие дровки пик... Все было тут.

Мы храним память о прошлом. Отраден звонкий стук реставрационных молотков, далеко разносящийся вокруг Регистана, объявленного государственным заповедником. Реставрационные работы невиданного размаха не прекращались здесь даже во время войны.

Красота и величие древних стен хранят для потомков творческую славу мастеров-строителей и мозаичистов, истинных создателей художественных ценностей. Мы гордимся памятниками прошлого, но мы вдвойне радуемся той извечной поэтической традиции, которая живет в бесконечно обновляющемся искусстве народных умельцев. Однако об этом — в следующей главе.

СУДЬБА ШАХРИСЯБЗСКОГО БЛЮДА

Снова Тимур.— Ак-Сарай.— Рыжий ангоб.— Через перевал.— Драконы и собаки.— Мисгар из Хаджи-Ахрара.— Традиции Ката-Кургана.— В Голодной степи.— Вот он, Гиждуван.— Косогары и кузогары.— Слава усто заде Усмана.— Нужно решаты

Наш четырехместный самолетик, сделав круг над Самаркандом, медленно полетел к горам. Его двукрылая тень пробежала по извилистому и каменистому ложу Зеравшана, пересекла город, утонувший в осенних садах. Было удивительно видеть отсюда, из-под низких облаков ленту старой дороги, голубые искры на стенах и куполах Шахи-Зинды, застывшую громаду Биби-ханым, правильную композицию Регистана, визированную по углам вертикалями минаретов.

После полетов на теперешних реактивных лайнерах, превративших воздушное путешествие в терпеливое пребывание в комфортабельном кресле, было очень интересно и приятно снова испытать ощущение полета и смотреть на милую землю с небольшой высоты, скажем, тридцатипятиэтажного дома. Аэропланчик наш буквально переехал через горы, словно касаясь колесами их округлых вершин. Это была каменистая пустыня, и только в ущельях, по извилистому дну которых сверкали быстрые ручьи, редко-редко виднелся сложенный из камней и глины домишко. Именно отсюда несколько раз в год приносят женщины на шумный шахрисябзский базар свое удиви-

тельное рукоделье: вышитые тюбетейки, плетеные паласы, украшенные цветными нитками ножны для длинных узбекских ножей.

Хребет отделяет долину Зеравшана от долины Кашка-Дарьи, и уже через сорок минут наш самолетик запрыгал по травянистому полю, наперерез человеку, махавшему сигнальным флагом. На попутном грузовике, в шлейфе тончайшей лёссовой пыли мы въехали в Шахрисябз. Я ожидал встречи с этим городом с двойным волнением — недалеко от него родился Тимур. Легендарный властитель долго собирался сделать Шахрисябз столицей своего царства. Во-вторых же, этот скромный городок был еще недавно знаменитым центром керамического производства. Еще был жив и работал старый Абдукарим Хазраткулов, потомственный кулол, хранитель и продолжатель славных традиций.

Шахрисябз — значит зеленый город. «Этот город, — пишет де Клавиho, проезжавший через Кешь (древнее название Шахрисябза — Ю. Х.) в 1404 году, — стоял на равнине; со всех сторон вокруг него проходило много ручьев и каналов, и он был окружен множеством садов и домов. Окрестности его были ровные, многолюдные, было видно много селений, лугов и воды, и казалось, что земля должна быть очень красива летом; равнины были засеяны хлебом, который орошался водою, и покрыты виноградниками, хлопчатниками, дынными огородами и множеством плодовых садов. Город был окружен земляным валом и глубоким рвом, и при входах были подъемные мосты».

Так было. А сейчас мы свернули с бетонного шоссе на пыльную дорогу и через пролом в оплывшей от дождей глиняной стене, примерно там, где некогда были Самаркандские ворота, вошли в северную часть древнего города. И как-то сразу среди пустыря, заросшего молодыми тополями, без всякой психологической подготовки оказались перед громадными пилонами тимурова дворца — Ак-Сарая.

Произошло это неожиданно и удивительно. В Самарканде я уже привык к масштабам и размаху строительства Тимура: развалины его соборной мечети говорили о многом. Но там древние руины высились среди большого города, и подходы к ним уже подготавливали к восприятию необычного. А здесь, почти на ровном месте, среди неказистых строений нынешнего районного центра, вдруг поднимались перед тобой устои гигантского входного портала, в полтора раза превышающие огромную арку Биби-ханым.

От Ак-Сарая остались только эти башни, покрытые с лицевой стороны остатками замечательного мозаичного ковра, выложенного глазурованными кирпичиками; с внутренней их стороны, среди об-

ломков кладки можно различить контуры винтовых лестниц, очертания переходов и своды примыкавших к башням дворцовых зал. Руины Ак-Сарая романтичны до чрезвычайности и чем-то напоминают останки рыцарских замков.

Развалины Ак-Сарая позволяют судить лишь о масштабе дворца да о величавости его орнаментального убранства. К счастью, наблюдательный испанец, к воспоминаниям которого мы уже не раз обращались, оставил нам подробное описание шахрисябзской резиденции Тимура, поразившей даже его, много повидавшего европейца. «На другой день, в пятницу (пятьсот шестьдесят лет назад, разумеется, в пятницу 1404 года — Ю. Х.) посланников повезли смотреть большой дворец, который строился по приказанию повелителя; говорят, что уже двадцать лет в нем работали каждый день, и даже теперь работало много мастеров. В этом дворце был очень длинный вход и очень высокие ворота, и сейчас у входа по правую и по левую руку были кирпичные арки, покрытые изразцами, разрисованные разными разводами. Под этими арками были вроде маленьких комнат без дверей, и пол в них покрыт изразцами: это было сделано для того, чтобы тут сидели люди во время пребывания царя. Сейчас за этим была другая дверь и за нею — большой двор, вымощенный белыми плитами и окруженный богато отделанными галереями».

«Двор был шагов триста в ширину, и через него входили в большой дом, в котором была очень высокая и широкая дверь, украшенная золотом, лазурью и изразцами очень красивой работы. Посредине над дверью был изображен лев, положенный на солнце. Из этой двери, — продолжает де Клавихо, — входишь прямо в приемную комнату, построенную квадратом, стены которой разрисованы золотом и лазурью и (отделаны) полированными изразцами, а потолок весь позолочен. Отсюда посланников привели в верхний этаж, так как весь дом был раззолочен, и там показали им столько отделений и покоев, что было бы очень долго рассказывать: в них отделка была золотая, лазоревая и других разных цветов, удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой».

«Потом им показали комнаты и покои, которые были предназначены для пребывания самого царя и жен его; в них была необыкновенная и богатая отделка на стенах, на потолке и на полу. Над этим дворцом работало много разных мастеров. После этого посланников повели смотреть палату, которую царь назначил для того, чтобы сидеть и пировать со своими женами, очень обширную и роскошную; перед нею был большой сад со многими тенистыми и раз-

ными фруктовыми деревьями; в нем было много водоемов и искусственно расположенных лугов; и при входе в этот сад было такое обширное пространство, что много народу могло бы с наслаждением сидеть тут в летнее время у воды и под тенью деревьев. Так роскошна работа этого дворца, что для того, чтобы хорошо все описать, нужно ходить и осматривать все понемногу. Этот дворец и мечеть принадлежат к самым великолепным зданиям, какие царь до сих пор построил. И он построил их здесь в честь своего отца, потому что отец был здесь похоронен и он сам был родом отсюда.

Древний Кешь лежал на оживленной дороге между Самаркандом и Термезом. Это во многом определило ремесленное развитие города, в котором был целый квартал, где жили и работали мастера. Главная улица по оси с севера на юг пересекает прямоугольник старого городского ядра и, пройдя по ней мимо вполне сохранившейся и исправно отправляющей поныне свои несложные функции азиатской бани XV века и купольного рынка — чорсу и миновав базар; выйдешь к кварталам ремесленников, занимавшим некогда всю юго-западную часть города.

Здесь есть улица Кулярик, что значит улица Гончаров. Мой спутник, бывавший в Шахрисябзе еще в начале тридцатых годов, помнит на одной этой улице два десятка гончарных мастерских: на осликах везли глину, подвластные нажиму ноги крутились круги станков, дышали жаром печи. А сейчас в Шахрисябзе нет ни одной действующей мастерской, и только живет на Гончарной улице, как угрызение совести, хромой старик, самый знаменитый местный гончар усто Абдукарим Хазраткулов.

Дом Хазраткулова находится в самом начале улицы, возле чайханы. Под открытым навесом чайханщик прилепывал к горячим стенкам тандыра сложенные углом пирожки — самсу. На наш стук в ворота — входить хотя бы во двор без приглашения на Востоке не принято — на улицу вышел высокий старик с крупным энергичным лицом. Он сильно хромал и опирался на костыль, но это при его крупном росте и мощном сложении не бросалось в глаза. В молодости знаменитый мастер отличался горячим темпераментом, был изрядным гулякой, и однажды приятели его порядочно отколотили, переломали кости и забросили за глухую кладбищенскую стену. Там зимой провалялся он несколько часов на ледяной земле между кирпичных могил. Очнувшись, еле дополз домой и вот с тех пор не расстается с костылем. Случилось это лет пятнадцать назад.

Усто Абдукарим, сославшись на беспорядок в доме, как истинный парижанин приглашает в кафе, позвал нас в чайхану выпить положенный во всех случаях жизни чайник зеленого чая. Пока мы си-

дели на потертых ковриках невысокой суфы, где на медной тарелке у наших ног лежал розовый, отколотый от куска постный сахар, я думал: вот, наконец-то я добрался до Шахрисябза, вот он, тот самый Хазраткулов, о встрече с которым я давно мечтал.

Шахрисябзская керамика! Несколько лет назад мне привезли большое блюдо жаркого рыже-кирпично-красного цвета. Оно было необычайным, казалось, в темноте от него струился свет, а если я подносил к нему руки, им становилось теплей — таким огнем рдели краски.

Потом на выставке в Манеже внимание привлек портрет народного мастера Хазраткулова работы Григория Улько. Старик держал в ладонях поднятых рук косу — глубокую чашу, не спуская с нее пристального, долгого взгляда. И все в нем было необычным: напряженность, как-то по-особенному свободно накрученная чалма, гордое достоинство артиста. А когда я узнал, что из рук Хазраткулова вышло и мое блюдо и тысячи подобных ему рыжих солнц, разлетавшихся из Шахрисябза, мне нестерпимо захотелось повидать славногo мастера.

Шахрисябз находится всего лишь в восьмидесяти километрах от Самарканда. Но добраться до него бывает нелегко: значительную часть года перевал закрыт и редкие машины по опасной дороге протаскивают тракторами.

И вот наконец-то... Хазраткулов повел нас в свою мастерскую, она находится прямо против его дома, через улицу. Здесь царило запустение: уже несколько лет не вымешивают здесь глину, не топят печи, не растирают краски и глазурь. В маленькие окна сочился тусклый свет, утопая в пыли, из-под которой нет-нет и блеснет огненно-рыжий черепок разбитой чаши или блюда. Пепелище!

Гончарное мастерство, как и тайны прочих ремесел, передавалось из поколения в поколение. Хазраткулов учился у своего отца, а тот у своего — так создавалась традиция и вырабатывалось свободное владение техникой. Но в то же время установленная традиция отнюдь не сковывала свободу импровизации при росписи глиняных сосудов и блюд. Усто Абдукарим вспоминает — об этом рассказывает в книге М. К. Рахимова, — что отец советовал ученикам больше доверять чарху (гончарному кругу) и собственной голове.

В шахрисябзской керамике есть несколько установленных узоров, имеющих определенное наименование, скажем, «крылья мухи», «глаз верблюда», «змеинный след», «арка со змеей», «упавшее с дерева яблоко». Эти узоры наносятся на предназначенные им места то ли в виде каемки по краю блюда, то ли заполняя крупные плоскости на его днище и бортах.

Увлекательно смотреть, как работает гончар — нашкош: держа блюдо на весу на ладони левой руки, он быстро размечает на нем несколько, чаще всего четыре, симметричных сегментов. По осям наносятся крупные части узора. Промежутки заполняются растительным орнаментом, затем проводится кайма — блюдо готово. Это схема, разумеется. Но и на деле все обстоит примерно так.

Шахриябзский мастер работает мягкой и широкой кистью — обструганной веточкой, к которой ниткой примотаны шерстинки. По цветному фону белой, красной, зеленой, желтой, почти лимонной и черной краской наносится живописный и свободный узор. Мелкие, повторяющиеся элементы отпечатываются штампами — колыбами. Штамп либо специально вырезается из подручных материалов, подчас просто из картошки, либо им служат головка цветка, сложенная розеткой жесткая тряпочка. Сочетание всех этих приемов сообщает шахриябзской росписи необыкновенную непосредственность и вольность.

В старое время узор наносился с особой тщательностью, высокое качество красок и глазурей придавало ему большую графичность. Роспись современных изделий менее устойчива, она расплывается, образуя затеки. Но нет худа без добра — это придает теперешним изделиям приятную декоративность и мягкость.

За свою долгую жизнь Хазраткулов подготовил больше сорока учеников, но познакомить он нас смог лишь с одним — Абдулхадом Музафаровым, талантливым и уже умелым керамистом. Молодой мастер, как и его учитель, уже давно вынужден был оставить свое славное ремесло. Он просто служит электромонтером.

Всю дорогу до Китаба, подпрыгивая на своем костыле, Хазраткулов говорил о большой несправедливости. О том, что неумные и нераспорядительные люди не дают ему работать, глушат народное искусство, не понимают, оскорбительно равнодушны. Действительно так: на всем प्रदेशном нами пути, в местах, где еще совсем недавно обильно гнездились народные промыслы, мне приходилось встречаться с полным запустением. Под нелепыми предложениями до недавнего времени инспектирующие органы запрещали мастерам работать.

И делалось это не где-то по медвежьим углам, а в городах и поселках, где на всякий случай, если не в них самих, то недалеко имеются досточтимые отделения Союза художников и Художественного фонда. Только слепым бескультурьем можно было объяснить подобное расточение народных ценностей.

Горячась и сбиваясь, старый мастер говорил, что если бы ему дали возможность, он смог бы расписывать сто блюд в час, и все

разным узором. Может быть, эта цифра и преувеличена, но все равно из его сильных и умелых рук ежедневно выходили бы блюда и чаши, способные украсить не только коллекцию ценителя, но любой праздничный стол. Вокруг старого мастера росла бы смена и жила бы на радость людям славная художественная традиция. А вместо этого стоят холодными печи, талантливые народные художники чинят пробки, а семидесятилетний мастер со всем его уникальным опытом, талантом, желанием работать вынужден, затаив горечь и обиду, следить, как утекает драгоценное время.

Я уверен, скоро, очень скоро придет час, когда ученые и специалисты по крохам будут собирать остатки глохнущего теперь народного искусства и в ладонях отогревать их, оберегая от окончательного забвения. Но стоит ли ждать? Забылись традиции, ушло умение? Ведь стоит сделать минимальное организационное усилие, просто пошевелиться, и расправятся, буйным, роскошным цветом расцветут народные промыслы.

Обратно в Самарканд мы несколько часов ехали на грузовом такси, переваливая через те самые горы, над которыми утром так легко пронес нас самолетик. Грузовик нещадно мотало по серпантину дороги, пока он добирался к перевалу Тахта-Карача. Слышался рев воды, мчавшейся с гор по каменистым арыкам. Я стоял в кузове, просунув голову сквозь дыру в брезентовой крыше фургона. Когда на повороте колеса подходили к самому краю дороги, вниз смотреть не хотелось. Высота здесь чувствовалась гораздо больше, чем в самолете.

Вспомнилось, что по этой дороге, через перевал мчались всадники Тимура и проезжал сам властелин мира, меняя коней на подставах. Через эти же горы тянулись тяжелые колымаги, и белесая пыль садилась на грубые ботфорты испанских послов. Где-то здесь были раскинуты сады Тимура, поразившие де Клавихо роскошью и изяществом убранства.

Красное вечернее солнце опускалось за горы. Бурые склоны горели огнем. Здесь в горах добывались железистые глины, которыми шахрисябзские кулолы расписывали широкие днища ляганов. Именно здесь, в этих красных горах, могли родиться огненно-рыжие краски шахрисябзской керамики. Они были плоть от плоти этой земли.

Вернулись мы в Самарканд поздно и сразу легли спать в узком, как пенал, номере старой и грязноватой гостиницы. Вчера, найдя по Шахи-Зинде, я не мог долго уснуть: перед глазами металась и кружилась полотнища голубых мозаик, а сегодня в глазах полыхало огнем, и сны были красно-рыжего цвета.

К решению проблемы народных промыслов нельзя подходить механическим путем. Как чуткое и нежное растение, искусство умельцев не переносит грубого прикосновения. Ему равно вредны как невнимание, так и излишне теплично-парниковые условия. Помня все время заброшенного и бессильного что-либо переменить Хазраткулова, я не менее огорчился и печалился судьбой другого превосходного мастера, искусство которого губят, как ни парадоксально, особенно привилегированные условия работы. Речь идет о прославленном самаркандском кузогаре усто Умаркуле Джуракулове.

Ему сейчас пошел уже восьмой десяток. Уже триста лет известна в Самарканде семья потомственных гончаров. Три столетия его деды и прадеды делали блюда и косы на высоких ножках, в орнаментах которых причудливо переплелись полихромность, свойственная изделиям, вышедшим из Зеравшанской долины, с зеленовато-синими тонами Ферганы. Мотив дерева с тонкими, опущенными ветвями узнается сразу, как верный признак старой самаркандской керамики. Это плачущее дерево часто встречалось и на ранних работах усто Умаркула.

Исследователи различают несколько более или менее четких периодов в творчестве Джуракулова. Анализ строится здесь по оттенкам поливы: сначала она была серовато-коричневой, а затем стала серебрищейся, перламутровой. Действительно, для вещей Джуракулова характерна блеклая, нежная гамма. Но строить периодизацию на ее эволюции было бы неправильно, прежде всего потому, что Джуракулов в первую очередь отменный формовщик, а уж затем художник-наккош.

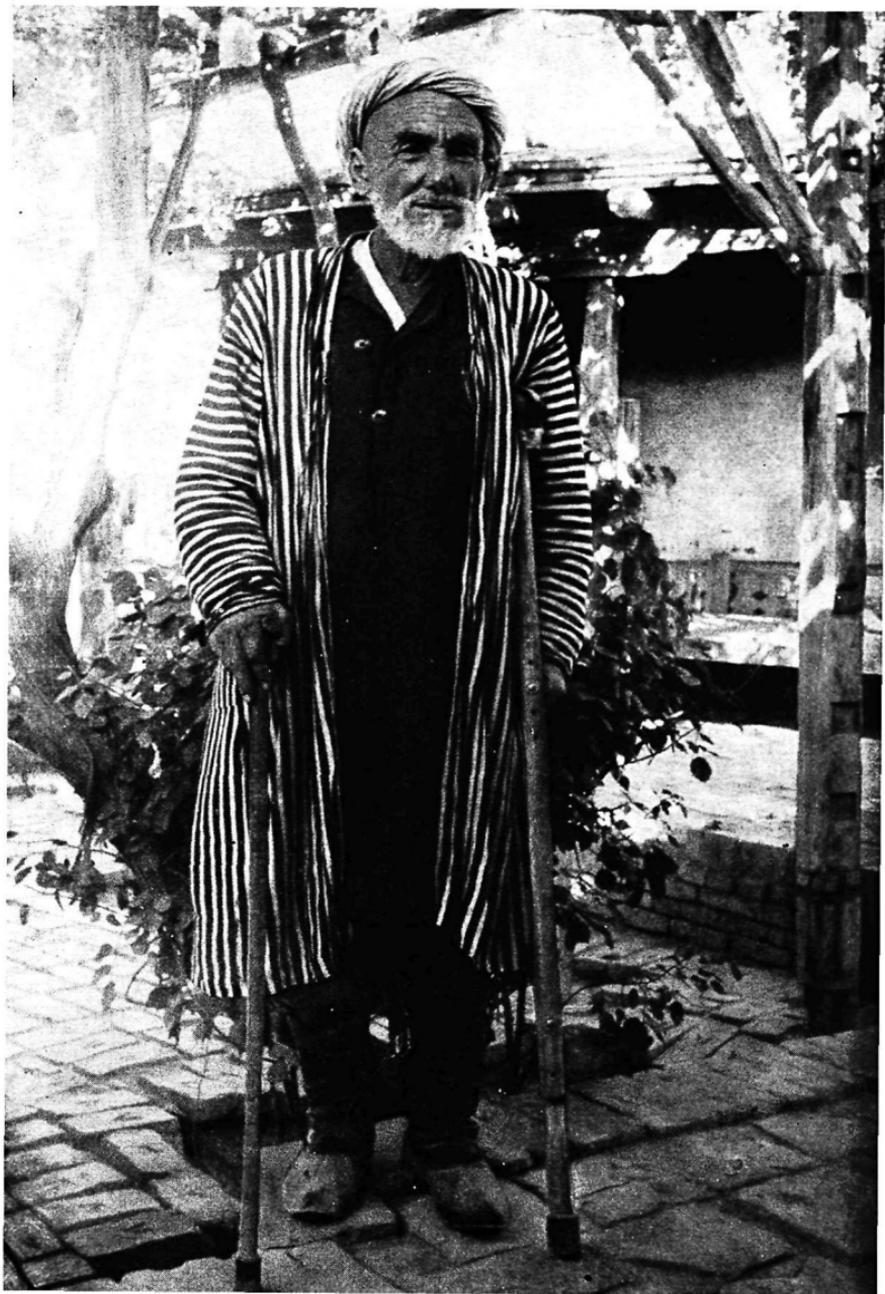
Среднеазиатские керамисты традиционно разделяются на «косагаров» и «кузогаров». Косагары умели расписывать посуду. Для своей работы они предпочитали ляганы и косы, блюда и чаши — сосуды с горизонтальными плоскостями, позволявшими развернуть сложный и пестрый узор. Естественно, мастер-косагар либо сям формовал в глине изделие, либо это делал его подмастерье. Во всяком случае, формовка производилась здесь же, в мастерской. Но главным была не форма сосуда, сама по себе не сложная, а роспись, красота узора.

Кузогар являлся прежде всего искусным формовщиком. На гончарном круге он формовал простые, а иногда и очень сложные и причудливые сосуды. Кузогары делали сосуды, в которых хранились вода и зерно, точно так же греки хранили вино и зерно в амфорах. Вода всегда была роскошью на юге, ее вкус и свежесть здесь ценили особенно. А в высоких глиняных хумах она хорошо отстаивалась и была прохладной даже в жаркие дни.

Игрушки Хамро Рахимовой известны широко. Они удивительно наивны и простодушны: это обыкновенные глянчатые свистульки, которые непременно встретишь на всех базарах и на Украине, и в Белоруссии, и в Вятке, и в Ура-Гюбе. Точно такие игрушки-свистульки как ни в чем не бывало продолжают посвистывать даже извлеченные археологами из-под тысячелетних напластований. Когда-то в кишлаке Уба зимой делали эти глиняные игрушки чуть ли не в каждом доме.

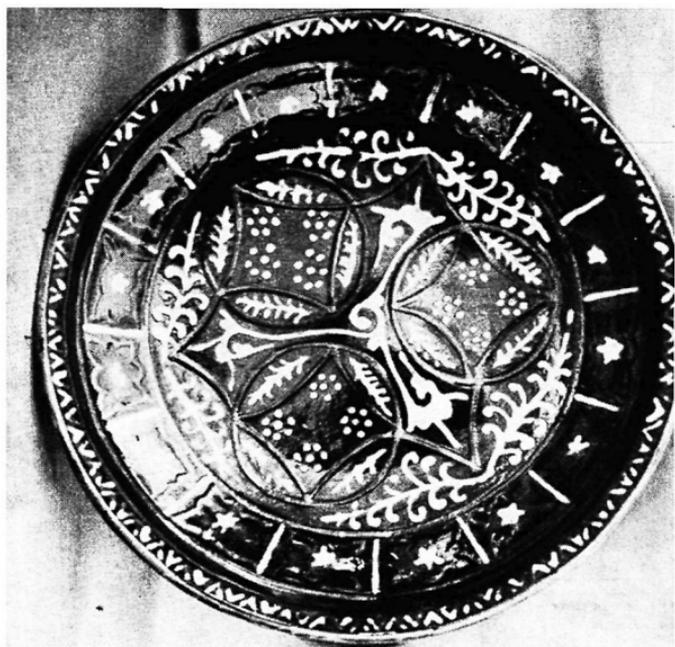
Здесь были лошадки, оседланные степным воробьем или птицей удодом с витыми бараньими рожками. Здесь был лев, которого ни в жизнь не видели в Бухаре.

Усто Абдукарим Хазраткулов.

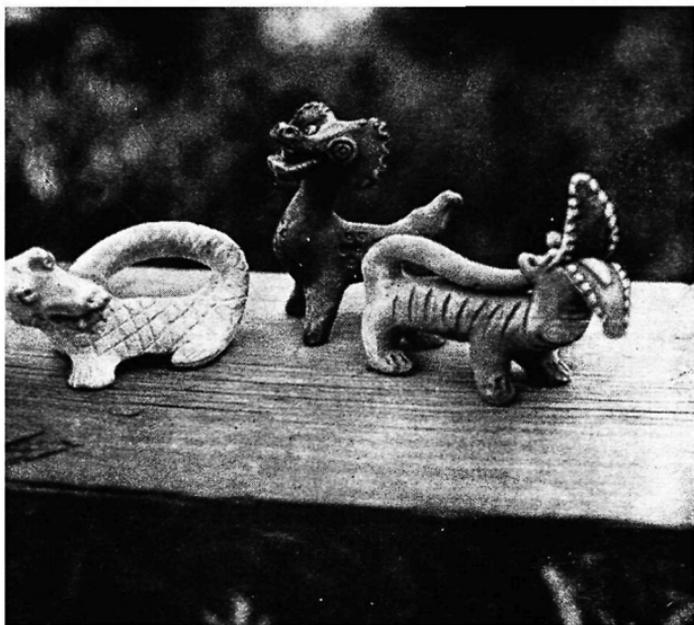
Это вышло из рук Хазраткулова.

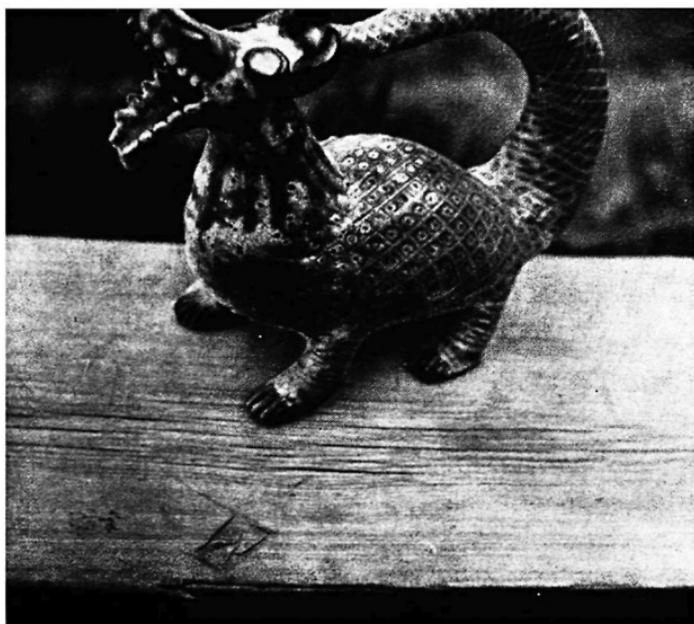
Ляган.

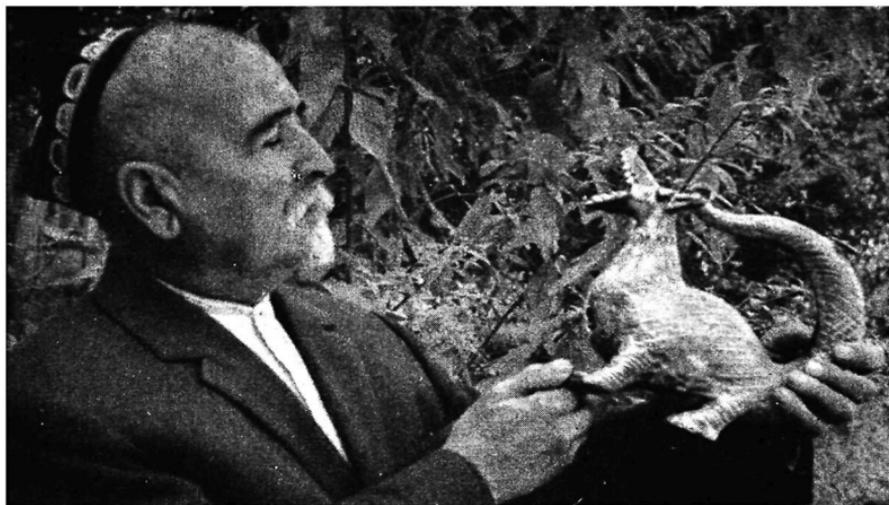
Хамро Рахимова.

Компания.

Дракон.

Усто Умар Джурукулов.

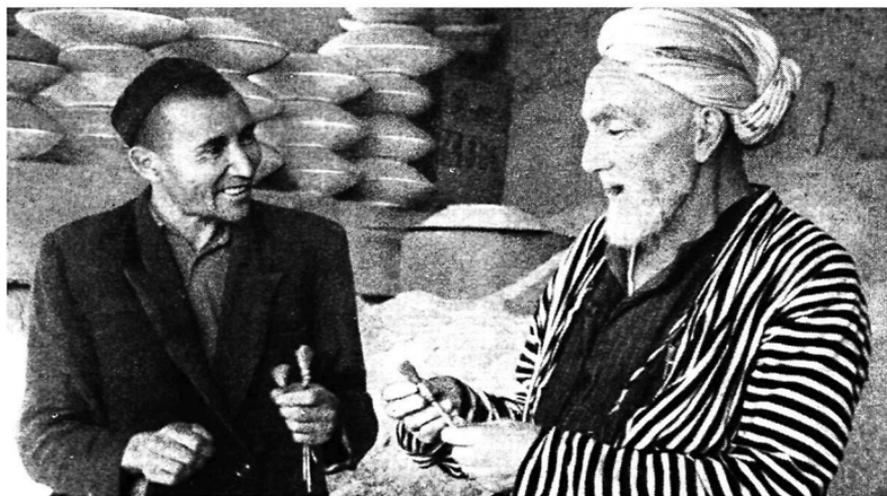
Гиждуванское блюдо.

Тандыр.

Учитель и ученик.

Старый мисгар из Хаджи-Ахрара.

Во дворе риштанского завода.

Отец Умаркула Джуракулова — усто Джуракул Кабилов славился тем, что мог делать огромные хумы, вмещающие 50—100 литров воды. Он и передал свое искусство формовщика сыну. Из рук Джуракулова выходят великолепные сосуды вертикальной формы: различные офтоба (кувшин для умывания), чойдиши. Очень изящны высокие тонкогорлые кувшины, в которых есть что-то хрупкое, птичье. Мастер усложняет конфигурацию своих изделий, приделывая к ним слепленные от руки фигурные носики и ручки, изображающие то соловья («буль-буль»), то попугая («тути»), то говорящую птицу — «жумри-сафид». Часто весь сосуд выполняется в форме утки или фантастического дракона «аждархо». Порой дракон бывает довольно большим, тогда он называется «аждархо-и-Калон».

Особенно удаются Джуракулову небольшие статуэтки-игрушки. В народном искусстве Узбекистана они занимают вообще довольно заметное место. Некогда на базарах, особенно на бухарском базаре, в праздничные дни продавались тысячи и тысячи ярко раскрашенных глиняных зверят, лошадок, птичек, всадников. Производством игрушек занимались целые кишлаки, один из которых нам еще предстоит посетить. Однажды, когда мы пришли в мастерскую Джуракулова, весь угол сушильни был заставлен хвостатыми бегемотами, похожими не то на зубастых собак («ит»), не то на сбегавшихся со всей округи дракончиков. Это было утомительно.

Умаркул Джуракулов — истинный мастер в этой области. Он заставлял своих зверей разевать пасти, в ярости откусывать хвосты, наделяет их глуповатым видом, делает лупоглазыми и забавными. Особенно хороши эти статуэтки, когда не покрыты они ни краской, ни глазурью. От них веет телесным теплом подсушенной глины.

Несколько лет назад из рук усто Умаркула Джуракулова выходили действительно красивые и редкие вещи. К мастеру пришла известность и все сопутствующие ей прелести. Он получил самое почетное в республике звание. В отличие от всех других кулолов, ему построили печь, дали несколько учеников и снабдили материалами. В довершение всего Джуракулова послали в Ригу, где познакомили с превосходно налаженным прибалтийским производством. В печати начали усердно поминать его имя.

Казалось бы, вот тут и наступит расцвет. А получилось наоборот. Вместо уникальных произведений из мастерской Джуракулова пошла стандартизованная массовка. Внеконкурентность поставила мастера в наимыгоднейшие условия. И вот скучные, маловыразительные изделия нынешнего Джуракулова и его учеников наводнили лотки и магазинчики, торгующие сувенирами в туристском Самарканде. Они несли на себе отпечаток былой славы Умаркула

Джуракулова, но в массе своей ничего общего с искусством прежнего Джуракулова не имели.

А то, что мастер съездил в Ригу, кроме вреда, ничего не принесло. Не восприняв местные особенности глубоко и серьезно, он вместе с тем во многом утратил первоизданную прелесть своих работ. И теперь задача для всех пишущих о нем: как доказать, что «рижский» период — новое достижение...

Навестив старого мастера, который готовил выставку к своему семидесятилетию, я поразился происшедшей в нем перемене. По тому, что было выставлено на его персональной выставке, можно судить, что мастер потерял чувство хорошего и плохого. Когда я начал фотографировать его собак и драконов, пренебрегая «рижскими» достижениями, он был заметно задет и обескуражен.

Провожая нас до ворот своего добротного дома, почтенный усто показал под забор, где среди осенних бодылей лежал старый гончарный круг. «За ним работало шестнадцать поколений», — произнес со значением Джуракулов, и было видно, он уверен, что эта фраза наверняка должна понравиться журналисту. Бедный старый чарх! И тут не к месту пришло на память, что виноград, который обильно поливают, хотя и дает много ягод с куста, но теряет вкус и сладость.

Два мастера Абдукарим Хазраткулов и Умаркул Джуракулов — две разные судьбы. Народное искусство нуждается в очень чуткой и вдумчивой опеке, для него одинаково губительны и холод равнодушия и парниковое тепло.

Не следует думать, что необходимо покровительствовать всем без исключения народным промыслам. Мы часто, принявшись за что-либо, начинаем тянуть и тянуть безрассудно. Народные промыслы всегда были утилитарны, теснейшим образом связывались с потребностями жизни. С изменением быта многое ушло и воскрешать его нет необходимости.

Я уверен, что за эти еретические слова на меня ополчатся поборники слепого покровительства ремеслам. Но не надо забывать, что их часто активно-шумливые хлопоты потрафляют лишь гурманам от искусства, ценителям редкостного. Ценители эти подчас бывают не очень разборчивы.

Гончарный промысел питается не только интересом к нему знатоков и любителей искусства. Потребность в изделиях гончаров не уменьшается. И здесь мы сталкиваемся не только с эстетическими требованиями, но и с обыкновеннейшей бытовой необходимостью. А вот чеканка по металлу отошла совсем. Ее начисто вытеснили фабричные изделия. Поэтому, лишенное жизненных соков, замирает

искусство некогда прославленных среднеазиатских чеканщиков и медников. И гальванизировать его было бы напрасно: это не объяснялось бы потребностями жизни. Такой промысел может существовать не как массовый, а только лишь как уникальный.

Написав это, я вспомнил нашу встречу со старым и великолепным мисгаром из Хаджи-Ахрара — предместья Самарканда. Мы ждали старика в тенистом саду, возле мазара. Здесь было тихо, и за ветками деревьев, опускавшимися к самому хаузу, почти не видно было лестрых стен мечети.

Когда усто Мулло Абдукарим Абдугафуров привел нас к себе домой и угостил лепешкой и приторно сладким, уже подсыхающим виноградом, я попросил его рассказать о себе и шестерых сыновьях, тоже чеканщиках. Как выяснилось, никто из них давно не брал в руки молоток и калам. «Наши подносы и чайники никому не нужны», — сказал умный старик, и в словах его я не почувствовал горечи.

То, что ушло, то — ушло! Но тем более энергично нужно помогать живому, имеющему право на внимание и заботу.

В керамике Самарканда издавна находили отражение влияния, пришедшие извне. Местные мастера подражали изделиям, привозимым, главным образом, из Шахрисябза, Ката-Кургана и Гиждувана, имевшим свою ярко выраженную характерность. Утром мы двинулись в Ката-Курган, рассчитывая, посетив его, к вечеру добраться до Гиждувана.

Во всех справочниках и монографиях, даже вышедших в самое последнее время, Ката-Курган называется крупным центром гончарного производства. Еще совсем недавно, искусствовед Л. Жадова застала здесь активно работающего мастера Асадулла Худайназарова.

Ката-курганская керамика обычно орнаментировалась способом «калами», то есть свободно расписывалась кистью. Полихромная роспись выполнялась на темно-коричневом или темно-красном фоне. Позже появился прием «чизма» — гравировка по ангобированному фону. Этот прием давал интересное сочетание строгого графического узора с пятнами свободной желто-зеленой заливки.

Так еще совсем недавно работал и Асадулла Худайназаров. Усто Асадулла — пожилой и больной человек. Вот уже несколько лет, как он отошел от дел, и теперь в его доме только и можно увидеть последние образцы истинно ката-курганской расписной посуды.

Усто Асадулла Худайназаров женат на внучке знаменитого Хидаят-баба, произведения которого хранятся в республиканском му-

зее. Уже старая женщина вынесла нам последнюю вещь деда, еще сохранившуюся в доме — высокую фигурную вазу-миску с четырьмя ручками. В таких раньше держали масло. Крышка не сохранилась, но и в таком, нецельном виде работа усто Хидаята производила очень приятное впечатление. Рисунок был в меру строг и в то же время довольно мягок. Здесь сочетались палевые, светло-кирпичные, темно-коричневые, изумрудные и сиренево-голубые тона. Все это цветное обилие объединялось чуть розоватым цветом ангоба. Прозрачная и чистая глазурь заставляла краски сверкать, несмотря на то, что этой глиняной вазой пользовались в быту уже более пятидесяти лет.

Ката-Курган славился не только керамикой. Он был известным центром и чеканки и ювелирного дела. Изделия местных мастеров ценились даже на больших самаркандских базарах. Теперь же потомки ката-курганских мисгаров превратились в обыкновенных жестянщиков, а ювелиры вообще перевелись.

В городе есть гончарная мастерская, но она выпускает, главным образом, простейшую бытовую керамику, а то немногое, что расписывается, ничего общего не имеет с ката-курганской художественной традицией. В мастерской работает несколько молодых кулолов, и если бы их труду дать нужное направление, гаснущий огонь мог бы снова вспыхнуть. Но нужно торопиться, пока живы еще немногие старые мастера, такие, как усто Асадулла — косагар и семидесятилетний усто Назрулла Шукуров.

Ката-Курган стоит на старой караванной дороге между Самаркандом и Бухарой. Мы выехали во второй половине дня. Скорее по привычке, чем по необходимости — осеннее солнце было не таким уж жарким — в узкой тополиной тени стоял серенький ишачонок. Ловя теньевую полоску, он, наверно, все время переступал, двигаясь, как стрелка на солнечных часах, нимало не обращая внимания на машины, пронсящие у самого его хвоста.

В стороне остался Навои — новый промышленный город. Его авангардом выглядела дышащая паром огромная ТЭЦ, работающая на природном бухарском газе. А дальше пошла Голодная степь. Вступая в нее, наш шофер по старой привычке долил в радиатор воды.

Бурая равнина очерчивалась по краю снежным узором гор, и не верилось, что в зной здесь можно было погибнуть от жажды. Как раз посредине этой пустыни, у самой дороги возвышается Рабат-и-Малик. Руины древнего караван-сарая и сейчас выглядят величаво. А некогда Рабат-и-Малик был надеждой и пристанищем всех пересекавших Голодную степь. На развалинах портала, только и ос-

тавшихся от комплекса строений, — панели прекрасной терракоты, а под недавно рухнувшим куполом — зеленая влага водоема.

Уже вечерело, когда мы приехали в Гиждуван.

В прошлом году в полумраке бухарской художры Сергея Николаевича Юренева меня поразила глубина цвета и блеск поливы собранной здесь керамики. Когда ты брал в руки синне-зеленую или красно-коричневую чашу, то пальцы прощупывали рельеф нанесенных пастоно, в несколько слоев красок, а толстый слой глазури придавал им глубину и внутреннее сияние. Недаром Юренев, протягивая мне одну из кос, сказал: «Мой Врубель!»

Гиждуван во все времена был признанным центром среднеазиатского керамического производства. Близость к Бухаре — священному мусульманскому городу, помимо высоких художественных достоинств гиждуванской керамики, освещала творческий авторитет местных мастеров. Через почитаемые места благородной Бухары проходили тысячи паломников, они разносили славу бухарских ремесленников далеко за ее пределы. Кроме того, изделия гиждуванских мастеров экспортировались в смежные города и пользовались всюду широким спросом.

Знатоки и ценители в старое время ставили гиждуванскую керамику на первое место, Ката-Курган — на второе, а Шахрисябз — на третье. Самарканд вообще не принимался в расчет. Между самаркандскими кузогарами и гиждуванскими художниками издавна зрела ревность.

Об этом соперничестве бытует в ремесленной среде предание, которое передал нам усто Усман Умаров.

«В Самарканде истари развивалось красильное дело и виноделие, для чего нужны были большие хумы. Поэтому в Самарканде было много умелых кузогаров, — начал свой рассказ мастер. — Но когда наступал праздник и в город со всех концов съезжались гости, гиждуванских косагаров-наккошей приглашали в дом первыми и, как самых почетных гостей, усаживали на лучшие места.

Кузогары терпели-терпели и обиделись. И в поисках справедливости пошли к хакому — правителю. Тот, не взявшись решить трудный спор, отправил их к казы — судье. Самаркандский казы не взялся решить спор и отправил жалобщиков к бухарскому главному духовному судье — казы-колону. А тот — к муфтию, знатоку законов. Такое трудное было дело. Спорщиков вызвали и спросили: «Что делают косагары?» И те ответили: «Блюда, косы, пиалы — все то, что украшает жизнь». А кузогары ответили: «Мы делаем хумы, офтоба — кувшины — то, что обычно держат за дверью».

И решили тогда мудрые судьи: косогары должны быть всюду первыми, потому что они украшают жизнь».

Рассказывая предание, утверждающее достоинство художника, усто Усман заметно волновался, и в волнении этом была видна гордость. Почтенному мастеру уже шестьдесят пять лет, чего не скажешь, глядя на его млажавое лицо с густо-черными бровями. Вдруг он вынул из кармана пластмассовый футляр для очков, но оказалось, что служит он старику всего лишь портсигаром.

Мы сидели в чайхане на самом берегу быстрого арыка Мирак. Когда пустел очередной чайник, Саид-ака без напоминаний ставил перед нами следующий. Это большое искусство быть хорошим чайханщиком, одно его присутствие создает уют обжитого места. Приятно, вернувшись из далекого путешествия, выпить чаю у старого друга. А Саид-ака здесь много лет, он шутит, что пропустил через свои громадные медные самовары больше воды, чем Фархадская ГЭС. У чайханщика безбородое мягкое лицо, и за это его дружелюбно зовут по-русски дядя Коля.

Чайный ритуал в Гиждуване особенный и освящен временем. Здесь разливающий пьет свою пиалу первым и лишь после этого угощает своих сотрапезников, начиная справа по кругу. Здесь все пьют из одного чайника и из одной пиалы. А, скажем, в Хорезме перед каждым ставят чайник и отдельную пиалу.

В Гиждуване выпекают и особенные лепешки, не такие, как в Самарканде. Здесь они тонкие и жестковатые, скорее похожие на пресные коржи. Оторвав край такой лепешки, удобно подобрать им, как ложкой, густой каймак — специально приготовленные сливки. Гиждуванский каймак тоже знаменит. Мы пили душистый чай, когда жена усто Усмана принесла из дома — он стоит рядом с чайханой на берегу арыка — целое блюдо только что поджаренных плоских пирожков, похожих на крымские чебуреки, но менее острых.

Наш гостеприимный хозяин Усман Умаров был «усто заде», что значит «потомственный мастер». Прославленный Мухаммед Садыков был его дедом. Он обучил внука сокровенным тайнам ремесла. Еще юношей усто Усман отформовал и расписал огромное блюдо, за которое его, по всем правилам цехового таинства, приняли в состав мастеров. По городу прошел шум удивления — ведь такой чести удостоился восемнадцатилетний мальчик. Это было в 1917 году.

За полстолетия талантливый мастер расписал столько блюд и чаш, что не сосчитать. Он научил своему высокому искусству множество учеников и среди них одного из самых способных,

своего пасынка Ибодулла Нарзуллаева. Усто Усман Умаров — со-кровищница знаний. Он знает все о керамике и может определить авторство того или иного кулота, прозревая неувлимые особенности в традиционной форме блюда или чаши. Опыт и искусство усто Усмана уникальны, они составляют государственную ценность наравне с высочайшими достижениями культуры. А между тем, полный сил, жизни, опыта и знаний усто Усман Умаров, прославленный гиждуванский наккош не работает. Уже давно из его рук не выходила ни одна красавица коса или блюдо-сказка. Усто Усману Умарову, как и Ибодулле Нарзуллаеву, в Гиждуване не дают нормально работать. Мощнейшая система Художественного фонда оказывается пока практически бессильной против районных помпадуров из финотдела.

И что же! Прославленный мастер, чьи произведения являются гордостью многих музеев и явились бы украшением любой международной выставки, лишен возможности заниматься своим искусством. Тайком, за забором, он вынужден лепить глиняные печи — тандыры, в которых в Узбекистане пекут лепешки. Стыдно! Это все равно, что тончайшего, филигранного ювелира заставлять ковать подковы и топоры. Это расточение народных ценностей!

Горько было уезжать из Гиждувана. Обидно и стыдно. Стыдно было ехать мимо разваливающегося гиждуванского медресе Улугбека; мимо Быткомбината, где в прошлом году сломали гончарную мастерскую и держат европейски знаменитого кулота Ибодулла Нарзуллаева на сорокарублевой ставке подсобного рабочего. Стыдно было ехать мимо селений Гадждумак, Гишти, Казакрабат, где были гончарные мастерские, а теперь — нет.

Стыдно было вспоминать Шахрисябз и дремлющего на солнышке Хазраткулова; стыдно было вспоминать Ката-Курган и усталого, больного Худайназарова; нестерпимо стыдно было за бездействие и пассивность перед Усманом Умаровым, который остался в досточтимом Гиждуване лепить из глины и бараньей шерсти тяжелые тандыры.

Стыдно!

СУДЬБА ШАХРИСЯБЗСКОГО БЛЮДА (Окончание)

Письмо Ленина.— Волшебница из кишлака Уба.— Ученик Балта Ваисова.— Улица фарфоровых чашек.— Делегат Международного конгресса.— Так должно быть!

Совет Министров Узбекистана недавно принял решение о восстановлении народных промыслов в Шахрисябзе и Гиждуване. Нужно, чтобы это благородное дело было проведено разумно.

Из предыдущего видно, как одинаково губительны для народных мастеров и забвение и излишняя опека. Описывая реальное положение дел в ряде традиционных ремесленных гнездовий, я вовсе не собирался сгущать краски—это ни к чему—нужно только объективно установить, с чем придется иметь дело. А то, если судить по книгам, юбилейным изданиям Ташкентского академического института, республиканским выставкам и прочее, все обстоит расчудесно, и нет особых оснований печалиться и тревожиться. Изредка только в периодической печати проскальзывают тревожные тени. В Палехе вон хлопочут о том, чтобы установить на домах, где работали старые мастера, мемориальные доски—хорошее дело, конечно, но не лучше ли позаботиться о народных умельцах, хранителях славных традиций, пока они еще живы, способны работать и учить молодых!

Нужно незамедлительно создать необходимые условия для рабо-

ты мастерам экстракласса, таким, как усто Абдукарим Хазраткулов в Шахрисябзе и усто Усман Умаров в Гиждуване. Регулярное появление произведений этих замечательных художников на республиканских и всесоюзных выставках немедленно окажет влияние на целые отрасли искусства. Рядом с образцами высокого художественного мастерства легче будет распознать шаблонный модерн, проникающий в декоративное искусство, и ремесленный характер поделок, выпускаемых порой предприятиями Художественного фонда. Произведения больших народных мастеров явятся своего рода эталоном истинно народного искусства.

Что нужно сделать для этого? Практически почти ничего. Нужно просто распорядиться: во-первых, чтобы местные, в данном случае, районные власти перестали чинить препятствия мастерам в выпуске изделий; во-вторых, чтобы салоны Художественного фонда принимали и продавали эти изделия; в-третьих, чтобы республиканский Союз оказывал почтеным старикам должное уважение и внимание, не парадное, а каждодневное. И все — ведь совсем же немного! А нужно сделать это немедленно.

Так можно и должно устроить судьбу старейших народных мастеров, своим творчеством представляющих целую национальную школу.

Есть еще одна категория народных умельцев. Еще в Ташкенте в дни, когда республика напряженно и радостно готовилась к своему сорокалетию, мне показали чудесную вазу, вырезанную из одного куска дерева. Она была сплошь покрыта тончайшей резьбой. А днем позже, когда я очарованный стоял в зале старого искусства перед традиционными восьмитранными и шеститранными столиками, проходивший мимо Борис Сергеевич Сергеев, энтузиаст и большой знаток старины, напомнил мне:

— Будете в Коканде, обязательно повидайте Кадыржана Хайдарова.

Неужели тот самый Хайдаров, резчик, который вместе с Курбаном Юнусовым в 1923 году послал красивый столик в подарок «Вождю народов Востока В. И. Ленину». Ведь те времена кажутся такими далекими, легендарными.

Вот ответное письмо, написанное по просьбе больного Ленина: «Товарищам Курбан Юнусову и Кадыржан Хайдарову.

Дорогие товарищи, Владимир Ильич поручил мне передать Вам его искреннюю благодарность за привет и подарок и пожелания успешной работы. Не сомневайтесь, что если бы Ильич был здоров, он охотно поговорил бы с Вами сам об условиях жизни и работы кустарей Туркестана. К сожалению, этот разговор придется

отложить до его выздоровления, которое, я надеюсь, не за го-рами.

С сердечным приветом к Вам, дорогие товарищи

Мария Ульянова.

23.X.23»*.

Свидание это не состоялось. Ленин умер.

С тех пор прошло четыре десятилетия. Каков же теперь усто Кадыр Хайдаров? Недавней работы ваза и то, что в музее — свидетельство необыкновенного расцвета его искусства.

Мы застали Кадыржана Хайдарова за верстаком: в углу дома прибита широкая доска, на которой резчик делает первоначальную грубую обработку заготовок. В доме много крепких, добротных табуреток, сразу понимаешь, что здесь привыкли обращаться с деревом.

Мастер показал нам свои немудреные инструменты — набор разной формы стамесочек, которыми он режет легкие и изящные орнаменты. Лучшие его произведения украшены глубокой четырехслойной резьбой, дающей красивую игру прозрачной светотени. Орнаменты Хайдарова сложны, но не запутанны и рождают впечатление спокойствия и гармонии.

Мы сидели в хайдаровском дворике, засаженном ровными рядами молодых тополей. Хозяева хлопотали, но не суетились, в укладе жизни чувствовалась привычная ровность. Было приятно смотреть на этого очень талантливого, тихого и скромного человека. В тяжелые годы войны Хайдаров, отложив в сторону свои хрупкие инструменты, взял в руки тяжелый топор и строил мосты в строительном батальоне. Он ничем не выделялся и не выделяется среди других. И это подчеркивает его особенную человеческую ценность.

Все лето в Бухаре и ее окрестностях работала польская кино-экспедиция. Здесь снимался фильм «Фараон». Полякам нужна была пустыня, и бухарские пески вполне заменили египетские, даже лучше — нашим друзьям не пришлось платить валюту за право съемки.

Гостиница была переполнена одетыми в хаки кинематографистами, и Юренев сбивался с ног от непрерывных экскурсий. Поэтому мы не удивились, когда, подъехав к домику Хамро Рахимовой в кишлаке Уба, застали хозяйку, еще возбужденную недавним визитом польских гостей.

* ЦГА УзССР, оп. № 1, фонд 25, е. х. 1466.

Кишлак Уба лежит чуть в стороне от дороги между Бухарой и Гиждуваном. Когда едешь в Уба из Бухары, грех миновать Вабкент, старинный город, известный своими базарами, гончарными промыслами и минаретом. Говорят, этот минарет строил ученик мастера, возводившего Большой бухарский минарет, и взялся он превзойти своего учителя. Когда же законченный вабкентский минарет оказался ниже, тщеславного ученика сбросили в наказание с его вершины. Вероятнее всего, это еще одно кровавое предание, порожденное гипнозом высоты.

Вабкентский минарет в сравнении с бухарским гораздо стройнее и словно бы гибче. Он сложен из тонких сдвоенных кирпичиков, перевязанных терракотовой вставкой, похожей на бантик. Над хрупкой, с небольшими вкраплениями голубого, шейкой минарета — резной фонарик.

Игрушки Хамро Рахимовой известны широко. Они удивительно наивны и простодушны: это обыкновенные глиняные свистульки, которые обязательно встретишь на всех базарах и на Украине, и в Белоруссии, и в Вятке, и в Ура-Тюбе. Точно такие игрушки-свистульки как ни в чем не бывало продолжают посвистывать, даже извлеченные археологами из-под тысячелетних напластований. Когда-то в кишлаке Уба зимой делали эти глиняные игрушки чуть ли не в каждом доме. Теперь известна одна Хамро Рахимова.

Когда мы уселись на темной кошме, мастерица начала вытаскивать откуда-то из угла, из-под груды тряпок свои пестро раскрашенные статуэтки. Именно статуэтки, потому что каждая игрушка обладает своей индивидуальной пластикой. И это несмотря на то, что делаются они из поколения в поколение по устоявшимся и освященным памятью образцам.

Здесь была лошадка, оседланная всадником, или степным воробьем, или птицей-удодом с витыми бараньими рожками. Здесь был лев, которого ни в жизнь не видели в Бухаре, а потому и изображается он с круто задранным хвостом, торчащими ушами и вытянутой вперед эдакой «львиной» лапью. Есть игрушки четырехногие, а есть одноножки — якпя. Это и львенок — шербача, и пупишак — удод, и гульчумгур — степной воробышек.

Свистульки пестры и забавны. Розово-малиновые полоски чередуются с черными полосками и точками, много светло-желтого цвета. Красится обычно верхняя часть статуэтки, брюшко и ножки статуэток остаются серенькими или белыми — цвета натуральной обожженной глинки. Это умелое использование при раскраске естественного цвета материала характерно для народной керамики.

Игрушки Рахимовой мажорны. В них определенно есть что-то

радостное, что не назовешь даже оптимизмом — словом ученым, настолько в радости этой много житейского простодушия и прямоты.

Я умышленно долго прицеливался фотографировать Хамро Рахимову среди ее глиняного зверинца, а сам с удовольствием наблюдал, как оживленно, весело рассказывала она что-то моим спутникам, как заразительно смеялась эта шестидесятитрехлетняя искусница.

Научившись мастерству у своей бабушки Шамси-биби и получив от нее «фатиху» (устное признание наставником зрелости ученика), Хамро работает уже больше сорока лет. Сорок лет она лепит из местной глины своих умопомрачительных львов, лошадок и пупишаков, затем обжигает их во дворе в обыкновенном тандыре — маленькой глиняной печке и раскрашивает тремя красками, разведенными на урючном клее.

Мы все посмотрели: и игрушки, и краски, потрогали руками тандыр. Налюбовались старой мастерицей, пока она показывала нам свое немудреное хозяйство и со всем семейством провожала по утонувшей в пухлой пыли зеленой улице кишлака.

Здесь, как и в доме Кадыра Хайдарова, было все гармонично. И как опасно было бы вмешаться в установившийся уклад жизни этих людей, нарушить неосторожным и неуместным советом или пожеланием сложившиеся органические формы их искусства. Для художников этого типа важно, чтобы все оставалось, как есть. В неповторимости их уникальная ценность.

Можно было бы одним махом погубить все то, что накопили поколения трудолюбивых ремесленников и что донесли до нас в своем творчестве последние их посланцы. Пусть работают щедро и обильно, делая изысканные в своем простодушии вещи на радость людям. Вся забота о художниках, подобных Кадыру Хайдарову и Хамро Рахимовой, должна сводиться к тому, чтобы обереечь этих мастеров от чужеродных влияний и вмешательств, которые могли бы только сбить их с толку.

Но есть другая категория народных мастеров, которым прямо необходима работа в большом коллективе. Таков, например, гиждуванский кулол, ученик Усмана Умарова — усто Ибодулла Нарзуллаев. Мастер, в чьем творчестве великолепно проявились черты гиждуванской школы, мог бы отлично возглавить небольшой творческий коллектив, ибо он обладает необходимой для этого энергией и организаторскими возможностями. Вокруг усто Ибодуллы создалась бы творческая среда, которая смогла бы благотворно влиять на его подвижную и восприимчивую натуру, и в то же

время его искусство и опыт могли бы явиться для многих непосредственным практическим примером.

Трудно сказать, какая форма взаимодействия ведущего мастера с помощниками, учениками и всем коллективом может оказаться наилучшей. Эту форму нужно поискать; во всяком случае, в ее основу должно быть положено не производственное, а творческое начало.

Сейчас ведущие мастера (те, что еще работают) входят в систему быткомбинатов, где, вполне естественно, заняты только выполнением производственного плана, гонят массовку, ничуть не заботясь о художественном качестве изделий. Художественность здесь даже мешает, так как она усложняет производство. Где уж тут требовать сохранения и развития национальных традиций!

Добравшись до Хорезма, северной приаральской области Узбекистана, мы тут же бросились разыскивать знаменитую местную сине-голубую керамику. Предание гласит, что некогда в кишлак Ханки съехались кулолы из Хивы и Куня-Ургенча и здесь обосновались. В самом кишлаке, превратившемся теперь в небольшой городок, керамистов не оказалось, но они работали неподалеку, в соседнем селении. После довольно сложных поисков, и то только благодаря энергичным расспросам местного шофера такси, видимо, заинтересовавшегося странноватыми путешественниками, мы добрались, наконец, до цели.

Уже во дворе керамической мастерской, огороженном высоким глинобитным дувалом, начали попадаться черепки, покрытые строгим кобальтовым узором, проложенным по палевому фону. Когда, познакомившись с несколькими молодыми людьми, формовавшими посуду, мы посмотрели имевшуюся на складе готовую продукцию, нас порадовал сравнительно высокий для массовки художественный уровень. Чувствовалось остаточное влияние традиционной школы.

В прошлом веке в Ханки работал усто Ваис-кулол. Хивинский дворец и монументальные постройки времен Исфандияр-хана облицованы керамикой ханкинского гончара. Знаменитый Балта Ваисов учился с детства у своего отца и в двадцать лет, получив разрешение на самостоятельную работу, определил своим творчеством расцвет хивинской керамики.

Для нее характерна сине-белая гамма, иногда подцвеченная зеленым. На светлом фоне белого ангоба четко выделяется графический узор. Примечательна форма хорезмийского блюда — «бодня». Это скорее блюдо-чаша, углубленное, на плоской широкой ножке, с почти вертикально поставленными довольно высокими бортика-

ми. Бодия пластична и весома, она красива не только сверху, выразителен и ее профильный силуэт.

Разговаривая с нами, мастера не прекращали работать. Они формовали блюда. Первый из кулолов закреплял на гончарном круге мягкий и блестящий комок тщательно отмятой глины и, прижимая его ладонями, вытягивал вверх. Затем, нажимая большими пальцами на вершину быстро вращающегося глиняного цилиндра, он вдавливал ее, превращая столб глины в плоскую чашу. Потом, пользуясь несложными инструментами, но больше всего рукой, придавал чаше традиционную форму, акцентируя переходы от днища к отвесному бортику. Когда бодия отформована, ножка ее подрезается, а затем от того же куска глины формируется следующая чаша.

После формовки блюда слегка подсушиваются в тени, скорее проявляются на ветерке и поступают ко второму мастеру. Он обрабатывает чашу уже не с внутренней, а с наружной стороны. Этот процесс очень важен и ответствен, потому что именно в Хорезме ценится не только роспись изделия, но и его чистая, выразительная форма. Гончар ставит на станок бодию ножкой кверху и, вращая круг, срезает лишнюю глину, утоньшая черепок, окончательно отработывая силуэт ножки. На этом заканчивается формовка.

Только после настойчивых расспросов молодые гончары назвали нам имя своего учителя — Рахимберды Маджанова. Это имя оказалось новым не только для меня, но и для Рахимова, знающего вроде бы все, что касается узбекской керамики. Имя Маджанова не упоминалось ни в одной из последних работ, посвященных керамике этих мест. А между тем, именно он был учеником усто Балта Вансова.

Усто Рахимберды Маджанова в мастерской не оказалось, и мы, руководимые его учеником великаном Саидом Атабаевым, отправились блуждать по кишлаку в его поисках. Когда, наконец, отыскав хозяина, мы вошли в глиняный деревенский домик, где на полу лежали красивые кошмы, а на стене висел дутар, усто Рахимберды, оказавшийся подвижным шестидесятилетним человеком, принес вдруг откуда-то три совершенно изумительные бодии.

Сравнительно хорошее качество выпускавшейся в мастерской массовой керамики уже заставило меня ожидать чего-то интересного. Но это было превосходно!

Большие блюда оказались разной формы, вернее, в основе форма оставалась одной и той же, но чуть заметные ее вариации придавали изделиям индивидуальность. Самое большое и глубокое

блюдо было расписано строгим одноцветным темно-синим узором. Несмотря на то, что узор покрывал сплошь всю поверхность, оставалось ощущение легкости, так как белого все равно было больше.

На втором блюде преобладали плоскости сплошной синей и изумрудно-зеленой заливки. Казалось, что глубокая чаша не пуста, а наполнена вынутыми из воды цветными камнями. Это ощущение усиливалось блеском прозрачной, чистой и ровной глазури. Черепок всюду был удивительно тонок и звонок, казалось, что он напряжен и вибрирует в руке.

Мы с восхищением смотрели на Маджанова, записывая в блокноты все, что бы он нам ни говорил — таково обаяние и власть истинного таланта. Нам повезло, оказывается, эти три бодии мастер сделал специально для хивинского музея. А так он, наряду со своими учениками, день за днем «гонит» массовку, выбивая план. Это и хорошо и очень плохо одновременно. Хорошо потому, что присутствие в производственной среде большого мастера подтягивает молодых гончаров, не позволяет им распускаться, заставляет держать довольно высокий уровень качества средних изделий. Но плохо то, что потомственный мастер, занимаясь производственной работой, создает творческие вещи от случая к случаю, все реже и реже.

Нельзя ли примирить два этих начала? Почему бы не создать бесспорно выдающемуся художнику необходимые условия для творчества, в то же время не вырывая его из производственного коллектива? Нет сомнения, что это дало бы двойной результат: во-первых, художественные собрания республики и страны получили бы уникальные произведения народного искусства, а, во-вторых, на реликтовом керамическом производстве не замирала бы традиция, было бы кому подражать, к чему стремиться молодым мастерам. Гончарство из ремесла снова начало бы превращаться в искусство, «украшающее жизнь».

Вероятно, эту творческую перестройку трудно произвести, пока керамическое производство находится в ведении быткомбинатов. Но тем незамедлительнее Союз художников должен озаботиться подобным положением дел. А то, как оказалось, талантливейший керамист, потомственный мастер Рахимберды Маджанов — даже не член Союза художников!

Если еще трудно победить косность в чужой системе, то решение творческой проблемы должно осуществляться на собственных предприятиях Художественного фонда. Недавно в Художественный фонд был передан керамический завод в Риштане.

Риштан — прославленное гнездо среднеазиатского гончарства.

Некоторые исследователи полагают, что именно риштанская керамика лежит у истоков среднеазиатского гончарного промысла. Во всяком случае, сами риштанские кулолы ведут счет своих поколений с XVI века. В ремесленной среде есть предание, что сам Бахауддин Накшбанди, духовный вождь и покровитель гончаров, повелел им переселиться в Сохиби-Хидоя и построить там мечеть. От этих мастеров будто бы и пошли риштанские кулолы.

Только в музее теперь можно разыскать произведения славных гончаров Риштана, таких, как усто Абдулла, усто Бобо Вайниязматов, трудившихся в прошлом столетии; или более молодых, отделенных от нашего времени всего одним поколением; или просто наших современников, таких, как усто Узакбай Ширматов, усто Муса Исмаилов.

Сине-голубая или зелено-голубая традиционная риштанская посуда легко узнается. Ее отличают прозрачность и яркость глазури, чистота узора, мягкость красок.

В процессе изготовления керамики важнейшее место занимает момент глазурования, следующий после росписи. От качества глазури, от ее состава зависит не только яркость красок, общий колорит изделия, но и утилитарная прочность посуды. Знаменитые риштанские чаши и блюда покрывались раньше «ишкоровой» глазурью, бесцветной, стекловидной, совершенно прозрачной и сверкающей. Ишкор добывался из золы сожженных корневищ растений. Эти растения собирали в горах осенью и заготавливали ишкор впрок.

Теперь, упрощая дело, стали пользоваться свинцовой глазурью или материалами промышленного изготовления. Это немедленно сказалось утратой специфических особенностей риштанской керамики. Она стала до ужаса похожа на худшие образцы того, что изготовлялось на фабрике в Ташкенте.

Риштанский керамический завод выпускает в месяц около сорока тысяч различных изделий. Практическая потребность в глиняной посуде среди населения очень велика. Красивое расписное блюдо украшает стол, его толстые стенки хорошо хранят тепло и плов, поданный на глиняном блюде, ей-богу, куда как вкусен!

Перейдя недавно в систему Художественного фонда, завод сохраняет еще инерцию увлечения лишь производственными показателями, но нет сомнения, что здесь предстоят существенные преобразования.

И это тем более легко сделать, что еще очень свежа здесь память о недавней славе Риштана, еще живы и могли бы успешно творить такие великолепные мастера, как усто Муса Исмаилов.

Улица фарфоровых чашек.

Возле дома.

В гостях у уста Кадыржана Хайдарова.

Кадыржан Хайдаров вместе с Курбаном Юнусовым в 1923 году послали красивый резной столик в подарок «Вождю народов Востока В. И. Ленину».

По просьбе больного Владимира Ильича народным мастерам ответила Мария Ильинична Ульянова:

«Товарищам Курбан Юнусову и Кадыржан Хайдарову.

Дорогие товарищи, Владимир Ильич поручил мне передать Вам его искреннюю благодарность за привет и подарок и пожелание успешной работы. Не сомневайтесь, что если бы Ильич был здоров, он охотно поговорил бы с Вами сам об условиях жизни и работы детства отложить до его выздоровления, которое, я надеюсь, не за горами.

*С сердечным приветом к Вам, дорогие товарищи,
Мария Ульянова*

Птица Анко приносит счастье.

В Ката-Кургане.

Гиждуванские мастерицы.

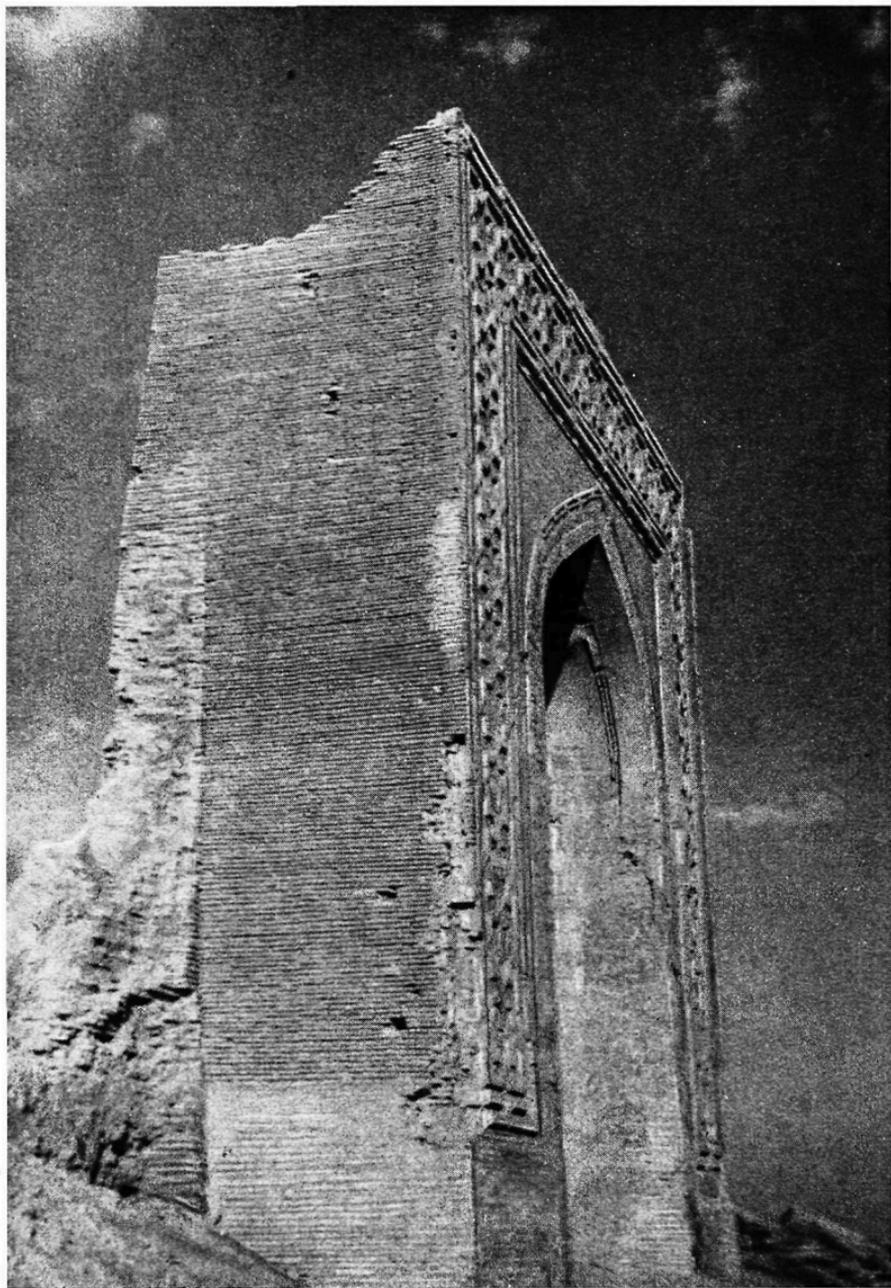

Хороший палас.

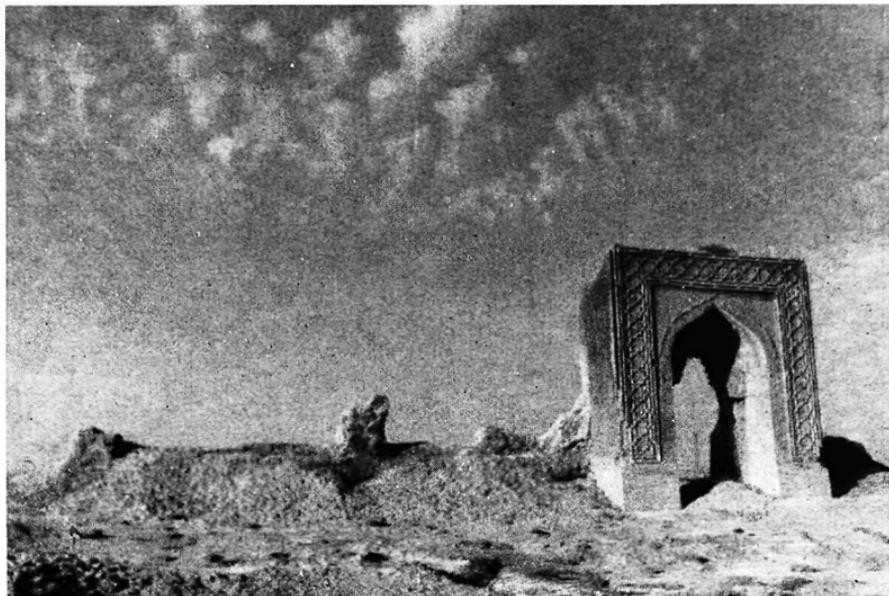

Лавочки медников.

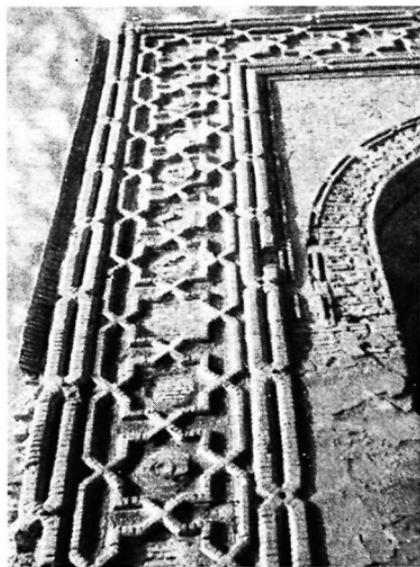

Древний караван-сарай.

Среди пустыни.

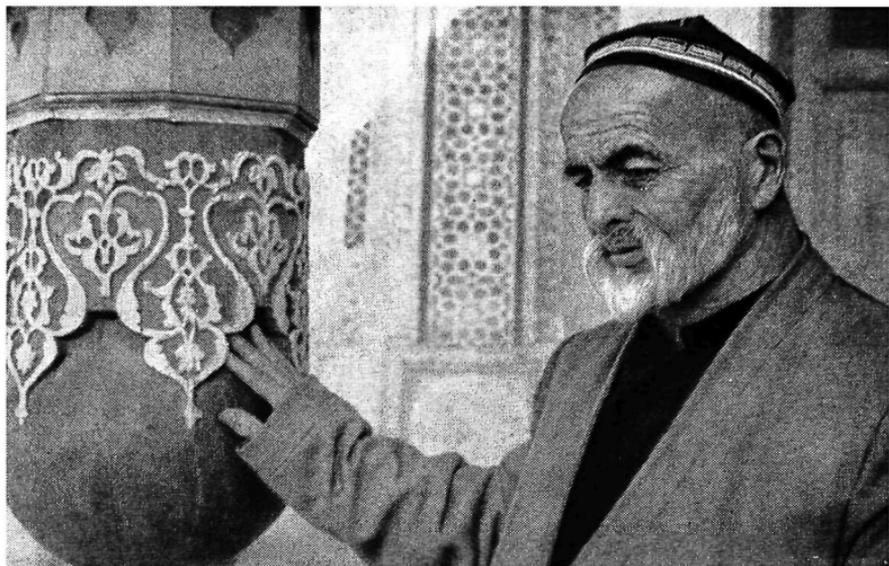
Деталь портала.

Усто Муса Исмаилов.

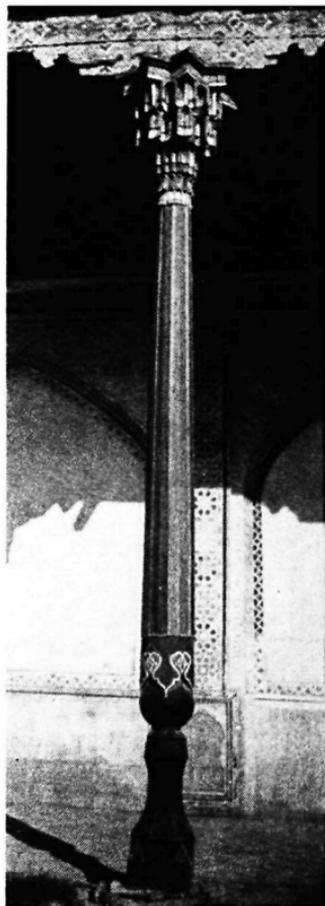
Риштанская керамика.

Усто Наркузиев.

Дворец Худояр-хана в Коканде.

Красавица.

Было еще совсем темно, когда мы приехали в Коканд. Как утренние зеленоватые звездочки, на площади светились огоньки такси.

Осенние дни были сухие и солнечные. Город слегка пах нагретым тополем, а над крышами домов поднимались груды высушенных ветром стеблей, заготовленных на зиму.

К воротам дворца Худояр-хана, построенного на месте старой урды, нужно подниматься по отлогому, но довольно длинному каменному пандусу. Вправо и влево открываются стены дворца, сплошь покрытые сине-голубыми изразцами. В центральной нише укреплены полотнища деревянных резных ворот необычайно тонкой работы.

Усто Муса живет на зеленой и тихой окраинной улице Чинигаров — улице фарфоровых чашек. Так называлась эта улица потому, что на ней было сто тридцать гончарных мастерских. Сто тридцать! Гончарные печи еще совсем недавно существовали в домах потомственных мастеров, но в 1948—1950 годах печи были разрушены, а все мастера были собраны в артель. И немедленно потерялось индивидуальное своеобразие работ, стерлось творческое очарование. Артель начала гнать ширпотреб, унылую и невыразительную массовку. Эта инерция сохранилась пока и на заводе.

Я привез от усто Мусы блюдо, сделанное в 1952 году. Увидев это блюдо, даже Рахимов искренне восхитился и принялся тут же набрасывать для памяти его орнамент. Ляган был сложного зеленовато-синего цвета, цвета старой зеленой бирюзы, или выгоревших на солнце незабудок. По этому фону проложен синий узор, состоящий из ритмично повторяющихся мохнатых веточек с сочным цветком на конце каждой. По бортику идет широкая, насыщенная цветом кайма. Удивительно хорошо!

Работая на заводе, Муса Исмаилов выпускает несколько сот изделий в месяц. Хорошо бы сделать так, чтобы этот искусный мастер мог отдавать свои силы и умение не только производству, но прежде всего творчеству. Нужно, чтобы у него была индивидуальная мастерская, печь для обжига и чтобы при этом не терялась практическая связь с заводом.

Мы ехали из Риштана по шоссе, вдоль которого на деревьях висели ящички, обтянутые красной материей, в них прохожие собирали оброненные с машин пряди хлопка. Уже вечерело, и в долине начали отчетливей проступать силуэты деревьев — высокие треугольники тополей и ровные круги карагача. Где-то далеко, как спичка в темноте, ровно светилось большое желтое пламя. По дороге гнали стадо, и от света фар у встречных баранов глаза горели зловещим волчьим блеском.

Мухитдин Каримович вез меня в гости к своему сыну — геологу. Уютно было в маленьком коттедже с газовой плитой. Приятно было смотреть, как облепили деда пришедшие из садика внуки. Вкусно было жаркое из барсука, определенно напомнившее жареного гуся.

Когда я говорил о гиждуванце Ибодулла Нарзуллаеве, о ханкине Рахимберды Маджанове или о риштанце Муса Исмаилове, я все время думал о Мухитдине Каримовиче Рахимове. Мне казалось, что это тот идеал художника, связанного с производством, к которому все эти одаренные люди могут и должны стремиться.

Народный художник республики, кандидат искусствоведческих

наук Мухитдин Рахимов — потомственный кулол. Он учился у своего деда и дяди, известных ташкентских косагаров. Учение — дело долгое и тщательное. Однажды Мухид Каримович рассказал мне старую присказку: «Легендарный кулол Бахауддин дал разрешение своему ученику, проучившемуся у него шестнадцать лет, на самостоятельное мастерство. Но тот вскоре пришел к учителю и спросил, почему на его чашах после обжига шелушится глазурь. Бахауддин внимательно осмотрел испорченную чашу и сказал:

— Я открою тебе секрет твоей неудачи, но после этого тебе придется снова проучиться шестнадцать лет. Согласен ли ты на это?

— Согласен, учитель!

— Перед тем, как наносить глазурь, ты забыл сделать так, — сказал старый мастер и, сняв с полки просыхавшую там косу, дул с нее пыль.

Просты секреты ремесла, но требуют они прилежания, и их обманчивая простота выработалась в результате гигантского практического опыта поколений!

После революции, когда многое стало доступно, Мухитдин Рахимов продолжал учиться. Он поступил на керамическое отделение художественно-кустарной школы Туркеспублики и учился у усто Турапа Миралиева. Затем — экспериментальный Московский силикатный институт и Ленинградский керамический институт... Практика на заводах имени Коминтерна и имени Ломоносова. А потом работа. У станка, за книгами, в музеях.

Это здорово, когда мастер обладает обширными познаниями в теории! Это здорово, когда теоретик может мастерить своими руками!

Мухид Каримович любит рано вставать. Летом часа в четыре. Чтобы не мешать своим, он спит в небольшом домике в глубине сада, рядом с мастерской. А в мастерской все тот же гончарный круг — чарх, и на полках подсыхают отформованные и расписанные ляганы, косы, пиалы.

Форма и роспись изделий Рахимова традиционны: легко узнается терракотовый Афросиаб, огненно-рыжий Шахрисябз, темно-коричневый с белым Ката-Курган, глухо-зеленый Гиждуван. Традиционны и узоры, то нанесенные по разным ангобам широкой кистью, то процарапанные, то оконтуренные темным. Прекрасное знание традиционных мотивов и техники помогает мастеру либо точно следовать установленным образцам, либо слегка варьировать их, добиваясь новой комбинации деталей при постоянстве целого.

Даже во время нашей поездки Рахимов все время пытливо при-

смастривался к опыту разных мастеров. Он увез из Шахриябза простенькие кисти, в Туркмении его привлекла форма стройной терракотовой вазы, Муса Исмаилов охотно разъяснял ему рецептуру редкой глазури. Рахимов обращался к источнику народного творчества, и тот щедро одаривал его опытом, умением, красотой. Не правда ли, так всегда делали большие мастера, чье искусство стало выражением народного духа?

Но было бы неверным считать, что Рахимов ограничивается собиранием и воспроизведением старых мотивов. Напротив. Его искусство удивительно современно. Работы Рахимова сразу же узнаешь, они несут на себе отпечаток ярко выраженной творческой индивидуальности.

В произведениях Рахимова счастливо соединились большая техническая культура, глубокое знание национального искусства и чувство красоты. Вот почему работами Рахимова хочется не только любоваться как уникальными памятниками прошлого, но хочется иметь возможность пользоваться ими в быту. Вот почему, скажем, Аэрофлот так охотно заказывает Рахимову кофейные приборы, и не как сувениры, а для того, чтобы хорошенькие стюардессы могли подавать в них кофе в салонах ультрасовременных реактивных лайнеров. А между тем, в орнаментике этого «субвысотного» кофейника использованы мотивы древнего Афросиаба.

Мухид Каримович недавно подытожил свой многолетний опыт в книге о художественной керамике Узбекистана. Эта энциклопедически полная книга была засчитана ученому в качестве кандидатской диссертации. Но, работая в Академии наук, Рахимов в равной мере работает и на Ташкентском керамическом заводе.

Мастерская Мухида Каримовича в двух шагах от завода, и он относит туда обжигать свои изящные блюда и пиалы. Одно присутствие большого мастера в производственных цехах, несомненно, благотворно. Это особенно важно сейчас, когда, перейдя в Художественный фонд, Ташкентский керамический завод в корне меняет характер своей работы. Еще несколько лет назад завод выпускал безвкусные аляповатые изделия. Сейчас уже утверждено несколько десятков образцов керамики, подготовленных Рахимовым, и завод на глазах преобразуется. Хорошо было смотреть, как из вскрытой печи рабочие вынимали сверкающие поливой изысканные по форме и росписи блюда и чаши, в орнаментальных мотивах которых чувствовалась многовековая культура народа.

Поэтому так естественно прозвучало выступление Мухида Каримовича Рахимова в августе 1964 года в Москве на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов. Говоря о народных

традициях в современной художественной керамике Узбекистана, потомственный кулол, известный художник и ученый не ограничился одними добрыми пожеланиями и ссылками на прошлое, а смог показать ученым мира великолепные произведения своих рук, в которых органически смешались крепкая закваска Древних традиций и живое дыхание современности. Терракотовые, зелено-голубые, раскаленно-бурые блюда и чаши, расписанные тонко и внимательно, очаровали ученых мира и явились лучшим утверждением животворности подлинно народного искусства.

Разумеется, творчество Рахимова, сочетающего в себе знания теоретика, талантливость художника и искусность мастера — явление уникальное. Но именно таким в идеале должен быть современный народный мастер. И хотелось бы видеть Ибодулла Нарзуллаева, Рахимберды Маджанова, Мусу Исмаилова практически поставленными в условия, когда могло бы снова расцвести их личное творчество, оказывая тем самым оздоровляющее влияние на связанные с ними производственные предприятия. И тогда само собой восстановился бы локально-местный характер традиционных художественных школ. И не был бы, скажем, Риштан похож на плохие образцы Ташкента.

И перестали бы тогда мыкаться среди трех сосен, не зная кому подражать, у кого учиться и что вообще делать, способные молодые керамисты, которых, к великому счастью, достаточно и в Риштане, и в Китабе, и в Шахрисябзе, и в Самарканде, и в Ханки, и в Хиве. Всюду есть!

И решила бы тогда, говоря фигурально, судьба шахрисябзского блюда, которая сегодня выглядит трагически.

Со времени нашего путешествия прошло три года. За этот период многое изменилось. И в хорошую и в плохую сторону.

Так, если усто Джуракулол, видимо, где-то глубоко в душе переживший творческие неудачи последних лет, создал ряд интереснейших произведений в старой своей манере и успешно подвинул к этому талантливых своих учеников, если Союз художников делает героические усилия для упорядочения работы с народными мастерами и уже добился в этом некоторых успехов, то в то же время, скажем, вместо заботливой перестройки работы Риштанского керамического завода Художественный фонд республики нашел возможным передать его в другую систему.

Таким образом, снова задумавшись над судьбой шахрисябзского блюда, я увидел, что многие из поставленных вопросов все еще не устарели и настоятельно требуют своего разрешения.

Законы вежливости.— Росписи кокандского дворца.— Парадный выход.— День Худояр-хана.— Брачный ритуал.— Развлечения.— Скоморохи.— Наука «фирасат».— Правила хорошего тона.— Той.

Было еще совсем темно, когда мы приехали в Коканд. Как утренние зеленоватые звездочки, на площади светились огоньки такси. Ехать в дом было еще рано, и мы с Рахимовым приютились тут же, возле вокзала, в еще закрытой чайхане. Из садика раздалось негромкое бормотание муллы, свершавшего ранний намаз — два раката до восхода солнца, два — после. Потом тени разошлись — наступило утро.

Двери в доме усто Саид Махмуда Норкузиева были широко открыты: в час перед намазом с улицы проникают в дом благодать и добрые пожелания. То была обычная узкая и немощеная улица, длинный глиняный коридор. Но она называлась улицей Репина. Здесь жил знаменитый кокандский наккош, и старый узбек попросил в горсовете назвать его улицу именем великого русского усто.

Несмотря на то что двери были открыты настежь, Рахимов, не входя во двор, громко постучал в ворота, а потом вполголоса начал выкликать хозяина. Правила приличия не разрешают постороннему переступать порог без приглашения. Входя во двор, ты

попадаешь только в наружную часть дома — ташкари, но все равно твой приход не должен быть ни для кого неожиданным.

В старину правила приличия на востоке строго регламентировались. Были даже специальные книги, толкующие взаимоотношения мусульман между собой и с иноверцами. Но если внимательно просмотришь эти подробные книги, то поймешь, что в основе всех пожеланий и рекомендаций лежат умеренность, доброжелательность и предупредительность к другому, деликатность.

Мусульмане обязаны были приветствовать друг друга (отдавать салам) и отвечать на приветствие (джубаб). Ответить на приветствие нужно обязательно, и потому дотошная инструкция указывает одиннадцать случаев, когда следует воздержаться от приветствия. Не следует здороваться, например, с тем, кто находится в уборной, с мужем, отправляющим супружеские обязанности, с жующим, со спящим, с азанчи, возглашающим азан и т. д. Не правда ли, уместные советы?

Приветствовать нужно друг друга, соблюдая чувство собственного достоинства: богатому лучше поздороваться первому, конный должен приветствовать пешего. В приветствии не должно быть заискивания и корысти. Так, лучше совсем не приветствовать красивую женщину, а здороваться можно только с некрасивой. Но это значит показать женщине, что она непривлекательна, обидеть ее. Так лучше вообще не здороваться с женщинами — следует из положения мусульманское руководство вежливости.

Если ты выходишь из дому, то не торопись, делай шаги средней величины, не толкайся, не наступай на следы идущего впереди. Помни наставление Корана: «Торопливость есть свойство дьявола!»

Если на дороге лежит камень или острая колючка, убери ее — да будет путь идущего чистым...

Несколько лет назад вышла книга о творчестве саида Махмуда Норкузиева, где собраны созданные им удивительные орнаменты. Сейчас усто Норкузиев уже стар, у него семнадцать внуков и семь правнуков. Но старый художник продолжает работать вместе с сыновьями. Более того, отходя от традиционной орнаменталистики, мастер написал несколько урбанистических пейзажей, отмеченных непосредственностью видения.

Традиционных росписей теперь делается мало. Молодые мастера стали забывать национальные мотивы, и, задумавшись над этим, усто Норкузиев решил зарисовать на отдельных листах элементы старинного узора. Перебирая громадную пачку листов, поражаешься щедрости художественной фантазии народа. Каждый узор имеет свое название. Кокандские росписи не дробны, не из-

мельчены. В них крупные плоскости цветовой заливки сочетаются с растительными мотивами. Много зеленого и красного, обильно вводится в рисунок золото.

Однако воспроизведенные на отдельном листе узоры производят меньшее впечатление, чем в интерьере, на плоскости стены или на потолке. Усто Норкузиев принимал участие в реставрации ханского дворца. Когдаходишь в его небольшие и довольно низкие комнаты, над тобой волшебным ковром горят и переливаются яркие росписи. В них, пожалуй, больше грубоватого простодушия, чем изысканности и изощренности, ожидаемой в ханском дворце. Но в этом и заключена их прелесть — это искусство простонародья с его непосредственным и радостным ощущением полноты жизни.

Осенние дни были сухие и солнечные. Город слегка пах нагретым тополем, а над крышами домов поднимались груды высушенных ветром стеблей, заготовленных на зиму.

Мы пили чай в чайхане при базаре. Со всех сторон неслись звуки молотков: то жестянщики в своих лавочках били по черным листам — будут трубы для печек, по белым — будут чайники, подносы и лейки. В Фергане раньше не было фарфоровых чайников. Чай здесь заваривали в небольших медных кувшинах — чойдишах. Чеканщики покрывали их изысканной чеканкой, в которую вплетались и сделанные по-арабски надписи и имена мастеров и владельцев чойдиша. Сейчас искусство чеканки по меди полностью выродилось, но пристрастие к металлическим чайникам сохранилось, и на базаре продаются гирлянды самодельных чойдишей, сделанных из белой жести и утративших традиционную форму.

В городе остался лишь один чеканщик — Лятфулло Пазылов. Его дед мулло Атауллаев Мухаммед Раджабов, увлекшись искусством чеканки, оставил бухарское медресе и стал придворным мастером при Худояр-хане. Усто Атауллаев чеканил печати, украшал сабли и пушки игрушечной армии кокандского хана. Через своего отца Пазыл мулло Атауллаева искусство деда унаследовал и усто Лятфулло, которому сейчас уже шестьдесят пять лет. Потомственный чеканщик работает немного. Из-за отсутствия материала ему приходится покрывать узором грубую посуду из серого сплава, которая продается в скобяных магазинах. И вряд ли удастся возродить высокое искусство чеканки по меди, потому что медная посуда ушла из обихода, а никогда не удастся воскресить искусство, утратившее практическую связь с жизнью.

Вокруг дворца Худояр-хана, в котором сейчас разместился городской музей, и пристроенных к нему старых гарнизонных казарм, через весь большой и тенистый парк прошла детская желез-

ная дорога. Вдоль аллей горели костры, тянуло горьковатым дымком — жгли желтые листья больших акаций и серебристых тополей.

К воротам ханского дворца нужно подняться по отлогому, но довольно длинному каменному пандусу. Пока ты идешь по нему, вправо и влево открываются стены дворца, сплошь покрытые синеголубыми изразцами. В центральной нише укреплены полотнища деревянных резных ворот необычайно тонкой работы.

Худояр-хан построил свой новый дворец на месте старой урды, где были зарезаны его отец и старший брат. Страх всю жизнь преследовал хана, и он редко выезжал за стены своего дворца-крепости. Парадные выезды происходили лишь по случаю посещения Мечети-и-Джами. Тогда гарнизон празднично принаряжался. Рыжебородый и коренастый, Худояр-хан выходил в темно-зеленом халате, расшитом по пояс золотом. Чалма была украшена султаном в виде веероподобной золотой короны, усыпанной крупными камнями.

Махрамы держали под уздцы ханского коня в золотой сбруе. За ханом стремянные вели десятка два оседланных лошадей, а уж потом следовала свита. Гремели трубы и барабаны. На обратном пути начиналась пальба из ружей и пушек.

Жизнь во дворце Худояр-хана текла однообразно, вспоминает Михаил Алибеков, составивший свои записки в 1903 году. После утреннего омовения и намаза хан следовал в приемную — «саямхона». Высшие государственные чины располагались вокруг него за достарханом. Здесь хан принимал прошения. Но ищущие справедливости не допускались во дворец, а передавали свои просьбы через махрамов, бравших за посредничество взятки вперед.

Когда наступал полдень, хан подавал знак стоявшему наготове повару, и тотчас вносили обед, состоявший из обильных и тяжелых блюд. Рядом с обедающим ханом стоял махрам и держал наготове полную пиалу чая. Если чай остывал, махрам не выливал, а выпивал его и наливал в пиалу свежий.

Откушав, хан шел в сад, где любил следить за игрой в шахматы. Сам он не играл, чтобы не уронить ханское достоинство, но очень любил давать советы. В саду во множестве содержалась всяческая живность: одних голубей было больше двадцати тысяч.

После вечернего намаза Худояр-хан долго принимал наедине главного фискала, от которого получал основную информацию. За ложный донос фискалам отсекали руки, уши, носы. Как кому повезет. Попытки отличались однообразием: связанные ноги, между которыми просовывали деревянный кол, опускали в чан. От воды

кол медленно разбухал, ломая кости. Способ был проверенным и верным.

На ночь хан закрывался у себя, требуя одну из жен или наложниц. В передней до рассвета слышалось монотонное бормотание чтеца — «маддаха», нараспев читавшего «Шахнамэ» или «Хамзанама». За стенами раздавался однообразный звук флейты: это караул сарбазов давал знать, что он бодрствует.

Но страх долго не давал Худояр-хану заснуть. Недаром он так часто принимался гадать на бараньей лопатке, пытаясь провидеть свою судьбу...

Дворец Худояр-хана, как обычно, разделяется на мужскую и женскую половины. В женской половине, где помещался гарем, жили четыре официальные жены хана и наложницы, которых в разное время было от тридцати до пятидесяти. Наложницы обязательно должны были быть иноверками.

Нужно сказать, что брачный ритуал и семейная жизнь мусульманина регламентировались довольно точно. Священными книгами рекомендовалось брать в жены девушку, которая была бы моложе мужа, меньше его ростом, обладала бы меньшими средствами и была бы менее знатна. Но избранница в то же время должна быть красивее мужа, должна превосходить его качествами характера, учтивостью и нежностью.

Для сохранения мира в доме мужу рекомендуется периодически показывать свое превосходство, но с женой нужно обращаться снисходительно, ибо жена все равно, что пленник, а к пленнику надо относиться милостиво.

Если же супруге все же удастся довести мужа до белого каления, то самой лучшей мерой наказания будет слегка похлопать ее по спине и воскликнуть: «О, злодей, наставляющий людей на все дурное, выйди тотчас же из этого прекрасного тела!» В книге особенно подчеркивается, что похлопывание должно быть легким.

Закон предписывал мужу заботиться о жене. Термином «нафака» обозначался тот прожиточный минимум, который глава дома обязан был добывать для своей семьи. Средства могли добываться честным и сомнительным путем. Халяль — честный заработок шел на пищу и питье, а шубха — добытое путем несправедливости тратилось на одежду и прочие хозяйственные дела.

Развлечений у Худояр-хана было немного, разве что заставит своих рабынь бороться или в саду велит устроить на потеху публичную случку верблюдов. Или на женской половине посмеется над шутихами, хлещущими друг друга по лицу свежими бараньими потрохами.

При хане содержался целый штат «тугульчи» — сказочников, нашептывавших ему на сон грядущий всяческие небылицы. Среди них славился изобретательностью Зокир-гоу, умевший, как никто, угодить своенравному хану. Однажды, прослышав, что риштанский ишан устраивает радения, на которых присутствуют женщины, Худояр-хан направил к нему раиса для расследования, но ханский эмиссар сам не устоял и принял участие в непристойном служении, выгородив затем ишана перед ханом.

Для того, чтобы выяснить правду, Худояр-хан велел тугульчи Зокир-гоу сочинить фарс, изображавший риштанское радение. На представление были приглашены подозреваемый ишан и неискренний раис. Хан усадил их рядом с собой. Когда началось представление, названное «Заркокуль», провинившиеся не выдержали и выдали себя. Они были казнены на месте. Сомнения нет, Худояр-хан не читал Шекспира!

Высокий ханский сановник Риза-куюк был в то же время и придворным скоморохом. Он сочинял и тут же разыгрывал сатирические пьески-мукаллиды, сюжеты которых черпались из придворной жизни. Это прेमного потешало хана, так как на посмешище выступали присутствующие здесь же его приближенные.

При кокандском дворце существовала целая труппа артистов, являвшихся каждое утро во дворец в ожидании распоряжений. Иногда хан отпускал служителей Мельпомены на гастроли и получал от этого порядочный доход.

Труппа актеров состояла из канатоходцев, работавших на канате и натянутой проволоке, ходулеходов (ходули были трехметровыми), танцоров-акробатов, силачей, упражнявшихся пудовыми глиняными кувшинами, жонглера, подкидывавшего фарфоровые чашки, фокусника, умевшего сварить плов из горсти пыли и заставить воду литься из пустого кувшина, дрессировщика коз и медведей, фейерверкщика.

В народе очень распространено было скоморошество. Хороший кызык-чилик (скоморох) проходил, как минимум, десятилетнее ученичество. За это время он обучался выразительной жестикуляции и мимике, острословию, находчивости, умению сочинять сюжеты фарсов, мгновенно использовать игру слов. Кызык-чилик должен был хорошо знать, как вести себя в любом обществе: и среди знати, и среди духовных лиц, и среди простонародья. Только самый способный скоморох мог стать руководителем труппы (корпанмонлик), собственно, режиссером, следившим за целостностью всего представления.

Скоморохи пользовались очень большим влиянием в народе, и

политические партии старались всячески привлечь кызыкчи на свою сторону.

Особенно популярны были состязания остроловов — «аския». Мне довелось в Қоканде быть приглашенным на той, где выступал знаменитый аскиябоз — слепой Ирка-кари.

Раньше несколько раз в году устраивались широкие народные празднества — сайил, на которых с представлениями выступали группы скоморохов и актеров. Особенно веселы были вечерние гуляния во время рамазана.

Довольно замкнутый образ жизни и отсутствие общественных развлечений породил «джуру» — замкнутую дружескую мужскую компанию. Джура представляла собой своеобразный клуб, в который входило от пяти до двадцати мужчин. Каждый из членов джуры поочередно устраивал «гап» — угощение. Гап устраивался раз в неделю, на него собирались все члены джуры, иногда приглашались даже музыканты и аскиябозы.

Но самой распространенной и широкой формой общественных собраний был той. Той устраивала каждая семья по различным поводам. На той приглашали заранее, к нему особенно готовились, и хорошим тоем долго гордились.

Мусульманские священные книги всячески советуют сближаться с хорошими людьми и избегать плохих. Для определения качеств человека по его наружности в книгу «Матла-уль-улум» («Источник наук») включена глава «Фирасат». Пользуясь наукой фирасат, можно многое угадать. Но обращаться с ней нужно осторожно и умело. Так, один человек, например, прочел, что длинная борода есть признак глупости. А у него как раз и была длинная борода. Он тут же начал палить ее на свече, обжег щеки, руки и нос и тем доказал свою глупость.

Итак, вот что гласит прозорливая наука фирасат: если у человека голова большая, круглая и хорошо поросшая волосами, значит он умен, щедр и милосерден. Но если она вдруг у него длинная, неровная и безволосая, то ему свойственны глупость, раздражительность и горячность. Интересно само сочетание этих отрицательных свойств.

Большой, сморщенный и нахмуренный лоб — признак недоброжелательности, дурных намерений, гордости, тщеславия и самоуверенности. Средний, не нахмуренный — знак правдивости, дружелюбия, счастливой судьбы человека. Маленький выпуклый лоб означает бесстыдство и глупость. Выпуклость, идущая от носа до волос, — гнев и несчастная судьба.

Брови густые и длинные — жестокость и самомнение. Сросшие-

ся — милосердие, крепость любви. Средние брови — понятливость и благочестие. Редкие у носа — кляузничество. Торчащие и растущие высоко — глупость и гордыня.

О многом можно судить по глазам: большие и черные глаза свидетельствуют о беззаботности характера; вдавленные — легковерие, неразвитость; средние — стыдливость и правдивость; выпученные — бесстыдство и зависть; голубые и маленькие — хитрость и сладострастие; продолговатые — счастье и добросердечие; круглые глаза иметь нехорошо.

Если пришелец беспричинно моргает глазами, значит он обманщик и хитрец. Красные глаза без блеска означают долгую жизнь. Красные белки — вернейший признак страстности.

Большие уши, как ни странно, означают хорошие душевные качества, они — признак долгой жизни и вспыльчивости. Если у тебя мясистая нижняя мочка, быть тебе богатым.

О богатстве говорит и крючковатый нос. Обладатель острого носа легковерен и его легко надуть на базаре.

Красные губы — признак счастья. Большой рот у мужчины — храбрость, у женщины — страстность.

Очень любопытно, что преимущественно все хорошие и добрые душевные качества достаются обладателям «золотой середины», не особенно примечательной внешности.

При всей категоричности указаний науки фирасат, она не закрывает путь к самоусовершенствованию и не делает жизнь правоверного абсолютно безнадежной. Если ты, скажем, независимо от собственного желания, появился на свет с маленькими и голубыми глазами, к тому же еще и украшенными редкими бровями, прикрепленными к длинной и плешивой голове, что в совокупности наивернейший признак твоей глупости, кляузничества и сладострастия — каков бужет! — определив при помощи благородной науки у себя все названные прелести, ты самоусовершенствованием можешь добиться их устранения.

Рассказывается, что некий ученый, уйдя от мира, поставил у входа в свое обиталище художника, обязанностью которого было рисовать портреты всех подходящих к воротам. Только после того, как привередливый хозяин, взглянув на рисунок, определял, что это хороший человек, пришельца допускали пред очи мудреца. Однажды пришел человек, все приметы которого говорили о дурных свойствах, ему было отказано в приеме, но он завопил, что, зная за собой плохое, он принял к исправлению все меры и стал теперь совсем хорошим.

Такова полезность строгой науки фирасат: пойдя разберись, на-

пример, большие у тебя уши, или средние. Грань нечетка, и всегда может закрасться сомнение. Так не лучше ли самому постараться быть примерным пайныкой! Одним словом, я был очень польщен и утешен, когда среди других гостей и меня пригласили на большой той.

Когда-то на Востоке строго соблюдался весь ритуал приглашения в дом и поведения в гостях. Многие уже отошло, но многое, в чем есть разумные и рациональные зерна, осталось в быту и до сегодня.

Приглашение следует принимать обязательно, чтобы не обидеть пригласившего тебя. Если собирается много гостей, самым почетным считается место против входа, но следует занимать лишь то место, на которое ты имеешь право. Немедленно, как только гость сел, потому что есть нужно непременно сидя, следует поставить перед ним угощение — дастархан. Во многих домах дастархан держат постоянно наготове — либо на маленьком столике, либо завернутым в особую скатерть, которую тут же раскрывают перед гостем.

Перед гостем ставятся сладости — кишмиш, орехи, фрукты. Немедленно во всех случаях приносится чай. Но прежде всего гость должен вкусить, хотя бы символически, от хлеба хозяина.

Отношение к хлебу в стране окружено почтительным уважением. Хозяин должен переломить хлеб обеими руками и разложить его кусками перед каждым гостем. Не следует наламывать излишне много хлеба, как это делают иногда теперь в мещанских домах. Неприлично есть от целой лепешки, вытирать хлебом жир с блюда, крошить его, бросать на пол. Даже крошки следует собрать и съесть. В крайнем случае, остатки хлеба можно бросить в огонь или проточную воду.

Уважительное отношение к хлебу породило много нравоучительных легенд и преданий.

Перед тем, как подавать плов, гостям предлагают ополоснуть руки. Подогретая вода вносится в высоких, узкогорлых кувшинах — офтоба. Встречаются медные офтоба, украшенные изысканной чеканкой. Форма офтоба традиционна, но в Хорезме у кувшина не делают ручку. Его держат за длинную и тонкую шейку. Моют руки над специальным тазиком с широкими бортами и прикрытой решеткой серединкой, под которую стекает вода. Так что тазик сверху всегда пуст и чист.

Сливают воду в три приема: сначала немного, потом побольше и много. Воду здесь привыкли беречь. Нечетное число вообще считается счастливым. Идет это от единобожия, легшего в основу ис-

лама: «Бог един и ему угоден нечет». Так что, когда старый восточный человек пьет воду, он делает это обязательно в три приема: один глоток, потом три и, наконец, пять, а всего — девять. И в общем разумно — йоги рекомендуют пить понемногу и медленно.

Традиционный плов подается обычно на большом блюде, причем мясо целым куском укладывается сверху. Если мясо хорошо уварилось, хозяин крошит его руками, но чаще его нарезают на деревянном брусочке или на лепешке. Лакомая косточка укладывается так, чтобы она была ближе к тому, кого хотят угостить. Есть руками нужно привыкнуть, но когда это выходит — здорово вкусно.

Не следует брать с блюда много, в этом — жадность. Не следует брать мало — гордыня. Лучше не садиться за трапезу одному, похвально, когда к пище протягивается много рук. В этом добрый знак щедрости, благополучия и обилия друзей.

После еды прилично сразу, без лишних разговоров, уйти. Пророк учил: «После принятия пищи расходитесь поскорей».

Повторяя про себя все эти мудрые советы, я вместе с Рахимовым и усто Саидом Махмудом Норкузиным отправился на той, где за длинными столами уже собралось несколько сот человек.

Столы были поставлены так, что всем была хорошо видна маленькая эстрада, а посредине осталось довольно значительное место, куда, сменяясь, выходили играющие и поющие артисты. Собственно, это был скорее концерт, чем пиршество. Все с нетерпением ожидали выступления знаменитого на всю Ферганскую долину слепого аскиябоза Ирка-жари.

Приятно было, что выступление профессионала поддерживалось ансамблем, составленным из своих, самодельных (как ужасно сомпрометировано это понятие!) танцоров, музыкантов, шутников и певцов. В их выступлениях чувствовались искреннее увлечение, заинтересованность и старание. Номера чередовались продуманно. Слушатели были внимательны и благодарны.

После того, как слепой певец продекларировал, аккомпанируя себе на дугаре, довольно длинную наставительно-нравоучительную песню о том, как следует воспитывать детей, наконец, перешли к долгожданному состязанию остроловов.

В нынешнем двойном конференсе очень много от средневековой восточной аския. Практически это всегда словесная дуэль, в которой один из партнеров «подает» текст, выводя другого в наивыигрышную позицию для произнесения эффектной остроты. Так работают Шуров и Рыкунин, Тимошенко и Березин, Мирон и Новицкий.

В подлинной аския дело происходит примерно так же, здесь то-

же словесная дуэль, но она идет без подыгрывания, это состязание равных. И зрителям дано оценивать быстроту и находчивость ответов, умение парировать насмешку противника, быстро и энергично переходить в атаку.

Острословы попарно встали друг перед другом, и сражение началось. От меня ускользал смысл игры слов, но шутки бывали довольно рискованными. Однако не допускалось ничего обидного по отношению к противнику. Аскиябозы сами первые шумно смеялись удачному выпаду, словно увлекая за собой зрителей.

Веселье было общим. В сторону кызыкчи были повернуты все лица, из рядов благодарных слушателей вскакивал то один, то другой, подсовывая под тюбетейки поющим и танцующим артистам новенькие рубли.

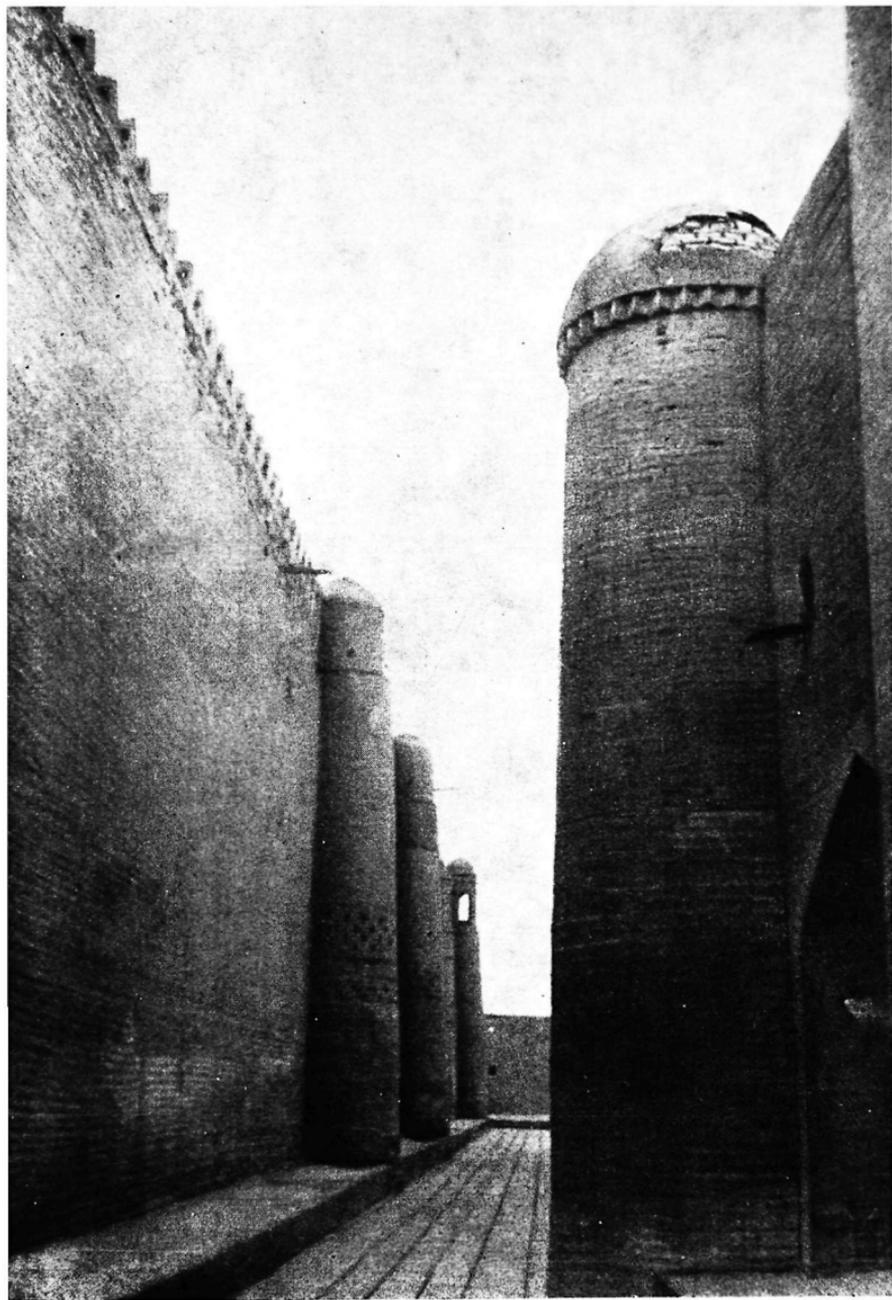
Той только набирал силу, когда нам пришлось уйти. Была уже середина ночи, а утром предстояло покинуть Коканд и двинуться дальше. Путешествие продолжалось.

МИНАРЕТЫ ХИВЫ

Пустынный город.— Старая крепость.— Недостроенный минарет.— Богатырь и поэт.— Махтум-Кули.— Двести колонн Джума-мечети.— Ансамбль у Палван-Дарваза.— Таш-хаули.— Голубые узоры Джина.— Драгоценности Хорезма.— Трагедия Ислам-ходжи.— Возмездие.

Когда ходишь по улицам и пустынным площадям Хивы, трудно избавиться от ощущения, что ты попал в павильоны большой киностудии, опустевшей после оживленного рабочего дня. Поразительны цельность и нетронутость заповедного городского ансамбля. Впечатление такое, что еще вчера у этих древних стен, у лавок, на базарных площадях шумела пестрая толпа; что в мечетях в положенные часы свершались намазы и старцы в чалмах простирались перед михрабной нишей; что с прославленных мазаров неслось бормотание чтенцев Корана, перебиваемое подчас протяжными возгласами муэдзинов; что в ханском дворце торжественно принимали послов, а на площади перед Кунья-арком, в яме со стоком палач убивал осужденного. В кривом и полутемном коридоре, идущем за комнатами ханского гарема, на полу еще стоит забытая клетка для птиц. Какую из женщин совсем недавно тешило их щебетание?

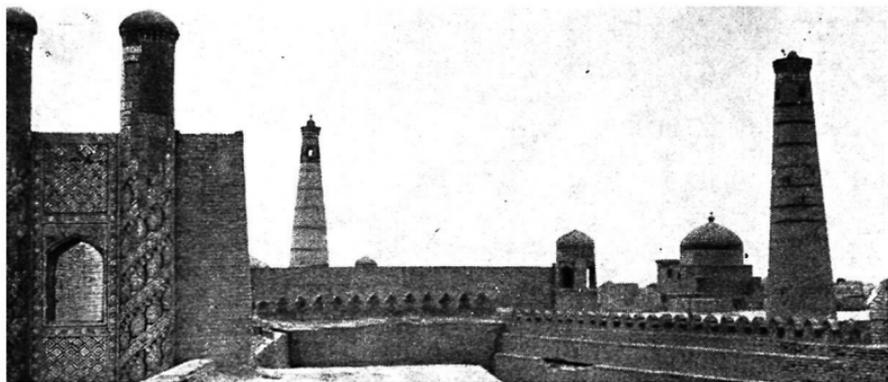
При этом на любовно восстановленных памятниках нет характерного налета музейности. Недаром в памяти возникает воспоминание об опустевших кинематографических павильонах. Кажется, наполнись завтра этот чудесно сохранившийся город-заповедник тенями

Каменное ущелье.

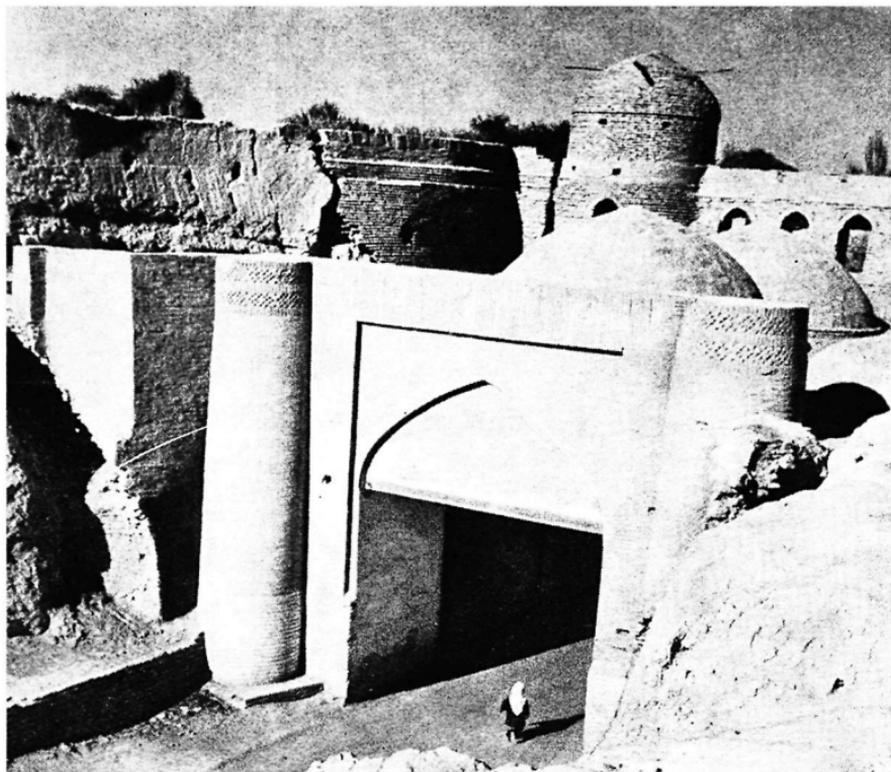
Ислам-ходжа.

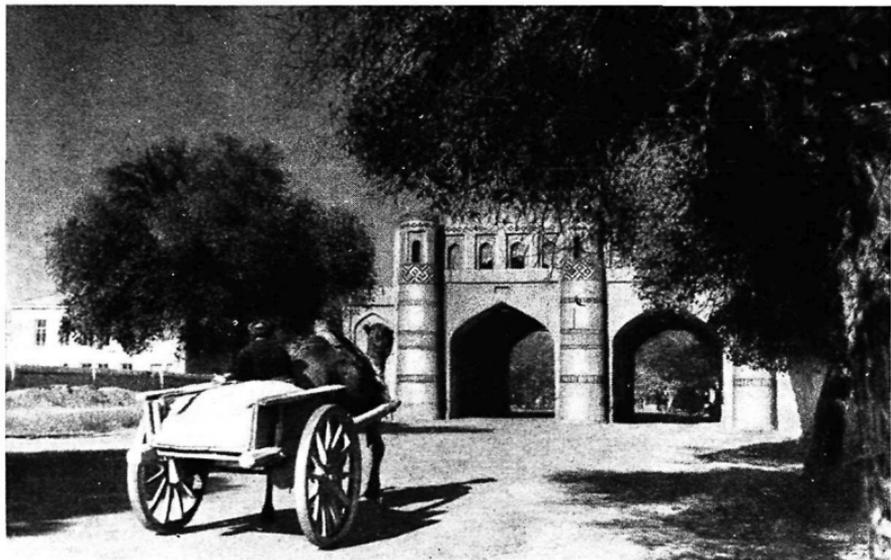
Минареты Хивы.

Бастions Ичан-калы.

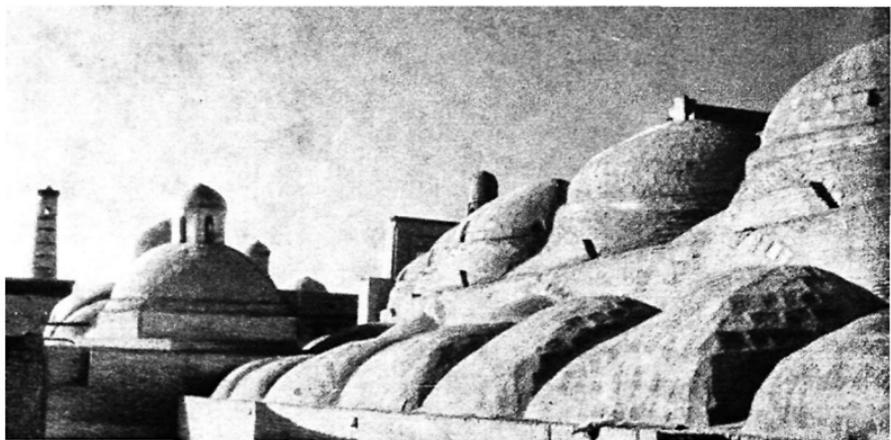

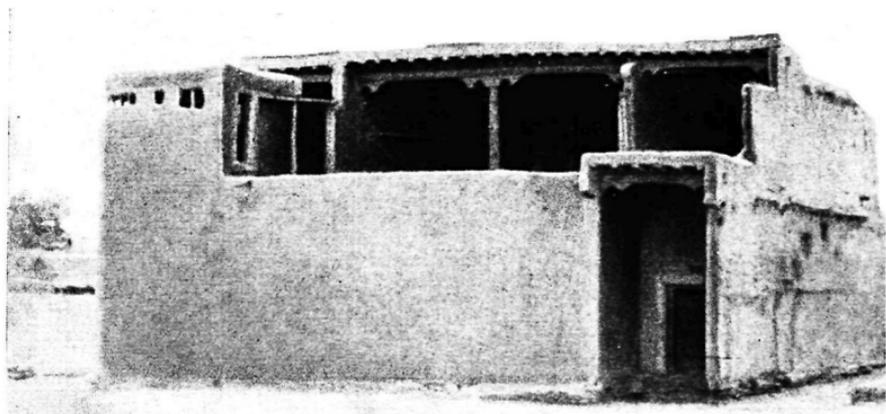
Ворота города.

Верблюд Борька.

Хива.

Хивинский домик.

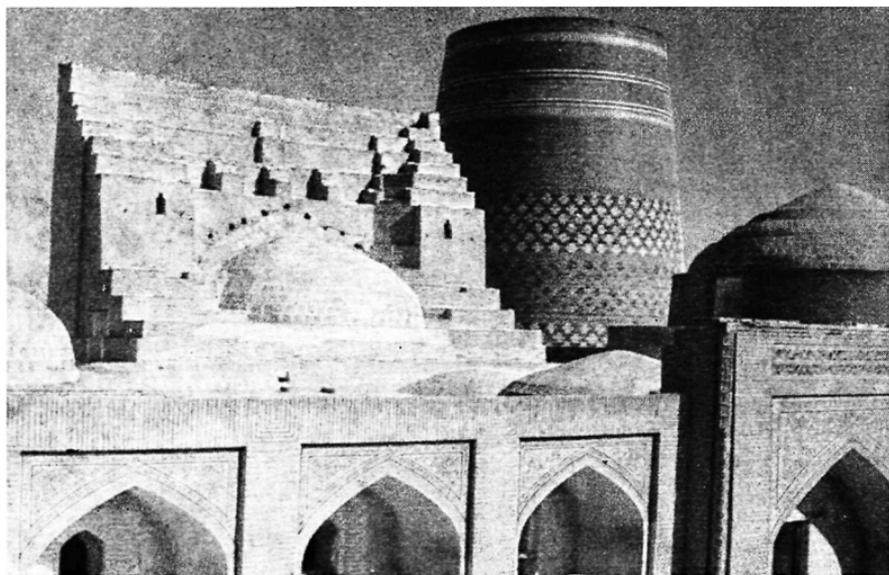
Колоны Джума-мечети.

Вид с минарета.

Кук-минар.

Резьба. Фрагмент.

прошлого, и жизнь волшебным образом сдвинется назад на полтора столетия, к тому времени, когда складывались главные архитектурные ансамбли Хивы, составляющие сегодня ее славу.

Случилось так, что перед первым приездом в Хиву я не успел достаточно изучить ее план, но это не помешало. Наугад пройдя в Ичан-кала сквозь пролом в стене и поднявшись на самую высокую точку старой крепости, я был потрясен открывшейся панорамой. Это может показаться странным для человека, знакомого с ансамблями Бухары и Самарканда, романтикой Шахрисябза и Гиждувана. Но это действительно так. Панорама древнего ядра Хивы неповторима!

Дело даже не в стройных минаретах и не в голубых куполах, и не в протяженности зубчатых стен, замкнувших тесное пространство шахристана, а в том удивительном ощущении реальной достоверности жизни, которая будто недавно покинула город, словно в одно мгновение вытекла из него, оставив нетронутыми дворцы и жилища, лавки и мечети, медресе и гробницы почитаемых святых. Город не дряхлел постепенно, здесь не отмирали какие-то его звенья, регенерируя в ином качестве, как это происходит в любом другом месте: в Бухаре и Самарканде, в русском Владимире и Переславле-Залесском. Нет, здесь жизнь ушла из этих стен, чтобы продолжать свое неперемное развитие в некотором отдалении от них, оставив в неприкосновенности древний город. Так все сразу оставляют муравьи или пчелы свой приют, и высится среди шумящего и молодого леса бурый холм с его коридорами и кладовыми, рождая одновременно воспоминание о недавней жизни и тревожное чувство покинутости. Так и в Хиве.

Ичан-кала — внутренняя и самая старая часть Хивы — пологим холмом возвышается над новыми постройками и садами. Этот холм кажется довольно высоким, потому что его склоны словно продолжают глинобитные стены, толстые и отлогие, такие же светло-бурые, как сама земля.

Кунья-арка — старая крепость, цитадель в цитадели, вплотную примыкает к западной стене Ичан-кала. Собственно, получается так, что западная стена Ичан-кала в то же время является и западной стеной Кунья-арка. Если же смотреть снаружи, то именно в этом месте городская стена усилена двумя крепостными бастиянами. Между ними над городом поднимаются остатки насыпного кешка с руинами замка легендарного белого старца — Акших-бобо. Здесь в более позднее и прозаическое время размещались пороховые склады и караульные несли дозор.

Трудно подниматься вверх по оплывшим от дождей и времени

глиняным уступам, но зато именно отсюда открывается, если можно так выразиться, генеральная панорама Ичан-калы. Стены ее протянулись едва ли на шесть километров, образуя прямоугольник, вытянутый с севера на юг.

На этом относительно маленьком куске земли столпилось несколько десятков медресе и мечетей, дворцов, минаретов, святых мест, сотни плоских крыш, глиняных заборов, карнизы приподнятых айванов — и все это стиснуто в плотный клубок, переплетено и наслоено на беглый взгляд бессистемно. Нагромождение стен прорезано ущельями улиц и переулков, очень редко мелькнет открытое пространство небольшой площади да рванется к небесному простору дерзкая вертикаль минарета.

От самой старой крепости осталось немного. Она по-прежнему отделена от города зубчатой стеной. Здесь хорошо сохранилась лишь приемная хана — курынышхана и летняя мечеть. Всю северную часть цитадели, отгороженную высокой стеной, занимали помещения гарема. Здесь сейчас расположилась база геологической экспедиции, рядами стояли жарко пахнущие бензином грузовики, в одном из айванов отсвечивал пыльным зеленым сукном бильярд, на резной колонне, сделавшей бы честь любому музею, висел помятый огнетушитель.

На фоне этого запустения совершенно невероятными кажутся внутренние стены айванов в курынышхане и мечети, сплошь покрытые фантастической по красоте и благородству майоликовой керамикой. Здесь я впервые услышал от Рахимова имя знаменитого мастера кашинпаза Абдуллы, прозванного за его беспримерное искусство Джином.

Перед воротами Кунья-арка открывается довольно обширная площадь. Сейчас это пыльный пустырь, а раньше здесь проходили торжественные церемонии, маршировала игрушечная «армия» хивинского хана и было лобное место — большая яма, где крепостные стражники по совместительству отправляли обязанности палачей.

Еще с вершины крепости взгляд приковывал стоящий словно бы вплотную за ее стеной огромный, невероятно огромный зеленовато-голубой цилиндр, слегка суживающийся кверху. Непередаваемо это сочетание форм: прямолинейность кровли и портала, стреловидность арок и рядом с ними, вплотную сферическая, идущая прямо от земли, одновременно и зеркально гладкая и чешуйчатая поверхность основания недостроенного минарета.

В середине XIX века Мухаммед-Амин-хан, обуреваемый честолюбием, решил построить большое медресе и возвести рядом с ним минарет, самый высокий в Средней Азии. Медресе он построить

успел, а вот минарет только вышел из земли, но даже и его основание равняется уже современному шестиэтажному дому. Еще бы пару лет, и поднялась бы в Хиве высоченная башня, внушая восхищение и зависть властелинам мира.

Но и сейчас Кальта-минор грандиозен. Это впечатление определенно усиливается еще и тем, что минарет воздвигнут на сравнительно небольшой площадке, стиснутой между стеной арка и медресе. И вот этот-то контраст масштабов и создает оригинальнейшую пространственную композицию.

Минарет остался незаконченным из-за военного поражения Мухаммед-Амин-хана, но мастера, возводившие его, не отнеслись небрежно к своему детищу, они завершили круг кладки и так подобрали орнаментальный мотив, что вершина гигантского цилиндра выглядит вполне законченной, и весь Кальта-минор, несмотря на недостроенность, не вызывает сиротливого чувства, а кажется новым, оригинальным творением необычной формы.

По крутым каменным лестницам мне удалось взобраться на крышу медресе. Был конец дня, и косые лучи солнца заставляли еще ошутимей и рельефней выступать каждый объем. Чуть покатая к центру кирпичная кровля бугрилась куполами, возведенными над верхними худжрами и мечетью. Самый большой купол возвышался над дарсханой. Сферойды сочетались с острыми углами и прямыми линиями пештака и дворовых айванов. Не покрытые изразцами, они напоминали чешуйчатые спины доисторических ящеров. Но стоило заглянуть во внутренний двор, и оттуда летели снопы голубого сияния — то лучились изразцовые панели, щедро покрывавшие стены.

В медресе Мухаммед-Амин-хана шли реставрационные работы. Всюду чувствовался слегка мешающий холодок новизны. В углу двора были свалены выломанные из окон тюремные решетки, замешанные сейчас узорчатой панджарой. Реставраторы торопились уничтожить следы недавнего печального прошлого. В чудесном резном полотнище двухстворчатых ворот еще зияло квадратное оконце, пробитое здесь равнодушной и жестокой рукой. Но и эта рана вскоре будет залечена.

На пороге, засунутые в шелку под дверь, ведущую в зиаратхану, пристроенную к древнейшей части мавзолея Сейид Аллауддина, лежали несколько медяков и кругленькое печенье. Наш провожатый, сотрудник хивинского Управления охраны памятников, смущаясь, объяснил, что это забавляются дети. Мавзолей — древнейшую святыню Хивы — старые люди до сих пор почитают. В архитектурном отношении здание не интересно, но вот майоликовое над-

Гробие поистине великолепно. Его краски и тонкость рисунка заставляли многих исследователей предполагать, что оно было исполнено иноземными мастерами. Однако не правильной ли было бы, помня о высоком совершенстве изразцов хивинской школы, исполненных в более позднее время, чем надгробие Сейида Аллауддина, допустить возможность существования глубокой и сильной местной традиции, давшей столь замечательные результаты в процессе исторического развития.

Это ощущение неперенной связи поколений мастеров, накопленного опыта и мастерства, изысканности и совершенства, которые укрепляются лишь в результате длительной, столетней эволюции, тут же возникает у каждого внимательного человека, стоит ему попасть под высокий, яйцевидный купол гумбаза Пахлаван-Махмуда.

Изразцы здесь покрывают все довольно значительное подкупольное пространство, но при этом нет перегруженности, излишества, чрезмерности. Сам узор настолько легок, прозрачен и изобретателен, сочетание синих и белых тонов так благородно, что этот большой и полутемный мавзолей внушает чувство радости, гармонии, торжества. Сине-белый ковер изразцов великолепно соответствует жизнелюбивому и мудрому духу поэзии Пахлаван-Махмуда, звучные стихи которого вплетены в майоликовый узор, сплошь покрывающий высокие стены.

Почитаемый покровитель Хивы был скорняком, делал шубы и помимо этого славился своей богатырской силой. Причем эта слава простиралась далеко за пределами Хивинского ханства; говорят, хивинский богатырь побеждал самых сильных борцов Индостана.

Но все-таки не борцовские подвиги принесли тысячелетнюю славу человеку, жившему в глубоком средневековье, на рубеже XIII и XIV веков, почти шестьсот лет назад. Его прославили мудрость и справедливость, облеченные в поэтическую форму. В сумрачное время религиозного изуверства, принимавшего особенно варварские формы на Востоке, народного бесправия и угнетенности большой и сильный человек слагал вольнодумные стихи, воспевая в них радость жизни, проповедуя справедливость, клеймя лицемеров и ханжей.

Стихи Пахлаван-Махмуда живут и сейчас в самой толще простого народа. Таисия Васильевна Серeda, сотрудник хивинского музея, много сделавшая для сбора и популяризации литературного наследия древнего поэта, рассказывала мне, что как-то в автобусе ее внимание привлек слепой старик, нараспев декламировавший стихи своему юному спутнику. «Это стихи Пахлаван-Махмуда», —

минает в «Прощании с медресе Ширгази» годы, проведенные в его стенах:

Теперь я знаю, что черно, а что бело,
Кто друг, кто недруг мой, что есть добро, что зло.
Коран и много книг других в мой мозг вошло...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Здесь вдохновенья ключ забил во мне, искрясь.
Я гневом изойду, клеймя пороков грязь.
Духовную с тобой не разорву я связь...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Прекрасный Ширгази сейчас выглядит непрезентабельно. За много веков вокруг мазара в несколько слоев вырос некрополь, и сейчас уровень улицы, пролегающей между гумбазом Пахлавана-Махмуда и медресе Ширгази-хана, много выше прежнего и проходит где-то посередине второго этажа фасадной части медресе.

Некрополь еще частично сохранился. Причудливо выглядит нагромождение из куполов, над которым возносится высоко голубой сфероид мавзолея, увенчанный золотым навершием. На Востоке особенно развит культ могил. Есть верование, что лежащие в земле могут помочь живым, поэтому почитание захоронений далеко не бескорыстно. В старых азиатских городах было в обычае хоронить умерших в городской стене. Еще и сейчас глинистые склоны южной части Ичан-калы покрыты кирпичными сводиками — сагана. Над некоторыми из могил поднимаются на шестах белые полотнища — верный знак, что это мазар почитаемого шейха.

Могилами покрыта обращенная на юг сторона Ичан-калы, ибо Мекка со священной Каабой лежит на юг от города, а лица мертвых должны быть повернуты в сторону мусульманской святыни.

Вероятно, именно поэтому и вся ансамблевая застройка города явно тяготеет к югу. На юг направлены все михрабные ниши медресе и мечетей.

Когда я по рассыпающейся в прах стене вскарабкался на кирпичную верхушку одного из мазаров и, повизгивая от восторга, щелкал аппаратами, снимая изумительную, непрерывно меняющуюся панораму старого кладбища, над которым возвышаются синие купола мавзолеев, то недалеко от себя увидел довольно обширную плоскую кровлю с двумя световыми проемами, из которых выглядывали ветви растущих внизу деревьев. То оказалась Джума-мечеть.

Архитектура главной городской мечети ничем особенно не примечательна. Сила ее в другом. Когда попадаешь внутрь Джума-мечети, в полусумраке опрального пространства со всех сторон тебя окружают ряды и ряды резных деревянных колонн. Их здесь больше двухсот, целый лес стволов. Куда ни помотришь, всюду они отступают, уходят в тень, растворяются или вдруг выступают резко и отчетливо, столпившись у пятна света, падающего сквозь люк в невысокой плоской кровле. Впечатление поразительное. Колонны напоминают толпу людей, сошедшихся сюда в час молитвы. И будто слышишь шорохи одежд, невнятный шепот...

Резные хивинские колонны есть почти во всех больших музеях. Это замечательные образцы народного искусства, идущего из глубокой древности. Веками выработанный тип хорезмийского жилища весьма оригинален, вернее, оригинальна его главная конструктивная часть — высокий айван. Стены городской усадьбы, расположенной в центральной части Хивы, окружают очень маленькое дворовое пространство. Двор почти полностью перекрывается нишей-навесом (айваном), поднятым для лучшего тока воздуха высоко над стенами усадьбы и кровлей дома. Кровля айвана опирается на свободно стоящий столб. Эта подпора весьма функциональная и необходимая часть несущей конструкции хорезмийского жилища.

Однако эстетические потребности народа превратили колонну чуть ли не в главное украшение дома. Ее ствол, в котором расположением поясов подчеркивается логика конструкции, вместе с тем сплошь покрывается превосходной резьбой. Чем выше мастерство художника-резчика, тем сочнее, глубже, пластичнее резьба, тем яснее и гармоничнее ее узор.

Резьбой покрывались и остальные деревянные части дома. Мы помним, хотя бы на примере Бухары, какую важную роль играет в азиатских домах дверь. Всюду она покрывалась драгоценной резьбой и украшалась чеканной медью колец и запоров, свидетельствуя, словно визитная карточка, о благосостоянии и добропорядочности хозяина. Но такой коллекции резных дверей, как в Хиве, нет нигде. Причем эта коллекция собрана не только в музее. Стоит пройти по улицам Ичан-калы, и чуть ли не в каждом доме увидишь дверь, перед которой можно стоять часами, замирая от восхищения перед искусством мастера. Здесь издревле искусство органически вошло в быт, вросло в него, незаметно делая свое облагораживающее высокое дело.

Хивинские резные двери бывают двух типов: филенчатые «багдади», на которых различной по узору резьбой украшаются верхние

и нижние филенки и двери «джуплема», где резьба полностью покрывает все сплошное деревянное полотнище.

Колонны в Джума-мечети удивительно разнообразны. Дело в том, во-первых, что их исполняли художники разных манер и, во-вторых, они относятся к различным историческим периодам. Самые древние из них считают принадлежащими XI—XIV векам, они удивительно благородны, и их легко отличить даже от очень старательных и добросовестных поздних подделок и вариаций.

Многие специалисты считают самые старые колонны привозными, и только Н. В. Черкасова дерзнула усомниться в справедливости этой утвердившейся версии, высказав предположение о местном происхождении древнейших колонн Джума-мечети. Действительно, мы наблюдаем в Хорезме настолько высокоразвитое народное искусство резьбы, такое его распространение и традиционность, что естественнее было бы искать его истоки здесь же на месте, а не механически привносить извне.

Нужно сказать, что во многом неоправданные взгляды на искусство и культуру Средней Азии, как на нечто вторичное, копирующее, провинциальное, за последнее время подверглись и подвергаются убедительному научному пересмотру. И поиски в этом направлении становятся все смелей, а результаты доказательней и очевидней.

Какое-то время назад часто говорили о хаотичности застройки центральной части Хивы, об отсутствии здесь ансамблевых, пространственных решений, знаменующих высшее достижение архитектурного синтеза и культуры градостроительства. И это оказалось неверным. Внимательный анализ комплекса Ичан-калы показал, что даже в вынужденных, исторически данных сложных условиях застройки города архитекторы и строители повсеместно демонстрировали искусность пространственного решения, возводя изумительные по соотношенности частей городские ансамбли. Убедительнейшим примером тому служит архитектурный комплекс у Восточных городских ворот, носящих имя Палван-дарваза.

Эти ворота, помимо прямого назначения въезда в город, служили еще и своеобразным торговым пассажем. В нынешнем виде они представляют собой довольно длинный туннель, с двух сторон обстроенный глубокими нишами лавок, приподнятых над проезжей частью на каменной суфе. Ворота некогда были мощным оборонительным сооружением, они были несколько выдвинуты за городскую стену для удобства ведения флангового обстрела.

Возле Восточных ворот оглашались ханские указы и сообщалось о важнейших событиях. Здесь неудачников и бедолаг сажали на

кол, а схваченных беглых рабов прибивали гвоздями за уши к деревянным створам. Еще и сейчас сорванные с петель неподалеку притулены к стене толстые полотнища ворот.

Если выйти за городскую стену, примерно туда, где находился когда-то невольничий рынок, то откроется с той стороны удивительная панорама. Центральная часть ворот Палван-дарваза перекрыта вереницей небольших куполов, к ним с запада примыкают купола над банями Ануш-хана. Купола то строятся в ряд, то прихотливо группируются, создавая все новые и новые сочетания, завораживая игрой округлых форм и мягкой светотени.

Городские бани относятся еще к середине XVII века, но они очень похожи на те, что построены в Хиве совсем недавно. В Хорезме живет знаменитый мастер, которого до сих пор приглашают строить бани. Никто другой не умеет сложить стены так, чтобы они держали тепло, чтобы у воды был нужный сток и кирпичные своды не разрушались от постоянной сырости и пара.

Нужно сильно пригнуться, чтобы попасть внутрь помещения старых бань, потому что для сохранения тепла они значительно углублены в землю. Планировка их непримечательна и функциональна. Здесь есть раздевалка, несколько купален, между которыми помещен резервуар с горячей водой. Вода подогревалась в нем же, и горячий воздух из топки проходил под настилом пола, равномерно обогревая все помещение. Мыльная вода по особым желобам стекала в отстойник, так что пол в купальнях все время был теплым, сухим и чистым.

В одной из старых книг специально говорится о правилах поведения в общественных банях: следует аккуратно зачерпывать воду из бассейна, не расплескивать ее без надобности, стараться не обрызгать соседа. Моющимся советуется лишь не надолго обнажать среднюю часть тела — аурат.

Справа от ворот Палван-дарваза, справа от входящего в город, расположено самое старое в Хиве медресе Ходжам-Бердыбая. После перестройки, связанной с формированием ансамбля площади, медресе приобрело двухчастное деление и получило прозвание «Хурджум» — так называются двойные перекидные сумы.

Ворота Палван-дарваза, бани Ануш-хана и медресе Хурджум составляют древнейшее ядро городской застройки восточной стены, в зависимости от которой разрастался здесь крупнейший архитектурный ансамбль. Но всякий раз любой этап сложения этого ансамбля представлял самостоятельное и относительно завершенное целое. Ансамбль рос органично, как растет дерево, выпуская все новые и новые ветви, составляющие его крону.

В начале XIX века, а именно в 1812 году, в том году, когда Россия сражалась с Наполеоном, прямо напротив медресе Хурджум, в традиционном приеме кош было возведено большое двухэтажное медресе Кутлуг-Мурад jinak. Любой хивинец, показывающий вам медресе, наверняка расскажет о том, как Кутлуг-Мурад jinak завещал похоронить себя в построенном им медресе. Но случилось так, что он умер за пределами города и по законам не мог быть погребен в Ичан-кале. Однако хитроумные казуисты и из этого, казалось бы, безвыходного положения нашли выход. Стена у Восточных ворот была временно разобрана, и медресе словно бы вышло за черту города. Тело внесли в пролом и исполнили завещание.

Площадь между медресе Хурджум и Кутлуг-Мурад jinak значительно поднята над уровнем земли. Она представляет собой высокую суфу, в толще которой разместились ряды лавочек, выходящих в сторону узких пересекающихся улиц глубокими каменными нишами. Ритм этих ниш словно подготавливает восприятие более значительного ритма двух ярусов лоджий, украшающих главный фасад медресе Кутлуг-Мурад.

Когда было завершено строительство дворца Таш-хаули, площадь частично замкнулась с севера, во всяком случае, она приобрела еще более выраженный объем. Таш-хаули в переводе значит каменная усадьба, каменный двор. И название это не случайно, ибо в архитектуре ханского дворца повторены традиционные формы хорезмской загородной усадьбы, соединенные с некоторыми принципами планировки городского жилища.

Традиции крепки. Когда проезжаешь по тем местам, где когда-то жителям приходилось остерегаться грабительских налетов кочевых племен и выдерживать в своих усадьбах жестокую осаду, еще и сейчас встречаешь высоченные глинобитные стены, укрепленные на стыках в углах округлыми лопатками, почти полуколоннами с выступающим в виде башенки шлемовидным навершием. Глухие кирпичные стены дворца в точности повторяют стены хаули, только они еще выше и еще глуше. Внутренние помещения похожи на лабиринт. Можно долго идти по темным, ломающимся под прямым углом закоулкам и вдруг оказаться в просторном дворе арзханы, украшенном высоким айваном и изразцовыми панно, сплошь покрывающими длинные стены. Арзхана служила для бюрократических занятий хана, но рядом с ней был почти такой же закрытый со всех сторон дворик — место приятных отдохновений, приема гостей и увеселений. Здесь тоже есть айван, изразцовые панно

и на втором этаже открытые лоджии, плоская кровля которых поддерживается стоящей посредине одной резной колонкой.

Помещения дворца строились, вероятно, без особого плана, и часто их сочетание представляет довольно запутанный лабиринт, разобраться в котором можно, лишь взобравшись на крышу и разглядывая его сверху. Так я и сделал.

Плоские, саманные кровли, нагроможденные террасами, противоречили блистательному убранству внутренних покоев, они были словно бедной изнанкой блестящей перевязи Портоса. Но отсюда сверху особенно великолепно выглядят майоликовые ковры, сплошь покрывающие стены, квадратные выступы айванов, таинственный полусумрак ниш и высокие круги, на которых стояли некогда парадные юрты ханов.

Сверху отчетливо виден удлинённый двор гарема, куда выходят пять высоких айванов и несколько ниш, украшающих помещения, где жили родственники хана по женской линии. Во двор гарема можно попасть, пройдя длинный и прямой коридор, из которого небольшие двери вели в помещения четырех ханских жен. Именно здесь, в этом коридоре наше внимание привлекла птичья клетка; чудом сохранившаяся в пустых комнатах дворца.

Снаружи двор выглядит куда нарядней и веселей. Айваны, из которых самый крайний вел в покои хана, украшены разнообразно, изобретательно и с превосходным чувством поверхности. В открытых айванах протекала жизнь обитательниц гарема. В глубине была внутренняя комната, убранная куда скромнее. Из нее вела дверка в комнату прислуги, и дальше был выход в соединительный коридор. Сейчас даже и внутренние помещения гарема заняты местным музеем. Здесь собрана уникальнейшая коллекция резьбы по дереву и очень характерных ювелирных изделий, а керамика сине-белым ковром покрывает стены, и не знаешь, чем любоваться прежде всего. Здесь царство народного мастера Абдулла Балтаева.

Усто Абдулла работает в музее уже сорок один год. Если тебе нужно спросить о чем-либо, связанном с историей, преданиями и редкостями Хивы, лучше всего обратиться к Балтаеву. Это живая энциклопедия, причем энциклопедия, очень охотно дающая информацию. Я имел неосторожность задать почтенному усто вопрос, уточняя неясный династический поворот. Он надел очки, раскрыл клеенчатую тетрадку и обрушил на меня поток имен и дат; рассказ иллюстрировался аккуратно расчерченной схемой родословного древа, каждая ветвь которого неизменно обрывалась кровавым концом. Но усто Абдулла — не только средоточие бесценных исто-

рических сведений. Он сам своими руками создавал многое из того, что сегодня составляет славу хивинского заповедника. Вместе со своим учителем кашинпазом Ишмухаммедом Худайбердыевым он в юности украшал изразцами медресе Ислам-ходжа. Всю свою долгую жизнь наккош Абдулла Балтаев создавал для мастеров майолики орнаментальные мотивы — «кашин-ульги», для резчиков по дереву узоры — «агаш-ульги», а для работавших в мраморе — «марвар-ульги».

Вместе со старейшим и искуснейшим хивинским резчиком усто Ата Палвановым в 1937 году усто Абдулла показал на Всемирной выставке в Париже удивившую французов резьбу тончайшего узора. А спустя десять лет вместе с академиком А. В. Шусевым он украшал Ташкентский театр, за что и был удостоен Государственной премии. Многие хивинские памятники любовно отреставрированы руками усто Абдулла. У старого мастера, «носящего узор», бывает много гостей, и он старается каждому подарить лист, на котором начертан узор и написано по-арабски приветствие «другу-гостю». Такой лист и я привез с собой.

В разных местах мы уже бегло говорили о «хивинском узоре», который встречается и в местной майолике, и в резьбе, и в керамике. Хивинский орнамент — это локальная школа, развивавшаяся на протяжении XIV—XIX веков. Но если не считать древнейших памятников Хивы, таких, скажем, как майоликовое надгробие Сейид Аллауддина, то основные работы в этой области проведены главным образом в прошлом веке.

Стены из сырой глины или хотя бы из сырцового кирпича не терпят искривлений, а потому и не могут быть украшены чисто архитектурными средствами. Майоликовое убранство призвано одновременно и подчеркнуть гладь стены, и разбить ее однообразие, и принарядить изразцовым ковром. Слово «ковер» здесь употреблено не только в качестве сравнения. Юрта — жилище кочевых племен — завешивалась и выстилалась внутри коврами. В Хорезме в обиход вошло многое из кочевого быта. И изразцовое убранство стены своим узором и разделенностью на шпалеры во многом идет от ковра. В хивинском орнаменте преобладают спиралевидные, переплетенные растительные мотивы: тонкие, выходящие стебли с головками цветов. Количество взаимно пересекающихся линий с мелкими деталями доведено до предела. Орнаментальные композиции открыты и могут быть продолжены в любую сторону. Но для каждой из частей изразцового ковра есть свой узор. Окантовочные полосы называются «хошия», медальоны — «мадохиль» и «турундж».

Но есть и еще один мотив. Б. В. Веймарну удалось узнать его

название — «пармагерих» — пересечение волнообразно изгибающихся линий. Этот мотив мне очень понравился. Его можно встретить всюду: и в летней мечети Кунья-арка, и в мавзолее Пахлавана Махмуда, и во дворце Таш-хаули. Когда стоишь перед стеной, покрытой этим узором, кажется, что перед тобой вспорхнула стая белокрылых птиц. В тонких, словно начертанных гусиным пером, белых линиях есть летучий всплеск, легкость, стремительность и произвольность.

Уже говорилось об удивительном орнаментальном единстве, отличающем изделия хорезмских мастеров. Оно особенно заметно там, где есть цвет. Так, почти абсолютно похожи архитектурная и бытовая керамика Хорезма.

Керамика Хорезма своеобразна. Она отличается не только по форме — здесь распространены блюда и чаши, поднятые на круглой ножке с высокими бортами, — но, главным образом, по колориту. Он почти суров: лилово-синее, зеленоватая бирюза, немного белого — вот цвета знаменитой керамики из деревни Ханки, что недалеко от Ургенча.

Нам с Рахимовым пришлось долго искать керамическую мастерскую. Но даже, когда мы ее нашли, нас постигло разочарование: форма блюд осталась прежней, хивинской, а вот колорит был совершенно чуждым: розоватый и вялый, совершенно не вязавшийся с традиционно строгим узором.

Нам пришлось поблуждать среди полей, заросших высокой кукурузой, пока мы нашли дом потомственного кулола, шестидесятилетнего Рахимберды Маджанова, ученика и помощника знаменитого керамиста Балта Ваисова. В деревенском доме было, как обычно, пусто, только на глинобитном полу лежало несколько новых красивых кошм.

Усто Рахимберды был несколько озадачен нашим неожиданным визитом. Он уже давно, как и его ученики, занимается изготовлением массовой, ширпотребной посуды. Но нам повезло: по просьбе Хивинского музея он сделал как раз на днях три глубоких блюда — бодии, расписав их в традиционной манере. Когда ученик Маджанова принес в комнату сверкающие прозрачной поливой, сине-зелено-белые чаши, стало и радостно и до боли обидно. То была настоящая, превосходная хивинская керамика, и отрадно было, что есть еще мастера такого высокого класса. Обидно же было потому, что нелепая организация труда искусников, подобных Рахимберды Маджанову, заставляет растрачивать уникальное мастерство на ремесленные поделки.

Говоря о сине-зеленой керамике Хорезма и подчеркивая ее

строгость, почти суровость, мне не хотелось бы создать впечатление об аскетизме и излишней сдержанности местного искусства. Ничуть! Оно полно грации, изысканной прелести и чувственной щедрости.

Последнее качество особенно сказывается в ювелирных украшениях, бытующих в Хорезме. Мы уже говорили о ювелирах Бухары, делавших отличные браслеты и кольца из нетемнеющего серебра «нукра». В Самарканде еще можно встретить в ювелирных лавочках сложные диадемы с обилием бирюзы и серебра. Украшения часто имели и утилитарный характер. Например, на груди с правой стороны щеголихи носили своеобразную брошь-несессер: к серебряному, украшенному бирюзой медальону, в центре которого вправлен крупный камень с охранительной надписью, подвешены необходимые для всякой кокетки инструменты. Здесь небольшой гребешочек, похожий на вилочку, чтобы расчесывать брови; щипчики, чтобы удалять лишние волоски; карандашик и чашечка для сурьмы; ложечка, чтобы почесать в ушке; серебряная зубочистка. Каждый из инструментиков подвешен на продолговатой бусинке, набранной из серебряной зерни, ручки украшены бирюзой, белым бисером и чеканкой. Этот нарядный приборчик носится на крючке. В случае необходимости его легко снять и взять в руки. Любая уважающая себя красавица носила на лбу золотые брови. По рисунку они длинные и плотно сведены у переносицы, что, как мы помним из мудрой науки фирасат, означает милосердие и крепость любви. Украшенные камнями и бирюзой, золотые брови очень красят лицо и оттеняют глаза.

Серьги обычно состоят из подвесок, прикрепленных к большому и тонкому кольцу. На подвесках нанизываются полые серебряные шарики, перемежаясь с кораллами. Реже встречаются драгоценные и полудрагоценные камни. Они природной, неправильной формы, без огранки.

Ювелирные украшения Хорезма резко отличаются и от бухарских, и от самаркандских образцов. Основная их гамма желто-бирюзово-красная: золото, бирюза и кораллы. Они отличаются щедрой изобильностью, чуть излишней роскошностью. Застежки для халата, коническое навершие на тубетейку, разного рода подвески с ажурными шариками. По бокам лица, прикрывая уши, на острых крючках к тубетейке привешивались две плоских и довольно толстеньких дощечки. Такой «пряник» с двух сторон сплошь покрыт тонкими пластинками золота с рельефной чеканкой. Продольные его стороны украшены кружевной золотой сканью, а на центральном поле по углам и в середине помещено пять золотых

полусфер с обильным вкраплением бирюзы. К основной пластине прикреплено сорок подвесок, каждая из которых состоит из цепочки, четырех крупных, разной формы кораллов и четырех ромбовидных лепесточков, сделанных из дутого золота. В каждом из них по центру вставлено зернышко бирюзы. При малейшем повороте головы вся эта сочная и блестящая гроздь начинает звенеть тоненькими и веселыми голосками.

К поясу красавицы привешивали несколько прядей из длинных, сложно перевитых серебряных цепочек, на конце каждой из них — декоративный ключик. Вся звенящая кисть обильно, в несколько ярусов украшена золотыми лепестками, кораллами и бирюзой.

Все это играет красками, звенит и блещет. Если добавить к этому, что на Востоке выше всего ценились шумящие ткани, то легко представить, какое искристое шуршание сопровождало каждое движение женщины, желающей появиться во всеоружии и произвести впечатление.

Прямо напротив ханского дворца был построен огромный караван-сарай, служивший пристанищем для купцов, издали приезжавших в Хиву. Здесь можно было арендовать худжру за пять рублей серебром в год и целый амбар — за десять. Когда к караван-сараяу был пристроен крытый пассаж — тим, обширное торговое помещение, в котором еще и сейчас свободно размещается добрый десяток магазинов, то часть городской стены, выходящей в сторону рынка, получила архитектурное завершение. Боковой фасад тима был решен наподобие ворот Палван-дарваза, и рыночная площадь теперь явила собой цельную композицию.

Однако развитие ансамбля у Восточных ворот на этом не закончилось. Алакули-хан, при котором и велись основные строительные работы, решил увековечить свое имя не только постройкой дворца, тима и караван-сарая, но и строительством собственного медресе. Место для него было выбрано на площадке между Палван-дарваз, медресе Хурджум и тимом. Места оказалось, прямо сказать, мало, и архитекторам пришлось поломать голову, прежде чем им удалось втиснуть огромное медресе в довольно тесный промежуток между старыми зданиями.

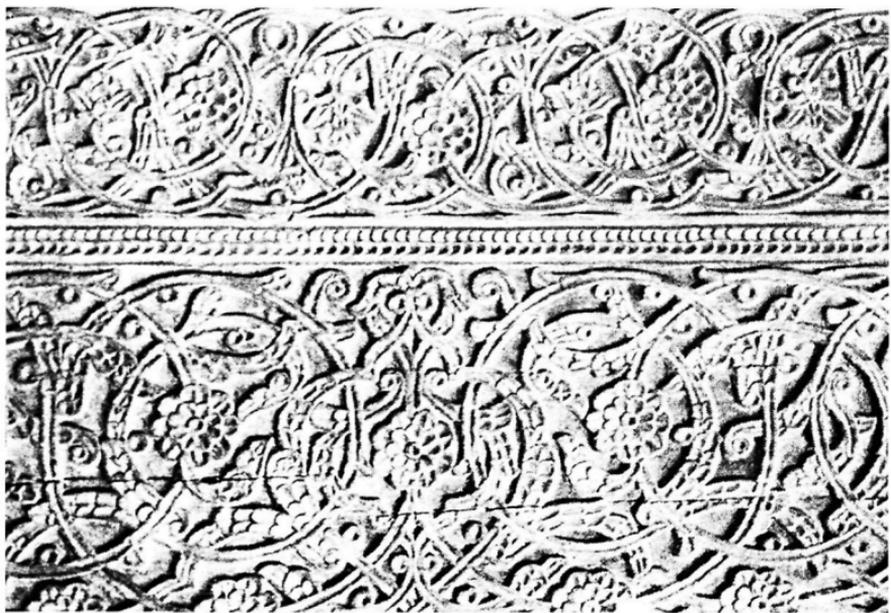
И нужно сказать, что композиция получилась на редкость удачной и выразительной. Теперь окончательно сложился весь восточный архитектурный комплекс. Медресе Хурджум служит словно бы приподнятой входной площадкой для возвышающегося над ним фасада медресе Алакули-хана, фланкированного с обеих сторон башенками тима и городских ворот.

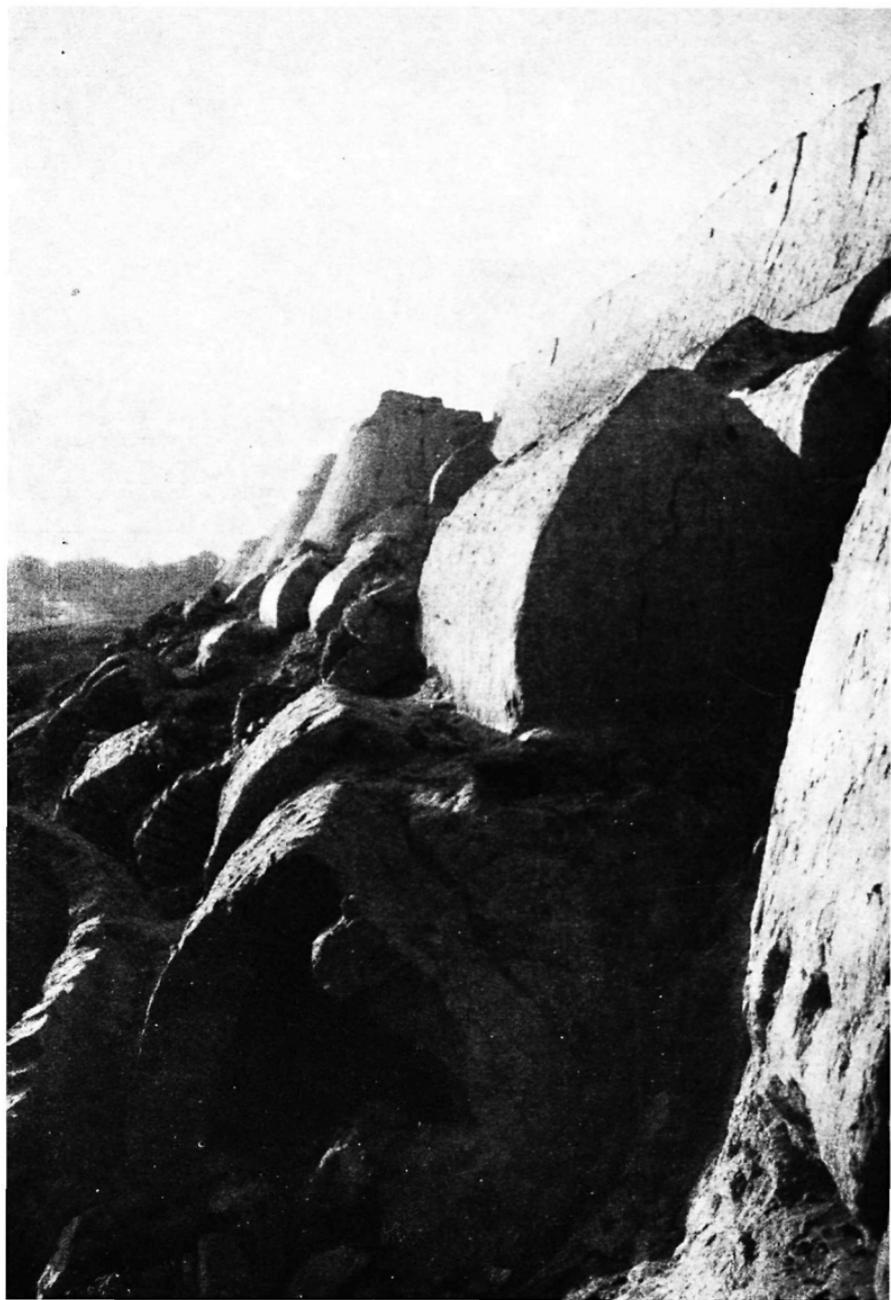
Площадь замкнулась. Привлекательны ее разные уровни, узкие

Усто Маджанов с учеником.

Резьба. Фрагмент.

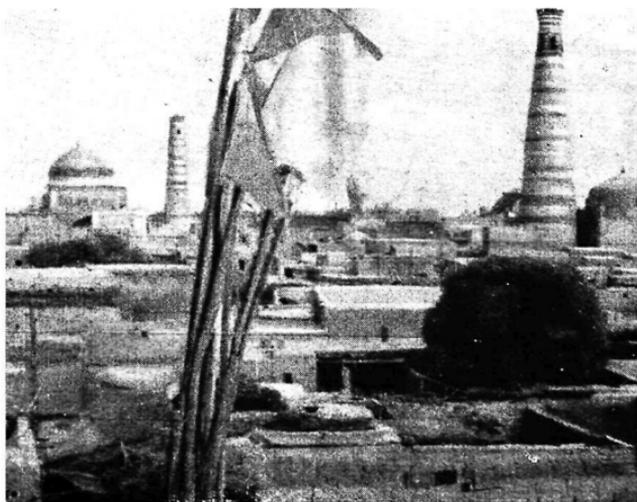

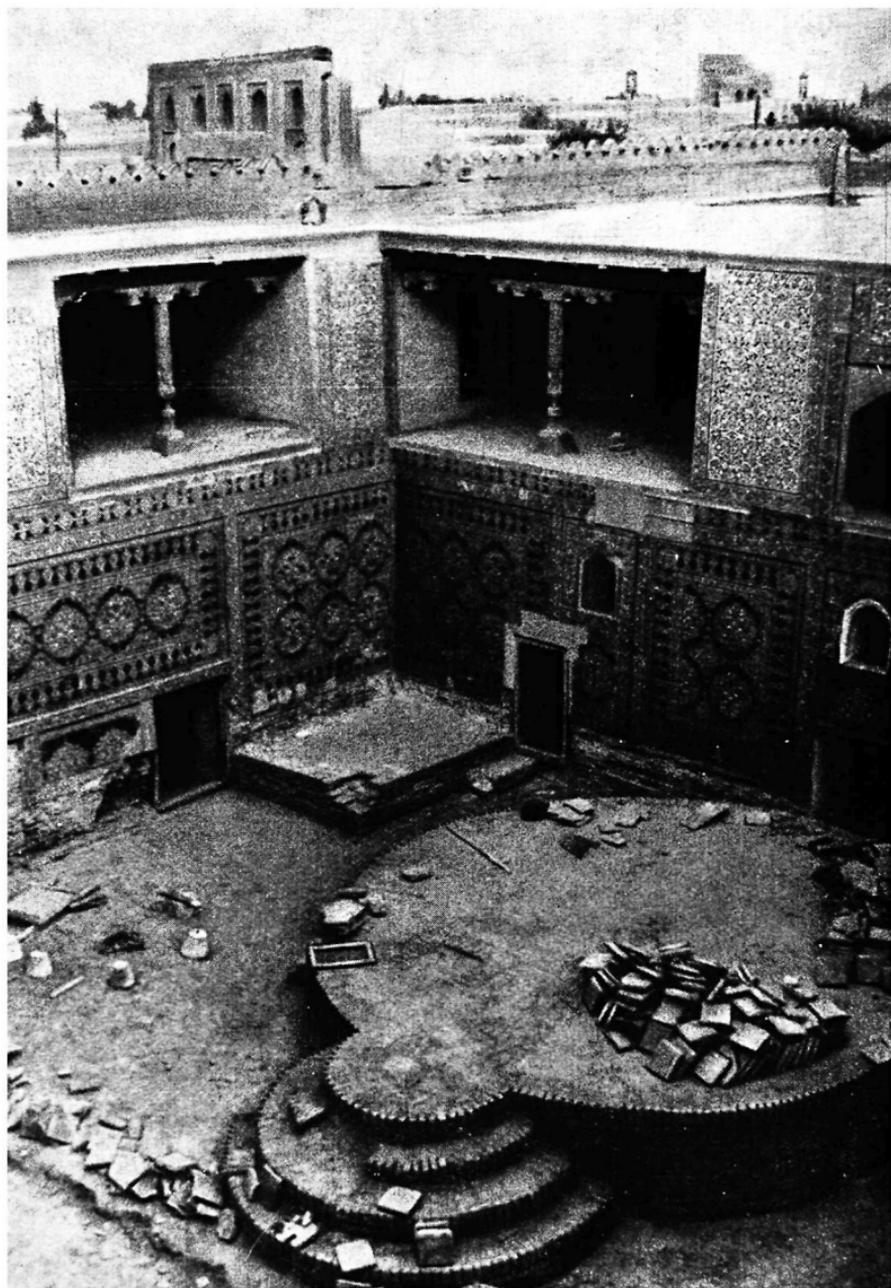
Могилы.

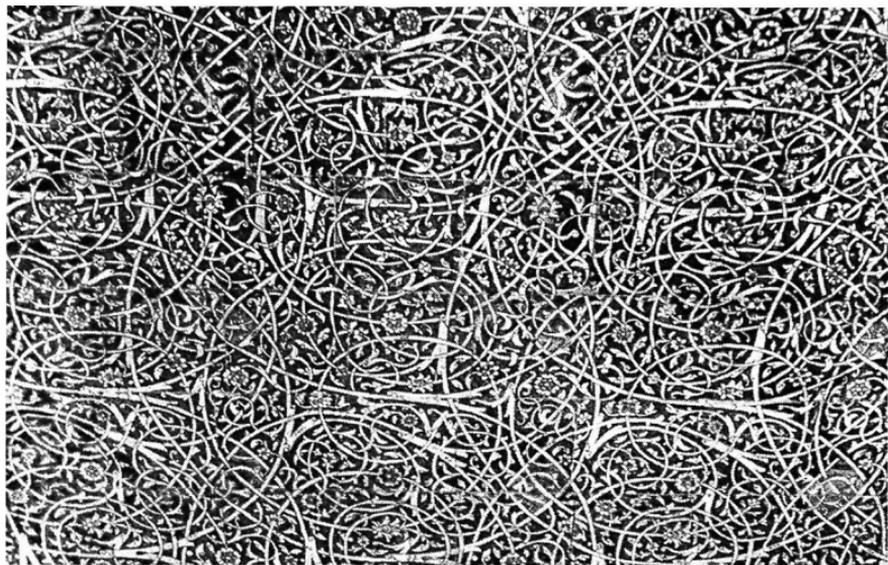
Гумбаз Пахлаван-Махмуда.

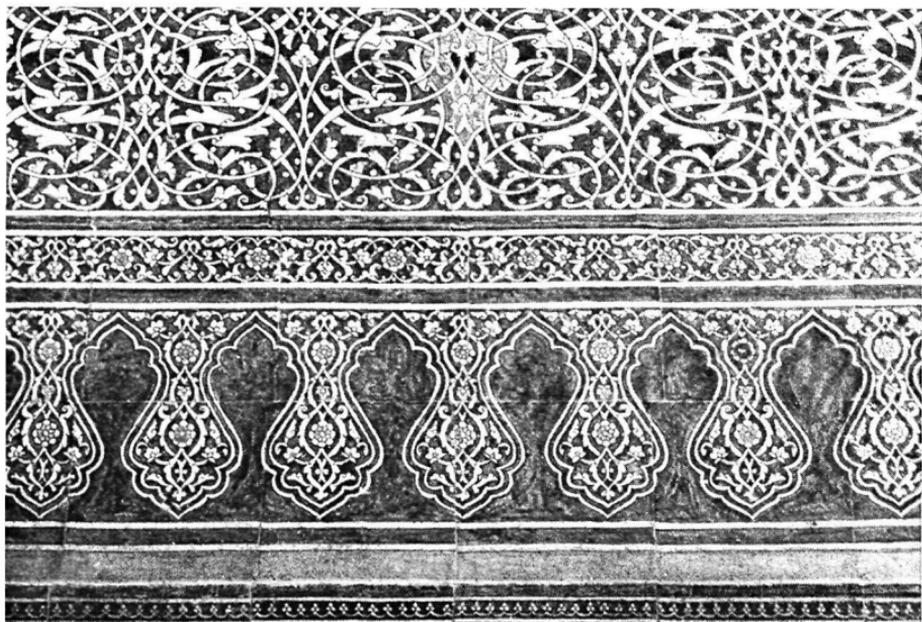
Мазар.

Основание юрты во дворце.

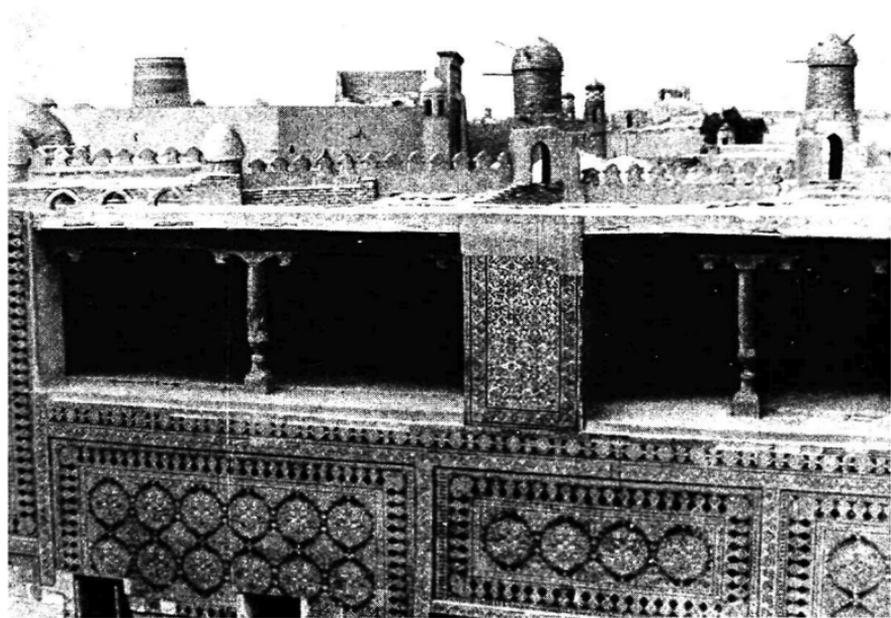
Мозанка.

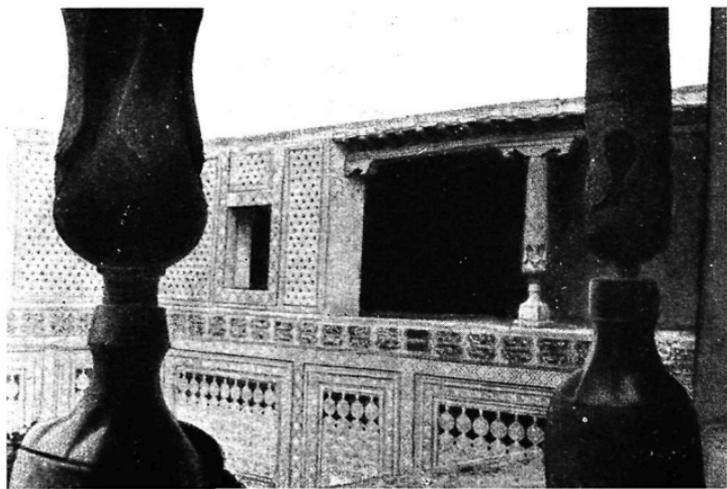

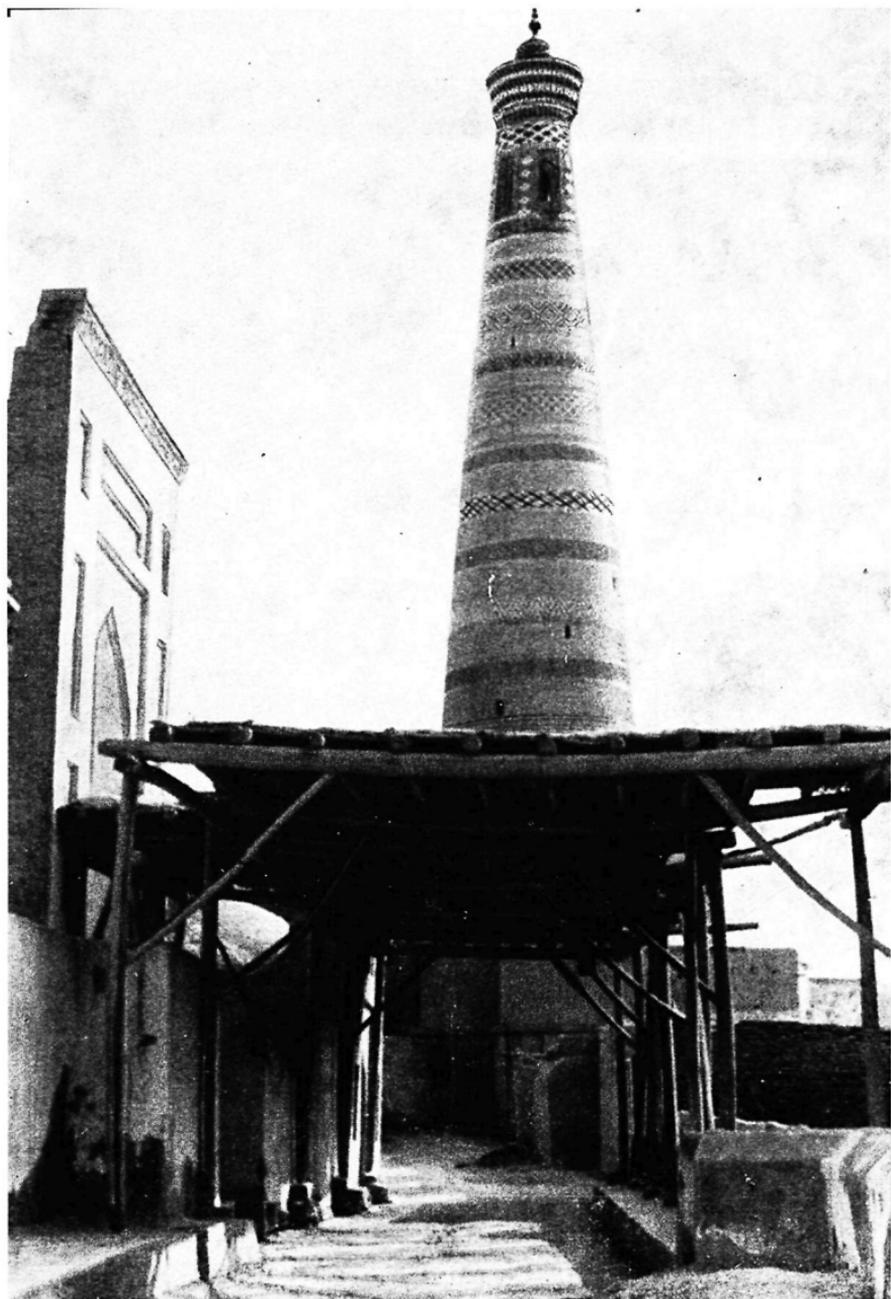

Площадь возле Таш-хаули.

Стены Таш-хаули.

Уличный навес.

проезды идущих словно в ущелье улиц, бирюзовые фасады медресе, купола торговых ниш, плоскости дворцовых стен, легкая колоннада Ак-мечети.

Изумительно чередование больших, ярко освещенных плоскостей и пятен глубокой тени, блеска изразцов и матовости серовато-желтого кирпича.

Воображаю, как приятно ощутить каменную прохладу крытых торговых рядов в знойные дни раскаленного хивинского лета. Мы были здесь глубокой осенью, когда на уже пустынном базаре продавцы, отвешивая виноград, снимали толстые шерстяные перчатки. В харчевнях Ургенча и Хивы вместо привычных шашлыков жарят рыбу — близко Аму-Дарья. Возле базара чаще всего можно было встретить, по-моему единственного в Хиве, верблюда, великолепно выглядевшего на улицах старого города. Верблюда звали Борькой.

Выйдя из пределов Ичан-калы, сталкиваешься с интереснейшей особенностью планировки города в целом. Часть исследователей считает, что застройка Хивы ансамблями не является для нее характерной, но уже высказывается остроумнейшее соображение о композиции четырех главных хивинских минаретов.

Город с запада на восток, от ворот Ата-дарваза к воротам Палван-дарваза пересекает улица, которую можно назвать главной. Она фланкируется фасадами и боковыми стенами крупных сооружений, на ее оси несколько площадей. Улица невелика, всего метров четырехста.

Примерно на ее середине, в центре Ичан-калы был возведен минарет Джума-мечети. Следующий минарет был построен у мечети Сейид-бай, на продолжении центральной улицы, сразу же за Восточными воротами. Возможно, это произошло случайно, но в этой случайности есть закономерность, обусловленная общим характером застройки города: ориентировка на юг, группировка зданий вдоль оси запад — восток. Но если даже допустить относительную случайность выбора места для минарета Сейид-бай, то совершенно очевидно, что минарет Кук-минар намеренно строился в створе двух своих предшественников. И уж наверняка, подчеркивая эту градостроительную идею, был возведен минарет Палван-Кари.

И теперь, когда со стороны смотришь на вереницу хивинских минаретов, выстроившихся по росту в одну шеренгу и шагающих с востока на запад, больше, еще больше, еще, еще больше, то становится ясно, что старых городских архитекторов волновали задачи не только планировки отдельных ансамблей. Они думали и о силуэте города, неизменно подчиняя при этом свои замыслы исторически данным условиям.

Я карабкался по узкой винтовой лестнице на самый высокий в Хиве минарет Ислам-ходжа, кляня себя, что поленился взять фонарик. Каменные ступени были высоки и круты, приходилось хвататься за них руками. Пальцы часто тонули в каком-то волосатом хламе, а под ногами похрустывало: птицы десятилетиями выют здесь гнезда, в первый раз показывая своим восхищенным птенцам окрестный мир с пятидесятиметровой высоты. Минарет Ислам-ходжа почти на десяток метров выше Большого бухарского минарета.

Когда, порядочно задохнувшись, высokaкиваешь, наконец, из темной щели на самую верхушку минарета, мгновенно убеждаешься в непрочности земной тверди и в факте вращения нашей небольшой планеты. Трусливо поглядывая по сторонам, вскоре начинаешь разбирать, что же там внизу, и радоваться знакомым мечетям и медресе, как самым верным друзьям. Ну что, действительно, для нас, привыкших к многоэтажным домам, скажете вы, какие-то пятьдесят шесть метров? Но одно, когда под тобой каменная махина, и совсем-совсем другое — торчать на верхушке тонкого столба, открытого всем семи ветрам.

Самый высокий в Хиве минарет носит имя Ислам-ходжи, визирия Исфандеяр-хана. В фондах Хивинского музея есть несколько редких фотографий. На одной из них, сделанной в Петербурге в 1912 году, виден Исфандеяр-хан в русском генеральском мундире и рядом с ним его визирь. У хана усталое и тощее лицо, а Ислам-ходжа энергичен и тверд. Через год между этими двумя людьми разыгрывается кровавая трагедия.

Визирь Ислам-ходжа был для своего времени и в условиях ханства прогрессивным человеком. Напротив медресе он открыл русско-туземную школу, построил больницу и почту, откуда сегодня можно позвонить по телефону в Москву. Визирь велел строить мосты и благоустраивать дороги. Он задумал соединить железной дорогой Хиву с Чарджуу и тем покончить с изолированностью ханства. Говорят даже, Ислам-ходжа вынашивал проект конституции, по которой хан отстранялся от государственной власти и получал лишь процент с дохода на свое содержание. И это в абсолютной восточной деспотии!

Известен ряд публичных выступлений Ислам-ходжи против варварских и разорительных религиозных обычаев. Озлобленное духовенство угрожало ненавистному человеку. А он ответил изуверам: «Философы никогда не убивали верующих. Верующие часто убивали философов».

Мне рассказывал об этом умном и интересном человеке директор музея, молодой историк Сабур Юсупов. Во время нашей бе-

седы ему принесли «Правду Востока», в которой была опубликована его статья, и видно было, что, как всякому, ему хотелось развернуть газету, но уважение к памяти Ислам-ходжи не позволило сделать это.

Исфандеяр-хан, подстрекаемый муллами, задумал избавиться от ненавистного визиря. Он призвал своего военачальника и приказал убить Ислам-ходжу, но даже тот ослушался приказа. Тогда во дворце был составлен злодейский заговор.

Был объявлен «Катаган» — запретный день, когда женам разрешается выйти из гарема. Жители в этот день не появляются на улицах.

Хан пригласил Ислам-ходжу на уразу и отпустил его только после позднего намаза. Подменили кучера. И по дороге в загородный дворец возле кладбища Оглан-Адиз-бобо на экипаж набросилась шайка воров, главарь которой Каландар Дулмез (Неисправимый) был подкуплен ханским золотом. Ислам-ходжу зарезали.

Исфандеяр-хан плакал и лицемерил, а потом велел потихоньку убить всех исполнителей темного дела. Приехавшую из великодержавной России комиссию подкупили. После этого возле озера Корв открыто застрелили сына Ислам-ходжи — Абдусалам-ходжу и окровавленную его рубашку привезли Джунаид-хану. А любимца и помощника Ислам-ходжи — строителя Раим-бергена закопали живым в землю. И это все уже в нашем веке, совсем недавно...

Дворец Исфандеяр-хана — Нурулла-бай стоит на территории Дишан-калы, внешнего города. Он был окружен садами и бассейнами. Хан был жесток и порочен. Еще помнят страшную историю, как в селе Акьяп Исфандеяр-хан присмотрел себе в наложницы двенадцатилетнюю Дарманджан. Испуганная девочка укусила хана за палец, и он велел за это сварить ее в котле и потом выбросить псам.

Нурулла-бай выстроен уже европейскими инженерами в «восточном» стиле. Он добротен и безвкусен. В тронном зале, где возлежал хан, по стенам установлено восемь зеркал. За ними прятались вооруженные телохранители, со всех сторон осматривая приближающихся к хану. Страх — вечный спутник деспотов.

Исфандеяр-хан был ненавистен. В народе пели крамольные куплеты:

Был хан Исфандеяр —
Мы все плакали кровью.
Лепешка превратилась в кукурузу...

Однажды, в октябре 1918 года хана выманили из дворца, возвестив, что прибыл Курбан-сардар отдать ему почетное приветствие, но когда Исфандеяр-хан вышел из дверей, его застрелили в упор. «Это было здесь», — сказал Сабур Юсупов и потопал ногой по каменным плитам.

Смельчаки — их было всего несколько человек — безбоязненно прошли сквозь онемевшую толпу придворных, телохранителей и стражи, вскочили на коней и безнаказанно проехали почти через весь город. Никто их не тронул.

Народное возмездие тирану часто проявляется хотя бы в молчании и пассивности. Вспоминается знаменитая пушкинская реплика: «Народ безмолвствует».

Караванная тропа.— Туркменский ковер.—
Гибель Бяшима Нурали.— Гордость рес-
публики.

Полчаса езды от Хивы на такси или час на маршрутном автобусе. а затем еще полчаса, сидя на дюралевой скамейке небольшого самолетика, — и Ташауз, уже Туркмения.

Даже здесь, на аэродроме, собственно в современной унифицированной полосе отчуждения, очевидны перемены. Совсем другой тип людей, иные одежды: тонкие, высокие женщины в падающих до пят узких красных платьях; стремительная, быстрая походка. Мужчины в сделанных из окрашенной овчины кожухах, красиво вырезанных и окантованных ярким шитьем, в огромных бараньих шапках.

Мы летели над Кара-Кумами в том же направлении, как в старину шел караванный путь из Мерва в Гургандж. На этой верблюжьей тропе у глубокого колодца с солоноватой водой, как говорит предание, тысячу лет назад и выросла Хива.

Внизу тянулось бесконечное желтое море пустыни. Сравнение с морем здесь уместно не только из-за беспредельности, но и потому, что пески покрыты мерными рядами волн, как почти всегда покрыто длинной зыбью море. С высоты барханы напоминают

ровные свай, лежащие на отмелях наших рек, а вблизи это подвижные холмы, сложенные из сухого песка, с легким шорохом сыплющегося с отвесного края.

Пустыня до сих пор грозит людям, трудно отдавая им свои сокровища. Недаром в туркменском искусстве так сильно выражена тема борьбы и преодоления. Пролетая над серным заводом, расположенным в центре черных песков, мог ли я подумать, что месяц спустя, в этих местах, на точно таком же самолете погибнет самый первый художник Туркмении и, как теперь это вместе с горечью потери становится ясно всем, самый замечательный ее художник — Бяшим Нурали...

Тяга к прекрасному присуща людям. Никакие жесточайшие условия жизни не могут заглушить могучую потребность человека в красоте. Безжизненные пески, мерен шаг верблюдов, несущих на себе разобранные юрты и весь несложный скарб семьи, кочующей «от травы к траве». Только ранней весной, пока не раскалилось огненное солнце, алым буйством тюльпанов и маков разгорается пустынная степь и, как пламя, погасает мгновенно. Но вечные отблески этого цветения горят в красных одеждах женщин, щедро украшенных золотом и серебром, они глухо пламенеют в узорах ковров, покрывающих земляные полы и наборные стены юрт.

Ученые до сих пор спорят, что означает туркменский «гёль». Одни считают, что это стилизованная роза, цветок; другие — темный символ. Ясно одно: «гёль» — это нечто прекрасное, то, о чем грезились в бурых и однообразных песках, со всех сторон замкнувших кочевье. Гёль цвел на коврах и тешил душу.

Современные исследователи вскрыли вековую традицию туркменской архитектуры. Среди песков, как видения прошлого, часто возникают величавые руины феодальных замков, мечетей и мавзолеев. Но все же юрта до самого последнего времени была главной архитектурной формой, превосходно приспособленной к условиям кочевой жизни народа.

Ковер был необходимейшей вещью в быту туркмен, и именно поэтому так развилась его культура. Когда-то прежде всего ценилась добротность и прочность ковра. Для него отбиралась самая лучшая весенняя шерсть равнинных овец. На прядение нитей основы шли самые длинные пряди. Нити сбивались тяжелым гребнем — «хава». Тысячи узелков образовывали плотнейший, низко подстриженный ворсистый покров. Такой ковер жил столетия, не теряя прочности, приобретая упругую эластичность.

Необходимость подсказала несколько форм ковра, ставших традиционными и каноничными. Так, на пол поверх кошм стелился

самый большой ковер — «хали». Стыки каркаса юрты декорировались длинными ковровыми полосами — «иолами». Вместо двери служили «энси», а изнутри входной проем украшал ламбрикен — «капунук».

На стены юрты, заменяя громоздкие шкафы и комоды, вешались ковровые, отороченные бахромой и кистями сумы и чувалы — «мафрачи» и «капы». Для сидения употреблялись маленькие коврики «уджак-баши» и «джиб-хали».

Невеста обычно ехала в дом жениха на верблюде, убранном «осмолдуками» — трапезиевидными ковриками с очень длинной бахромой, сотканными ее же руками. Вьючные двусторонние торбы назывались «хурджимы», их можно было перекинуть и через плечо, отправляясь в дальнюю дорогу.

Очень распространены были небольшие коврики, расстилавшиеся для намаза, — «намазлыки». На них узором изображалась михрабная ниша, в сторону которой следовало обращать лицо.

Таким образом, ковры были необходимы во всех случаях жизни.

В старину ковры изготовлялись только для домашнего обихода. Их ткали девушки, готовя себе приданое. Старухи подсказывали им расцветку ковра и чертили на песке плетение узора. После проникновения в эти отдаленные края европейцев неизмеримо поднялся спрос на ковры — они стали товаром. Теперь их изготовлением занялись все, и наружу всплыла поговорка, раскрывающая житейскую жуть: «Женщина, не умеющая ткать ковра, не должна есть».

Но как только искусство становится предметом купли-продажи, немедленно падает его художественная ценность. Оно мстит за свое рабство. Ковры последнего столетия стали неизмеримо хуже, а с появлением анилиновых красителей их качество упало еще ниже. Но даже и в таком виде туркменские ковры весьма привлекательны, а что уж говорить о тех, которые еще попадают (редчайшая находка) в отдаленном кишлаке или встречаются на музейных стендах.

От времени, как старая бронза патину, ковер приобретает особый надцвет. Растительные краски, которыми только и пользовались некогда ковровщицы, от времени становятся благородней, ворс утоньшается и чуть расщепляется, и весь ковер приобретает серебристый, а иногда даже золотистый отлив, высоко ценный знатоками. Белый цвет, не теряя блеска, чуть темнеет и приближается оттенком к слоновой кости. И все это великолепно горит на глубоком бархатистом фоне цвета бычьей крови.

Туркменкам было известно множество растений, из которых они

добывали краски для шерсти. В дело шли трехлетние корни марены, кора дуба и ореха, ягоды крушины, трава испарян, гранатовая корка и многое другое. В семье хранились рецепты изготовления красителей. Они передавались из рода в род как величайшая ценность.

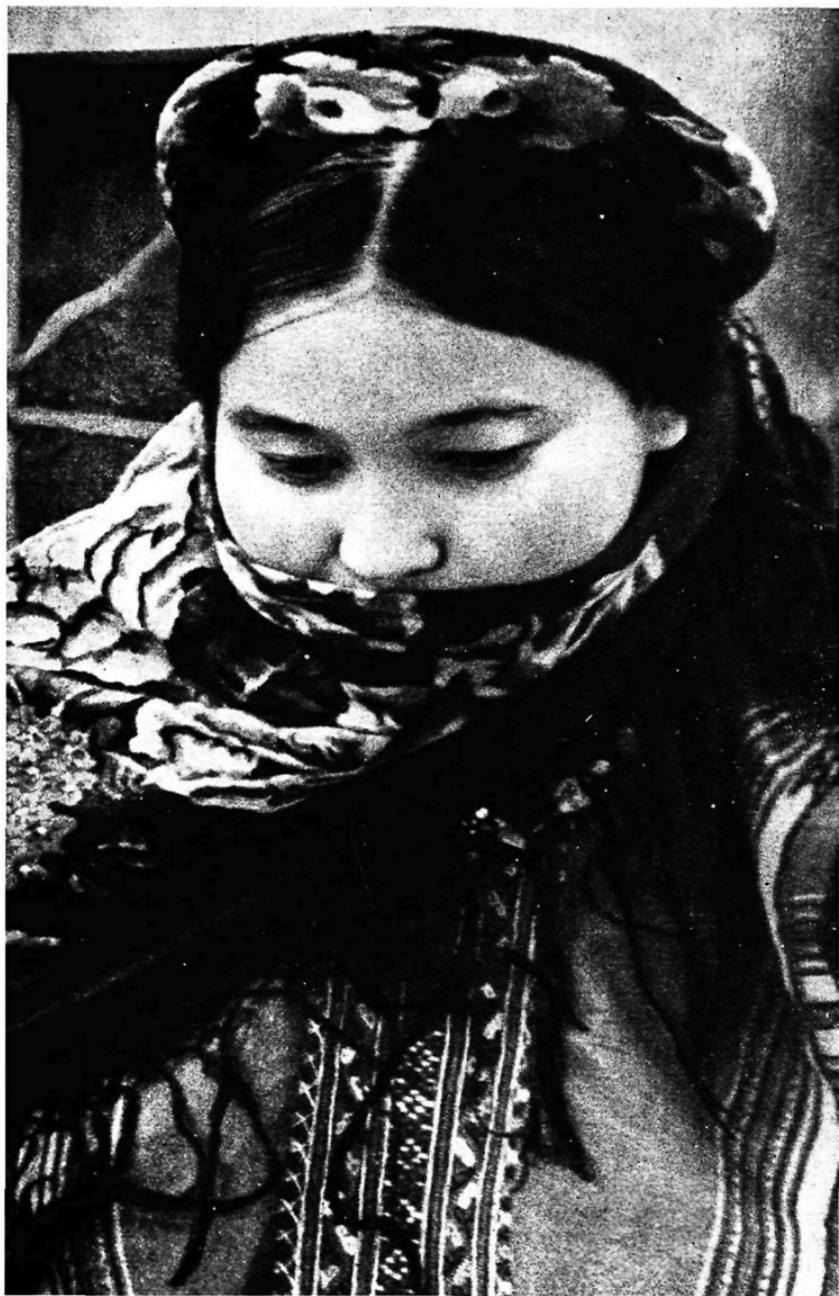
Неширок набор цветов в ковре: красные — от розового до сгустка крови, синие индиговые, черный, белый, зеленые — от оливкового до увядших листьев, желтый оранжевого оттенка, темно-коричневый. И все. Но сочетание этих цветов в каждом ковре — разумеется, употреблялись не все из них — удивительно благородно, выдержанно и гармонично.

Слава о туркменских коврах идет издавна. Еще Марко Поло рассказывал своим современникам: «Выделываются тут, знаете, самые тонкие и красивые в свете ковры, а также ткются отменные богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготавливается здесь».

Знатoki легко отличают салорские ковры от текинских и ёмутские от эрсарских. Иной характер узора, убранства ковра, несколько иная его тональность. Но всегда все-таки превалирует общее представление о туркменском ковре как о чем-то удивительно цельном, бархатистом, лежащемся упругой волной, мерцающем то четким симметричным узором, то сложным переплетением линий и форм почти того же цвета, что глубоко красный, насыщенный фон.

Раньше ковры работали только летом, когда можно было не в юрте, а под открытым небом соорудить из палок и кольев несложный станок. На горизонтальном станке работать согнувшись было неудобно и тяжело. Я помню, каких-нибудь десять лет назад в Ашхабаде в ковровых мастерских еще работали на горизонтальных станках. Когда же я теперь вошел в огромное, похожее на ангар помещение, показалось, что попал в просторный вольер: откуда-то сверху падали лучи солнца, висевшие в воздухе как нечто вполне материальное. Свет играл на ярких платьях молодых мастериц, сверкая на бесчисленных украшениях, и, вдруг озарив полосу начатого ковра, словно лежащего на струнах натянутой основы, совершенно тонул в его бархатистой глубине. Зрелище было фантастическим.

Сейчас ковровая фабрика Ашхабада — одно из крупнейших и известнейших предприятий города. Для нее построено новое здание. В просторных и светлых залах за вертикальными станками по несколько человек в ряд работают девушки, по-прежнему одетые в нарядные национальные одежды. Чаще всего — это ученицы

Невеста.

В ауле.

Бяшим Нурали.

Безжизненные пески, мерен шаг верблюдов, несущих на себе разобранные юрты и весь несложный скарб семьи, кочевавшей «от травы к траве». Только ранней весной, пока не раскалилось огненное солнце, алым буйством тюльпанов и маков разгорается пустынная степь. И, как пламя, сгорает мгновенно. Но вечные отблески этого цветения горят в красных одеждах женщин, щедро украшенных золотом и серебром, они глухо пламенеют в узорах ковров, покрывавших земляные полы и наборные стены юрт.

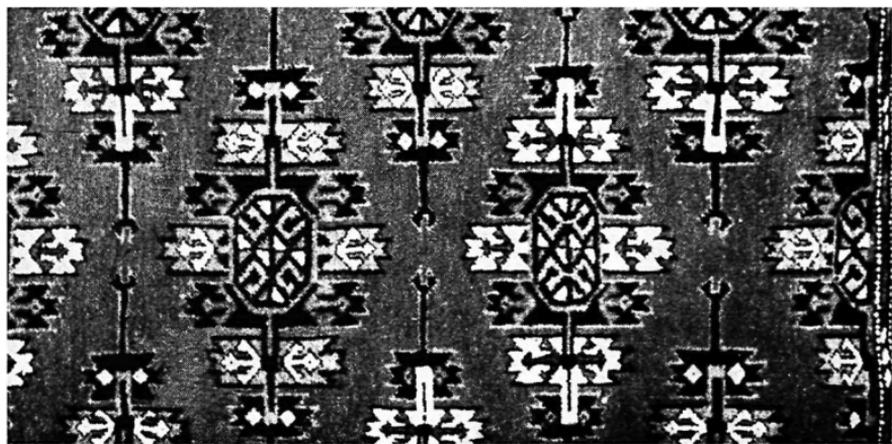
Ученые до сих пор спорят, что означает туркменский «гёль». Одни считают, что это стилизованная роза, цветок; другие — темный символ. Ясно одно: «гёль» — это нечто прекрасное, то, о чем грезилось в бурых и однообразных песках, со всех сторон замкнувших кочевье.

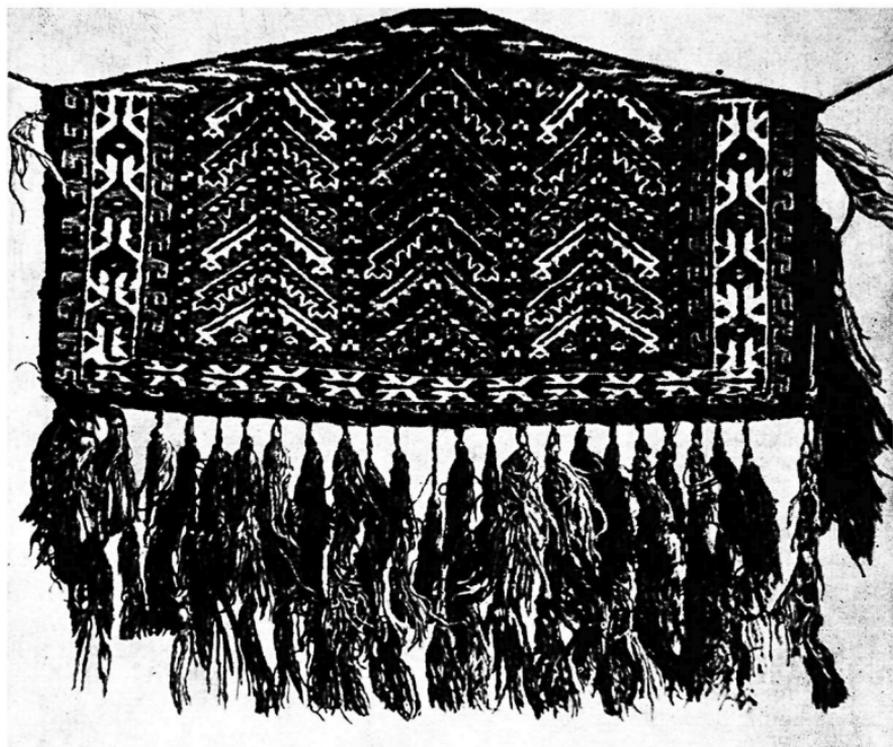

Ковровщица.

Ковер. Фрагмент.

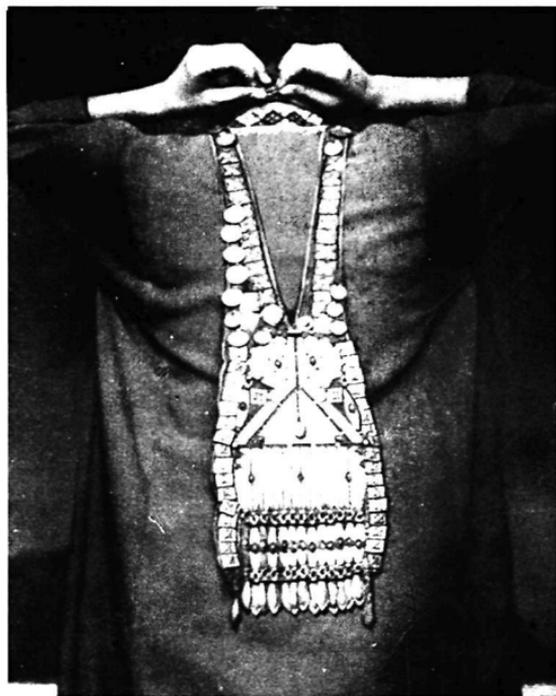

Ковровые сумки.

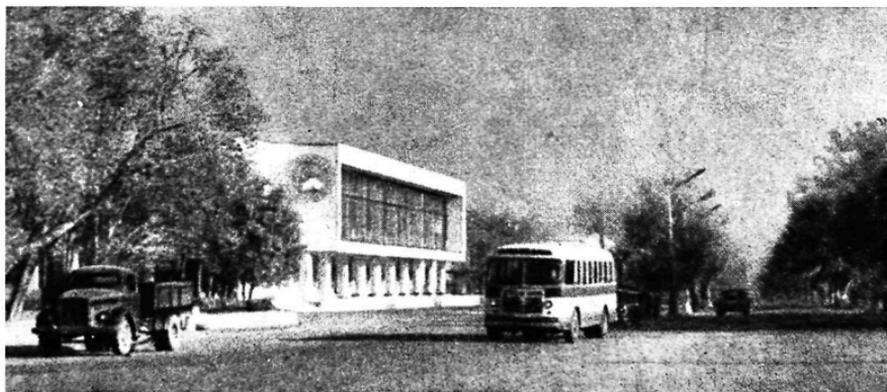
В доме у ювелира.

Художник Изгат Клычев.

В Ашхабаде.

старших классов вечерних школ. На подоконниках рядом с модными сумочками лежат учебники физики и химии. Хорошо!

На фабрике есть специальное отделение, где работают опытни-
шие мастерицы, создавая вариации традиционного узора. Новый
быт видоизменил характер использования ковра, уменьшил его
утилитарное значение и увеличил декоративное. Верится, что когда
ковёр в новых исторических условиях станет предметом не только
украшающим, но и практически необходимым — а это со време-
нем несомненно произойдет, — тогда наступит период обновления
и расцвета этого одного из древнейших и благороднейших народ-
ных искусств.

Тяга к прекрасному, в старину находившая выражение в музыке
ковров и протяжных песнях, в иных условиях, раскрепостившись,
обрела и иное развитие. В этом отношении чрезвычайно интересна
история жизни пастушонка из горного селения Хозыдарк.

Отец Бяшима Нурали батрачил у баев Айназара и Тойлы.
У Тойлы-бая и Мухамед-бая батрачила и его мать после ранней
смерти отца. А сам Бяшим с девяти лет пас овец, принадлежав-
ших баю Мухамед Сары. Потом, когда он подрос и стал аульным
пастухом, Бяшим начал слагать стихи, и их пел весь аул.

Два раза в неделю он спускался с гор в город, везя на ишаке
молоко для продажи. Шел двадцатый год и веку и Бяшиму. Еще
была гражданская война.

Но молодая республика уже мечтала о будущем, и при Полит-
отделе 1-й армии Туркестанского фронта организовалась студия
искусств. На первое же занятие пришло триста человек.

Бяшим Нурали, забыв про ишака и молоко, подолгу простаивал
под окнами бывшего Офицерского собрания и, вернувшись в аул,
сам пробовал тайком рисовать. Молодого туркмена заметили.
Однажды на улице к нему подошел студиец матрос Петровский и
позвал его на занятия.

В ауле всполошились: муллы грозили проклятием аллаха, но
юноша все равно без разрешения семьи ушел в город. Он стал
первым нацменом-студийцем «Закаспийской ударной школы ис-
кусств», переименованной вскоре в «Ударную школу искусств Во-
стока». Голодал. Товарищи делились с ним пайком и одеждой.
Был длинным и тощим, получил прозвище «Спичка», а потом ста-
ли звать «Слоном» — на голове болтались длинные уши суконного
красноармейского шлема.

Но зато когда в двадцать пятом году была расформирована
Ударная школа искусств, в постановлении специально было запи-
сано: «Бяшима Нурали... как наиболее способного и желающего

получить художественное образование командировать во Вхутемас в Москву».

«Нурали не кончил рабфака и не знал, где и что ему делать,— вспоминает И. М. Мазель.— Его положение тогда было даже трагичным. Непонимание, даже некоторое презрение к творчеству Нурали со стороны тогдашних преподавателей рабфака делали его пребывание там совершенно ненужным. Не зная русского языка, он не мог воспринять проходившихся дисциплин (особенно он боялся математики и, не считаясь с разделением на годовые курсы, сам переходил с курса на курс, осведомляясь предварительно у учеников: «У вас нет математики, тогда я тут буду учиться»). Оставив рабфак, он стал бросаться в разные изюшкoлы, где можно было учиться рисовать. А поступить во Вхутемас, чего ему очень хотелось, он не мог, не кончив рабфака».

Наконец, после долгих мытарств Нурали удалось поступить во Вхутемас. Это было здорово! Еще недавно, вспоминая то время, он говорил мне: «Очень весело было. Ночью и днем мы работали». Во Вхутемасе в то время преподавали замечательные художники — Фаворский, Кузнецов, Истомин. Но как ни странно, Павел Кузнецов, у которого учился Бяшим Нурали, не сумел рассмотреть самородный и зрелый талант молодого туркмена. Он учил его начальным истинам искусства, а Бяшим Нурали уже в это время «был в своем роде законченным художником».

Действительно, однажды во время каникул, будучи в родном ауле, он написал большую картину «Праздник» (Курбанбайрам). На ней голубые реки стекали с высоких гор, пробегая мимо накрытых войлоком круглых юрт. Мужчины в бараньих шапках сидели возле мечети, а молоденькие девушки резвились, качаясь на качелях, подвешенных к дереву. Все плоскостно, никакой перспективы в европейском понимании. Толпа женщин написана ярусами, одно лицо над другим. Цвета локальны, никаких полутонов.

Все это так. Но какой искренностью, душевной чистотой веет от этой картины! Как много в ней неподдельного чувства и поэзии! Как плотна ее живопись, словно впитавшая в себя сдержанную гармонию красок, взлелеянных народом в его прекрасных коврах!

Да, Бяшим Нурали был законченным, рано сложившимся художником и поэтом. И где-то в глубине своей души он понимал это и защищал себя от неуклюжих и бестактных попыток учить его простейшему, когда он способностью, данной ему природой, уже сумел познать самое глубокое и важное в искусстве — его высокую простоту и его поэзию.

Защищаясь, Нурали бросался в бой. Он спорил даже с самим Павлом Кузнецовым, горячася, он дерзил своему учителю: «Твоя живопись не имеет веса, ее можно сдуть». Два замечательных художника не сумели понять друг друга.

Бяшима Нурали не понимали долго. Ему давали почетные звания и сажали в президиум собраний, но его картин, даже в республике, немножко стыдились, считая их отсталыми и примитивными. А он писал свои большие полотна и портреты в мастерской, где стоял старенький велосипед сына и сушился виноград. Он очень любил живопись и мог так долго смотреть на картину, что приходилось класть подбородок на руки, положенные на деревянную раму.

Он приезжал в Москву и читал с трибун пленумов длинные стихи на своем языке. Никто их, конечно, не понимал, и многие чуть-чуть посмеивались над этим опиравшимся на толстую палку большим и нелепым человеком, всегда одетым в желтое пальто.

С Бяшимом лучше всего было разговаривать в его доме, лежа на кошке и поддевая лепешкой топленький овечий жир и виноградное варенье. Дома он горячился меньше и охотно показывал только что написанные вещи. Так, он показал мне портрет Молланепеса.

До этого я был в мастерской известного в Туркмении художника, получившего первую премию на конкурсе, посвященном Молланепесу. Там было неловко смотреть на буколического поэта и на те потуги, с которыми все это воспроизводилось на холсте.

А тут передо мной предстал восторженный и наивный певец, в одной руке держащий книгу, а другой покручивающий тонкий и холеный ус. Было в нем столько истинной прелести и песенности, что я попросил художника вынести портрет наружу, чтобы сфотографировать его.

Но когда они оказались рядом — Молланепес и Бяшим Нурали, один — в большой шапке и халате, а другой — в пиджаке и кепке, это было совершенно удивительное зрелище: эти два человека, разделенные веками, были совершенно непохожи, но у них было абсолютное сходство в выражении лиц и глаз. Это было так разительно, что я невольно рассмеялся, а художник, привыкший к пренебрежительной снисходительности, подумав, что я смеюсь над его картиной, тихо попросил: «Не надо смеяться». Он сам улыбался в это время, но сразу стало ясным, как болезненно ранило его все эти годы пренебрежительное непонимание.

Об искусстве Туркмении написано немного, но даже в последнем издании, вышедшем какие-нибудь десять лет назад, работы

Бяшима Нурали упрекаются за «профессиональную слабость», и указывается, что они представляют лишь «историческую ценность».

Где же предел невежеству, еще более страшному, когда оно отмечено университетским значком?

Стоит посмотреть хотя бы те картины Бяшима Нурали, что собраны в Республиканском музее, как перед человеком, глаза и душа которого не замусорены хламом прописных истин, представит огромное природное дарование, талант неискаженный, не потерявший ни свежести, ни непосредственности, ни искренности. А это ли не самое ценное!

С полотен Нурали смотрит сама жизнь, простодушная и безыскусственная, полная добра и понимания. А люди? Как много правды в этих стариках дехканах, молодых женщинах, увешанных наивными побрякушками. Разве может заменить все это богатство натренированный профессионализм, к сожалению, подменивший у очень многих, ранее обнадеживавших художников душевную теплоту и проникновенность.

Молодость чутка на правду, и недаром в последние годы Бяшим Нурали начал пользоваться все большим и большим признанием у молодежи, которой опостытели сверхправильные и заученные схемы.

Прошлой осенью я снова был в гостях у художника. Он прихварывал, непривычно было видеть его, такого большого и громогласного побледневшим и тихим. Солтан — подвижная и смешливая пятидесятилетняя женщина, жена Нурали, выткавшая тридцать лет назад по эскизам мужа знаменитый ковер с портретом Ленина, расстелила на террасе несколько новых кошм. Кошмы еще не потеряли седины, под которой мерцали бурые, серые, красные и зеленые краски.

Бяшим простудился в горах, где он был с агитбригадой. Он читал в самых отдаленных кишлаках свои стихи. Здесь его понимали.

Посучивая, но с гордостью он говорил, что получил еще одно почетное звание. Раньше он был только заслуженным учителем и народным художником, а теперь он стал еще и «народным поэтом», как его называли пастухи и дехкане.

Потом он принес дутар и, поджав ноги, стал играть на нем. По струнам мягко и пластично ходила его крупная рука. Дутар был самодельный, составленный, как мозаика, из неокрашенных досочек. Его смастерил сам Бяшим Нурали, как и много других дутар и четырехструнных гиджаков, хранящихся у него в доме, но по

образцу которых на фабрике выпускаются новые, хорошо звучащие туркменские инструменты.

Мы вместе с Якубом Аннануровым долго слушали и музыку, и стихи, и бесконечные рассказы Бяшима; ели поджаренную в котле картошку с луком и, не дрогнув, запивали ее, не желая обидеть непьющего хозяина, самодельным вином, уже давно превратившимся в чистейший уксус. Расстались мы поздно. Бяшим стоял на дувале и смотрел, как через пустырь, расчищенный для стройки, нас провожал к троллейбусу его большой и ласковый белый пес.

Все следующее утро я работал в музее. Здесь, в новом здании с кондиционированным воздухом, развешивали картины и ковры для юбилейной выставки, среди них были и две новые картины Бяшима: «Каракулеводы» и «Бахши среди чабанов». Мне доставили из запасника его старые полотна, и образовалась целая персональная выставка.

Пришел Бяшим, веселый, в хорошо сидящем на нем темном костюме и светлой рубашке. Он нес в издательство перевод своей большой поэмы. Нурали долго смеялся над тем, как поил меня и Якупа уксусом (сын после ухода разоблачил нас). Я сфотографировал его рядом с портретом Махтум-Кули, почему-то названным в каталоге портретом старика, и проводил по солнечному саду до ворот. Больше мы не виделись.

Спустя месяца полтора Нурали возвращался из творческой командировки. Он был в Ташаузе, где писал портреты своих земляков. Наступал новый год, и, как передают очевидцы, Нурали шел в самолет, держа в охапке две гигантские хорезмские дыни. Встретить этот год ему было уже не суждено...

А меня до сих пор преследует чувство, что не успел я обо всем поговорить с этим интереснейшим художником и человеком.

С Якубом Аннануровым я познакомился года через полтора после страшного ашхабадского землетрясения. Якуб был тогда председателем республиканского Союза художников, ютившегося в глиняной временке, стены и крыша которой были сколочены из дверей разрушенных зданий. Мне пришлось пройти через много городов, перенесших жестокую бомбардировку, но такого я не видел нигде. Там хоть оставались пустые коробки зданий да торчали кирпичные остовы труб, а здесь не было ничего: только груды глины и щебня и между ними землянки, в которых жили уцелевшие после ночной катастрофы люди.

Люди не уходили с тех мест, где были их дома, даже если им предлагали хорошую квартиру в другом конце города. Они

ждали. Ашхабад отстраивался планомерно, и каждый знал точно, когда дойдет очередь восстановления и его дома.

И вырос теперь на месте недавних руин новый, просторный и красивый город, с прямыми улицами и старыми парками. Отстраивали новый Ашхабад молодые архитекторы в содружестве с художниками, поэтому город и получился таким открытым и чистым.

Но кто бы ни приезжал в Ашхабад, его обязательно поведут в парк и покажут ему памятник Ленину, воздвигнутый тут почти сорок лет назад. Когда от подземных толчков в ту страшную ночь зашатался и рухнул город, статуя Ленина, поднятая на граненом, убранном изразцовыми коврами постаменте, осталась незыблемой. Вокруг бронзового Ленина и вырос новый Ашхабад.

Во время землетрясения погибло много художников — и среди них Юлия Павловна Данешвар. Она приехала в республику еще в середине тридцатых годов и привезла с собой ту великую науку искусства, которую она почерпнула у своих учителей Сергея Герасимова и Александра Дейнеки. Все то, что она сама знала и умела, Данешвар отдавала своим ученикам, молодым туркменам, учившимся в республиканском Художественном училище. И она и Иван Иванович Черинько, также трагически погибший во время землетрясения, олицетворяли живую связь двух высоких культур: туркменской и русской.

Мы помним, как трудно было Бяшиму Нурали пробиваться одному, как часто он был беспомощен и страдал от непонимания. Русские художники помогли национальному искусству, опиравшемуся на всю мощь вековых народных традиций, обрести уверенность в своих силах и сократить сроки естественной эволюции.

Иззат Клычев, как реликвию, хранит письма Юлии Данешвар. Она писала ему, когда уже после войны он учился в Ленинградском художественном институте: «Помни всегда, искусство тогда хорошо и имеет успех, когда оно умно, глубоко по содержанию, мудро. А для этого надо много знать, изучать, понять и, особенно, наблюдать». Эти слова звучали, как завещание.

И Клычев учился, учился много и жадно. Но ему было легче, чем многим: за ним стояла не только культурная традиция, накопленная талантливым народом и сделавшая первую попытку найти новое выражение в творчестве Бяшима Нурали, но и поиски самого Бяшима и опыт русского искусства, ускоривший процесс созревания национальных сил.

Потому-то Клычеву и удалось гигантскими шагами пройти весь путь от дипломной, потом аспирантской работ, в которых еще

чувствовалась ученическая робость, до великолепно смелых, брызжащих талантом и жизнелюбием картин последних лет.

Клычев — сын своего щедро одаренного народа. Он плоть от плоти, кость от кости его. Потому-то так горят краски на его полотнах. И потому не боится он писать красным по красному, что не боялись когда-то его предки выводить красный узор по красному фону ковра.

Художник не только любит — любить можно и безотчетно, — но и гордится своим народом. Он понимает всех этих хлопкоробов и стригалей, и поэтому они получаются на его картинах такими человечески значительными и прекрасными.

Благородный труд их художник наполняет романтикой. Вот девушка-мастерица загляделась на алые нити, из которых сплетается она ковер-сказку. И кажется, что ее мечта ведет тебя в древний край легенд и преданий. Вот чабаны, повязав пестрыми платками волосы, стригут распластанных овец, и взгляд невольно погружается в перламутровую мягкость шерсти, ложающейся на землю розовой грудой. Это и есть то самое драгоценное руно, богатство, заветное благо, щедрость жизни, ради которого в веках бились и гибли герои.

В моей мастерской висит этюд: на сиреновом, почти лиловом ковре, сидит женщина. Она с головы до пят закутана в алую ткань. Фигура сидящей полна жизни, но во взгляде ее и позе — вечность. Это этюд к новой картине Иззата Клычева «Белуджи». То песня о величавом прошлом народа. Мы долго молча смотрели на это большое полотно. Оно входит в серию картин «Моя Туркмения».

А потом Клычев поднял на мольберт пейзаж: желтые барханы были далеко видны сквозь решетку железной арматуры, готовой принять сырую тяжесть бетона. То люди строили в пустыне море. Как это великолепно звучит — построить море! И опять мы молча смотрели на эту картину, с улыбкой названную «Пустыня».

И снова вспомнилась строфа Рудаки, начинающая эту книжку:

Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые.

Поэт написал эти слова больше тысячи лет назад. И тогда что-то старилось и уходило, а что-то расцветало, вливая новые силы в стремительный и полноводный поток жизни. Смена веков и поколений наслаивала и наслаивала толщу народной культуры, составляющую сегодня нашу гордость, славу и богатство.

Рассказ хочется продолжать еще и еще: и о плавании по желтым водам Аму-Дарьи; и о полетах на Памир, каменную крышу мира, куда можно добраться только на пограничном вертолете; и о переходах через бесконечные пески, где, как памятники ушедшему, дрожат в раскаленном воздухе купола древних мавзолеев. Дорогам нет конца.

Однако всякий путешественник должен помнить советы мудрой книги «Матла-уль-улум»: лучше всего отправляться в путь в четверг, в самый легкий день, а на распутье без колебаний выбирать дорогу, ведущую вправо. И самое главное, вещает ученая книга: «Без просьбы хозяина не следует рассказывать о своих путешествиях».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953.
«Автобиография Тимура». М.—Л., 1934.
Айни С. Воспоминания. М.—Л., 1960.
Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана.—
Ежегодник Ферганской области, т. 2. 1903.
«Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.»
Л., 1937.
«Археологи рассказывают». Душанбе, 1959.
Бакланов Н. Б. Герих.—«Советская археология», 1947, № 9.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л.,
1927.
Бартольд В. В. Культура мусульманства. Петроград, 1918.
Бартольд В. В. Места домусульманского культа в Бухаре и ее
окрестностях.—«Восточные записки», т. I. 1927.
Бартольд В. В. Народные движения в Самарканде в 1365 году.
ЗВО, т. XVII.
Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней
Азии.—«Записки института Востоковедения АН СССР». М.—Л.,
1937.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной
целью. СПб., 1897.
Бартольд В. В. Улугбек и его время. 1918.
Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в
XVII.—«Записки Института Географии по отделу этногра-
фии», т. XXXIV.
Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках
Средней Азии. М.—Л., 1949.
Беленицкий А. М. О домусульманских культах Средней Азии.
Краткие сообщения ИИМК. М.—Л., 1949, вып. 28.

- Бентович И. Б. Находки на горе Муг. — «Труды ТАЭ», т. III. М.—Л., 1958.
- Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.
- Бичурин Н. Я. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950.
- Бороздин С. Звезды над Самаркандом, тт. 1—2. 1955—1959.
- Булатова В. А., Ноткин И. И. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1963.
- Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
- Васильев А. И. Согдийцы и их вооружение. Тезисы диссертации. Л., 1936.
- Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948.
- Веймарн Б. В. Изучение орнаментов Хивы XIV—XIX. — КСИИМК, т. XXVIII. 1949.
- Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940.
- Веймарн Б. В. Регистан в Самарканде. М., 1946.
- Веселовский Н. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877.
- Воронина В. Л. Резные колонны мечети Бокбонлы в Хиве. — КСИИМК, 1956, № 61.
- Воронина В. Л. Советские ученые об архитектуре Средней Азии. Сообщение кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1943.
- «Восстание народов Согда». — «Известия АН УзССР», 1960, № 4; «Восток», 1925, № 5.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926.
- Вяткин В. Л. Памятники древности Самарканда. 1929.
- Гафуров Б. Г. О причинах возвышения и падения Саманидов. — «Советское востоковедение», 1958, № 1.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Григорян С. Н. Великие мыслители Средней Азии. М., 1958.
- Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. Труды Узбекского филиала АН СССР. История, архитектура. Серия I, вып. 3. Ташкент, 1941.
- Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939.
- Денике Б. П. Искусство Востока. Казань, 1923.
- Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М., 1927.

- Джалилов А. Войско и вооружение согдийцев.— «Известия Отделения общественных наук АН Таджикистана». 1956, № 8.
- Дмитриев В. М. Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI в.
- «Древние авторы о Средней Азии». Ташкент, 1940.
- «Древний город Средней Азии». — «Ленинская правда». Ходжент. Август — сентябрь — октябрь 1958 г.
- Дудин С. М. К вопросу о технике изразцовой мозаики. — «Известия РАИМК». т. 4. Л., 1925.
- Дудин С. М. Ковровые изделия Средней Азии. — Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VII. Л., 1928.
- Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. — «Краткие сообщения ИИМК», т. 40. М., 1951.
- Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. Л., 1932.
- Дьяконов М. К. У истоков древних культур. Душанбе, 1956.
- Ефремов Филип. Десятилетнее странствие. М., 1952.
- Жадова Л. Современная керамика Узбекистана. М., 1963.
- «Живопись древнего Пянджикента». М.—Л., 1954.
- Жуковский С. В. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.
- Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петербург, 1915.
- Журавлева Е. В., Чепелев В. Н. Искусство Советской Туркмении. М., 1934.
- Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948.
- «Изобразительное искусство Туркменской ССР». М., 1957.
- «Искусство Средней Азии». М., 1930.
- «Кандия». Справочная книжка Самаркандской области. 1906.
- «Керамика Хорезма». М., 1959.
- Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде. СПб., 1881.
- Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887.
- Крыльцов И. И. Государственное управление и суд в среднеазиатских ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией. — Ученые записки Свердловского юридического института, т. 2. 1947.
- Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
- Лыкошин Н. С. Хороший тон на востоке. 1915.
- Лыкошин Н. С. Чем развлекаются туземцы. — «Еженедельник Туркменского народного университета», 1918, № 2.

- Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Петербург, 1916.
- Ляпунов Б. В. Из глубины веков. М., 1953.
- Массон М. Е. Из истории газовой войны в Средней Азии. — «Социалистическая наука и техника». Ташкент, 1935, № 7.
- Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — «Вестник древней истории». М.—Л., 1950, № 4.
- Массон М. Е. Краткая историческая справка о самаркандских минаретах. Ташкент, 1933.
- Массон М. Е. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926.
- Массон М. Е. Регистан и его медресе. Ташкент, 1926.
- Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура. Ташкент, 1926.
- «Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте». Ташкент, 1958.
- «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», М., 1950.
- Минаев И. Я. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902.
- Моисеева К. Тайна горы Муг. М., 1958.
- Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. 1820.
- «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана». 1957.
- Нершахи. История Бухары. 1904.
- Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956.
- Ноткин И. И. Ансамбль у восточных ворот Ичан-Кала. — Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960.
- «Обсерватория Улугбека». Ташкент, 1953.
- Остроумов Н. Уложение Тимура. Казань, 1894.
- Петрушевский И. П. Из истории Бухары XIII в. — «Ученые записки Ленинградского университета». Серия востоковедения, 1949, № 98.
- Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей. — Сб. МАЭ, т. XIV. М.—Л., 1955.
- Пещерева Е. М. Гончарное производство в Средней Азии. 1959.
- Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948.
- Пономарев О. Как делается туркменский ковер. — «Туркменоведение», 1931, №№ 10—12.
- Пономарев О. Мотивы туркменского орнамента. — «Туркменоведение», 1931, №№ 7—9.
- «По следам древних культур», М., 1951.
- Пугаченкова Г. А. К истории «паранджи». — «Советская этнография», М., 1952, № 3.

- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
- Пугаченкова Г., Ремпель Л. Бухара. М., 1949.
- Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956.
- Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство. — Труды Среднеазиатского Гос. университета, вып. 23. Ташкент, 1951.
- Пугаченкова Г. А. Самарканд. Бухара. М., 1961.
- Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. 1961.
- Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949.
- Савицкий Г. И. Флавий Арриан как источник по истории Средней Азии. Самарканд, 1941.
- «Сборник В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.
- Свен Гедин. Моя жизнь в путешествиях. М., 1930.
- Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — «Советское востоковедение», т. 5. М.—Л., 1948.
- Семенов А. А. Ковры русского Туркестана. — Этнографическое обозрение, кн. 88—89, 1911.
- «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959.
- «Согдийский сборник». Л., 1934.
- Соболев Н. Н. Производство ковров. М., 1931.
- Соловьев М. М. Экспедиция в Бухару при участии натуралиста А. Лемана. М.—Л., 1936.
- «Справочная книжка Оренбургского края на 1871».
- Сухарева О. А. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии. — «Справочная книжка самаркандской области». 1896, вып. IV.
- Терентьев М. А. История завоеваний Средней Азии. СПб., 1906, тт. 1—3.
- Тихонович В. Культура орнамента туркменского ковра. — «Туркменоведение», 1930, №№ 4—5.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийских цивилизаций. М.—Л. 1948.
- Томаев Г. Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв. М., 1951.
- Тревер К. Александр Македонский в Согде. — «Вопросы истории», 1947, № 5.
- «Три письма с горы Муг». — «Проблемы востоковедения». М., 1960, № 6.

- Троицкая А. Л. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане. — «Советская этнография». М.—Л., 1948, № 3.
- Фолькерзам А. Старые ковры Средней Азии. — «Старые годы», 1914, окт.—дек.
- Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
- «Хивинский узор». Ташкент, 1957.
- «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931.
- Чепелев В. О народной линии в искусстве феодального востока. — «Искусство», 1936, № 9.
- Черкасова Н. В. Памятники резьбы по дереву в Хиве. — КСИИМК, 1949, т. XXVIII.
- Шишкин В. А. Археологические работы в 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
- Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.
- Шишкин В. А. Города Узбекистана. 1943.
- Шишкин В. А. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана. Ученые записки Ташкентского пединститута. Ташкент, 1947, вып. I.
- Шишкин А. В. Медресе Улугбека в Гиждуване. Ташкент, 1933.
- Шишкин В. А. Мечеть Магоки-аттари. Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948.
- Шишкин В. А. Надписи на портале Большой мечети в Бухаре. — «Бюллетень АН УзССР». Ташкент, 1947, № 8.
- Щербина-Крамаренко. По мусульманским святыням Средней Азии. Самарканд, 1896.
- Якубовский А. Ю. Восстание Табары. Доклад группы востоковедов на сессии АН СССР. М.—Л., 1936.
- Якубовский А. Ю. Восстание Муканы. — «Советское востоковедение», кн. 5. 1948.
- Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории городов Средней Азии. — «Труды Таджикского филиала АН», т. XXIX, 1951.
- Якубовский А. Ю. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940.
- Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканда.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. — «Известия ГАИМК», т. VI, вып. III. Л., 1930.
- Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933.

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОЯ ДОРОГА

Начало.— Море в пустыне.— Древняя земля.— Гордость художника.— Диалектика века

5

ГОРОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Александрия Эсхата.— Старый Ходжент.— Драгоценный цветной рельеф.— В доме усто из кишлака Шайхбурхон.— Существо спора.— На земле древней Усрушаны.— Завет.

17

ТАИНА ЗАМКА МУГ

Подвиг на Зеравшане.— Находка пастуха Махмеда-Али.— Дворцы и храмы Пянджикента.— Сожженные статуи.— Меч согдийского воина.— Битва у реки Кум.— Щит Ди-ваштича.

44

БЛАГОРОДНАЯ БУХАРА

Великий город.— «Башня смерти».— Ислам.— Жизнь про-рока.— Культ.— Мечети.— Поверья и праздники.— Восста-ние Тараби.— В худжре старого ученого. Медресе.— Дво-рец эмира.— Палачи и казни.— Базары.— Ювелиры, чекан-ка, золотое шитье.— Вечная жажда.— Дела людей.

56

СТОЛИЦА ТАМЕРЛАНА

В склепе Тимура.— Дневник испанского посла.— Загород-ный дворец.— Пиршества.— Жены.— Шахи-Зинда.— Ле-генда о Биби-ханым.— «Могила эмира». Секстант Улуг-бека.— Регистан.— Разгадка трагедии.

83

СУДЬБА ШАХРИСЯБЗСКОГО БЛЮДА

Снова Тимур.— Аж-Сарай.— Рыжий ангоб.— Через пере-вал.— Драконы и собаки.— Мисгар из Хаджи-ахрара.— Традиции Катта-Кургана.— В Голодной степи.— Вот он, Гиждуван.— Косогары и кузогары.— Слава усто заде Ус-мана.— Нужно решать!

105

СУДЬБА ШАХРИСЯБЗСКОГО БЛЮДА

(Окончание)

Письмо Ленина.— Волшебница из кишлака Уба.— Ученик Балта Ваисова.— Улица форфоровых чашек.— Делегат Международного конгресса.— Так должно быть!

120

ВО ДВОРЦЕ ХУДОЯР-ХАНА

Законы вежливости.— Росписи Кокандского дворца.— Парадный выход.— День Худояр-хана.— Брачный ритуал.— Развлечения — Скоморохи.— Наука «фирасат». — Правила хорошего тона.— Той.

133

МИНАРЕТЫ ХИВЫ

Пустынный город.— Старая крепость.— Недостроенный минарет.— Богатырь и поэт.— Махтум-Кули.— Двести колонн Джума-мечети.— Ансамбль у Палван-дарваза.— Ташхаули.— Голубые узоры Джина.— Драгоценности Хорезма.— Трагедия Ислам-ходжи.— Возмездие.

144

ГЕЛЬ — ЦВЕТОК ПУСТЫНИ

Караванная тропа.— Туркменский ковер.— Гибель Бяшима Нурали.— Гордость республики.

156

Халаминский Юрий Яковлевич ДОРОГАМИ ЛЕГЕНД

М., «Советский художник», 1967.
184 стр. с илл. Цена 1 р. 27 коп.

Редактор Н. М. Воронина.
Технический редактор Л. М. Штейнер.
Корректоры Р. Кравецкая,
И. Шорсткина

A13984.18.X.1967. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,5.
Усл. п. л. 13,61. Уч.-изд. л. 16,053. Тираж 10 000.
Заказ № 218. Изд. № 2—182
Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете
Министров СССР.
Москва, 1-й Рижский пер, 2.